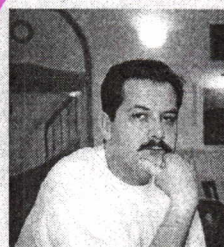
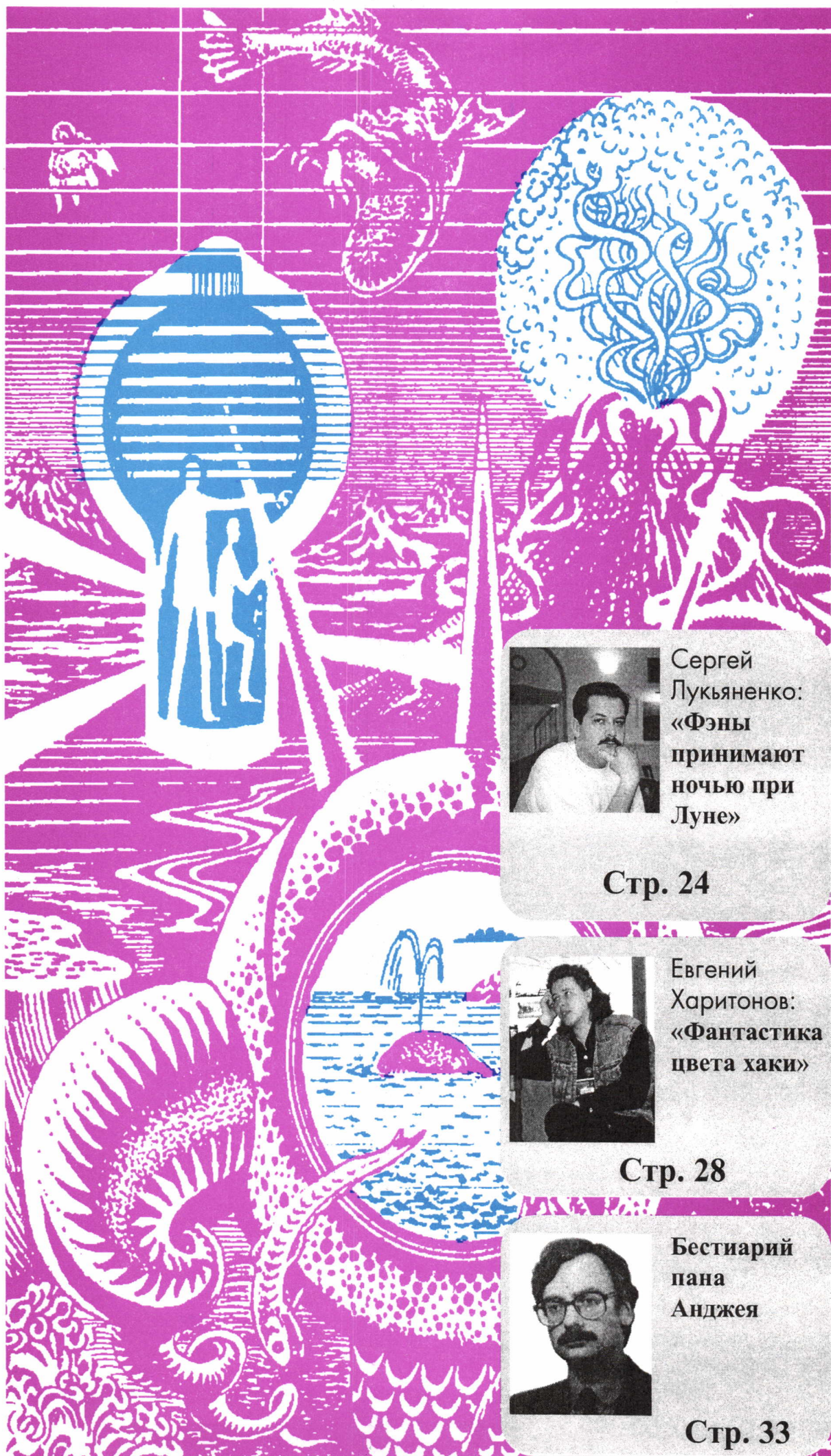

ЛАВКА ФАНТАСТИКИ №3 2000

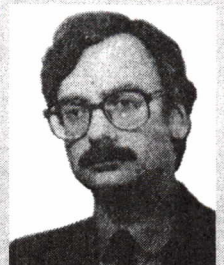
Сергей
Лукьяненко:
«Фэны
принимают
ночью при
Луне»

Стр. 24

Евгений
Харитонов:
«Фантастика
цвета хаки»

Стр. 28

Бестиарий
пана
Анджея

Стр. 33

ЛАВКА ФАНТАСТИКИ • №3(7) • 2000

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И КРИТИКО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

СОДЕРЖАНИЕ

О. Овчинников. Ушелец. Повесть 2

Д. Скирюк. Копилка. Рассказ 13

С. Беляева. Дом над рекой. Рассказ 18

Н. Маркалова. Медной горы Аэлита 23

Рецензии на книги С. Лема, С. Щеглова, С. Лукьяненко и др. 22, 52

Бестиарий пана Сапковского. Словарь фантастических терминов 33

Книга З.И. Файнбурга, итоги «Зиланткона-2000» и др. 17, 32

Дм. Скирюк. Четыре дня на «Звездном мосту» 46

Е. Харитонов. «А без войны они скучают...» 28

Н. Маркалова. Сиквелы атакуют! 26

Н. Маркалова. Фантастика на СТС 27

И. Легков. Снятся ли клонам овечки Долли? 60

Издатель и редактор:
Вячеслав Запольских.
Ответственный секретарь:
Александр Лукашин.
Художники:
Константин Кунщиков,
Олег Иванов,
Алексей Кивокурцев.
Адрес для переписки:
614039, Пермь,
Комсомольский проспект,
63-9.
E-Mail: lavkaf@mail.ru.com

Перепечатка материалов допускается только с разрешения редакции. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

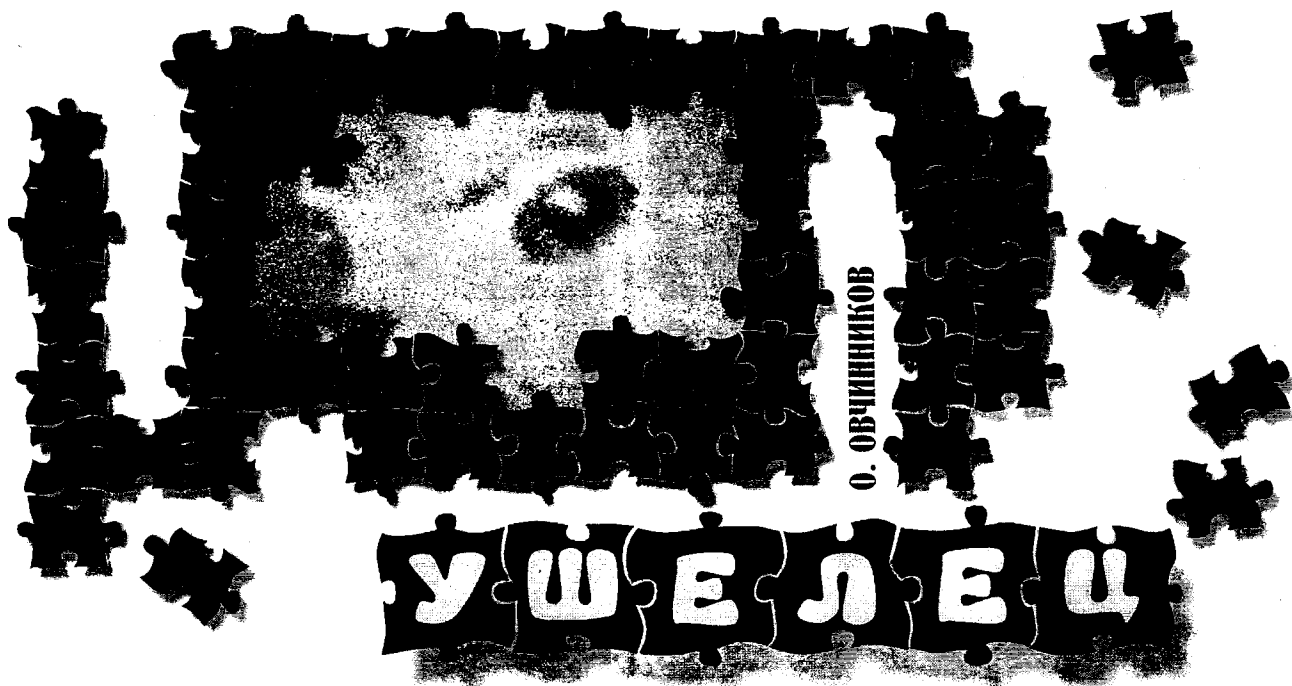
Редакция не берет на себя обязательств по рецензированию всех присланных книг.

Журнал зарегистрирован 25 ноября 1997 г. в Уральском региональном Управлении регистрации и контроля за соблюдением законодательства РФ о средствах массовой информации. Свидетельство № Е-2377.

Номер выпущен на средства гранта Администрации Перми.
Цена свободная.

В оформлении обложки использована иллюстрация Б. Лаврова к книге М. Емцева и Е. Парнова «Три кварка» (1969).

© «Лавка фантастики», 2000.

0.

— А нет у вас чего-нибудь посерьезней? Тысяч на пять-шесть...

Продавщица покачала головой, потом с усилием вытянула из середины высокой стопки одну из плоских коробок.

— Вот, только это. — И показала мне. На крышке коробки был изображен улыбающийся Леонардо Ди Каприо. — Три с половиной тысячи. Только вам это, наверное...

Она замолчала, скептически поджала губы и еще раз покачала головой.

— Да... — подтвердил я. — Мне бы лучше что-нибудь с природой. Море там, небо...

— Нет, — вздохнула она, укладывая коробку с Ди Каприо на вершину стопки. — Таких больших сейчас нет.

— Извините, — зачем-то сказал я и начал пятиться от прилавка.

— Вы попробуйте послезавтра подойти, — предложила она, провожая меня глазами. — У нас по понедельникам завоз. Может, на складе что-нибудь...

— Да, — пробормотал я. — Может быть...

Я поправил шарф под плащом и двинулся в сторону автобусной остановки, лавируя между энергично спешащими прохожими и стараясь не ступить ногой в какую-нибудь лужу или в месиво грязного подтаявшего снега. Я уже надел левую перчатку и начал натягивать правую, когда ко мне обратился этот странный человек.

Он вынырнул откуда-то сбоку, скорее всего, из узкого прохода между палаткой, торгующей видеокассетами, и лотком с неестественно яркими на фоне окружающей серости свежеморожеными фруктами. Человек был небрит, непричесан, одет в какое-то грязное рванье. Кажется, от него пахло. И еще он был как бы... словом, нерусским.

«Ну вот, — подумал я, когда он тронул меня за рукав. — Сейчас попросит три рубля на метро... — и сам себя поправил: — Четыре...»

Однако обратился он ко мне с совсем другими словами.

— Ну, что вы можете мне предложить?

Я даже остановился от неожиданности.

— Я? Вам?

— Нэээ... — он замялся. — Это вы спросить должны. Были... — и снова зачем-то потеребил рукав моего плаща.

Я промолчал.

Он беспомощно заглянул мне в глаза.

— Вы же... Я видел... — он махнул рукой куда-то мне за спину. — Вы интересовались!

Да, от него определенно пахло. Я сделал шаг в направлении остановки.

— Нэээ... — раздраженно произнес он и решительно загородил мне дорогу. — Погодите, сейчас... — На его пемытом лице вдруг проступил свет озарения. Или это только отсвет далеких фар?... — Вот!

И прежде чем я успел что-либо предпринять, он рванул с плеча какой-то неопрятного вида мешок и широко раскрыл его передо мной, как бы приглашая меня то ли ознакомиться с его содержимым, то ли просто запрыгнуть внутрь.

— Что там? — подозрительно спросил я.

— Как? — удивился он. — Вот же...

Он засунул руку по локоть в мешок и добыл оттуда какую-то огромную прямоугольную коробку. Примечательно, что после извлечения коробки он совершенно потерял интерес к самому мешку, хотя в нем явно что-то еще оставалось. Этот странный человек просто поставил мешок в лужу, а коробку, старательно протерев рукавом, протянул мне.

— Что там? — повторил я свой вопрос, вовсе не

собираясь дотрагиваться до подозрительного предмета. «Мало ли...» — аргументировал я про себя.

— Игра! — радостно сказал человек. — Голова... Нэээ... ломка! Вы любите. Вы спрашивали...

— Игра? — переспросил я. — Вы имеете в виду, пазл?

— Да, — он несколько раз энергично кивнул головой. — Пааз... Паа... Нэээ... Вам нравится! Будет...

— Вы уверены? — не скрывая сомнения, произнес я, однако не сдержался и потянул коробку из его нечистых, с обкусанными ногтями, пальцев.

Коробка оказалась неожиданно тяжелой, мне пришлось придержать ее второй рукой, чтобы не уронить на землю. Она была абсолютно черной, не считая нескольких царапин и потертостей на углах. Крышка в одном месте была надорвана, к коробке она крепилась двумя обрезками черной изолянтной ленты. На крышке тоже ничего не было, только чернота.

— Черный квадрат Малевича? — сыронизировал я. — Всегда мечтал... Десять тысяч кусочков?

— Да, да! — обрадовался незнакомец и еще немного покивал. — Кусочки... Много кусочков... Это... — он постучал пальцем по крышке коробки. — Изнанка. Рубашка. Нэээ... Другая сторона! Оборот...

Я приподнял коробку над головой и взглянул на нее нижнюю сторону. Здесь тоже не было никакого рисунка.

— Не так... — он вновь, должно быть, от беспомощности, подергал мой рукав. — Рисунок потом... Картина... Сначала — собрать. Вот так... — он изобразил пальцами что-то невразумительное. — Собрать черное, оборотом вверх. Потом перевернуть. Потом посмотреть. Нравится...

— Собрать обратной стороной сверху? — догадался я. — И без чертежа?

Он закивал с выражением явного облегчения на лице.

— И что же там изображено? — я попытался поддеть крышку коробки в том месте, где уже был надрыв.

— Нет! — он испуганно схватил меня за руку. — Не смотреть! Надо... Кто-то другой. Перевернет, пусть. Потом собрать. Перевернуть. Потом посмотреть. Возможно...

Я несколько опешил, настолько правдоподобным казалось выражение испуга в его глазах.

— Ну ладно, — с сомнением протянул я. — И сколько вы хотите получить за это чудо?

— Мало, — с готовностью ответил он. — Сколько есть... Не жалко...

С трудом удерживая коробку одной рукой, я, не глядя, вытащил из кармана брюк какую-то купюру. Как оказалось, полтинник.

— Вот, — я протянул ее незнакомцу. — Хватит?

— Спасибо, — он резким движением схватил купюру и смял в кулаке.

Кажется, я, по обыкновению, сильно переплатил.

— До... Нэээ... Свидания.

Он развернулся и быстрым шагом направился прочь, нырнув в лабиринт из торговых рядов, палаток и лотков. Уже через полминуты я потерял его из виду.

«Лавка фантастики» № 3 (7), 2000 г.

Как напоминание о нем, остался только серый бесформенный мешок. Он по-прежнему валялся на асфальте, прямо посреди лужи, и редкие прохожие обходили его стороной.

Из задумчивости меня вывело появление автобуса. Он подкатил к остановке, обдав приливной волной из прибордюрной лужи тесную толпу ожидающих граждан. Толпа запоздало отшатнулась и, как только начали открываться двери в салон, устремилась вперед. Наступил отлив.

Стоять, держась за поручень одной рукой и зажимая подмышкой большую тяжелую коробку, было неудобно. Когда автобус подпрыгивал на кочках, становилось слышно, как внутри коробки что-то пересыпается с негромким, сухим стуком.

Чувствовал я себя — да и выглядел, наверное, — довольно нелепо.

по-прежнему 0.

На звук открываемого замка из кухни принеслась Танюшка, закружилась, обвилась вокруг, отклонилась, подставляя щеку.

— погоди, дай я хоть ботинки...

Послушно отступила. Заметила прислоненную к стене черную коробку.

— Ой, а это у тебя что? — я не успел ответить, я сосредоточенно пытался развязать мокрый шнурок.

— А я тебе суп на завтра приготовила. Я молодец?

— Как суп? — Я замер, держа в руке первый отмотанный виток шарфа. Осталось еще два. — А сама?

— Ну, я же тебе уже говорила, — ее голос стал вкрадчивее. Танюшка опустила глаза, отобрала у меня конец шарфа, принялась помогать разматывать. — Я сегодня еду ночевать к Лене. Ей сейчас нельзя оставаться одной. Ты же знаешь, как она переживает свой разрыв с мужем...

— Ах, конечно! Прости, я немного... Знаешь... — я не знал, как избавиться от охватившей меня неловкости. — Могу я обратиться к тебе с одной необычной просьбой?

— А она будет очень необычная? — ее глаза озорно блеснули.

— Восьма, — уверенно пообещал я. — Спорю, ты удивишься.

— Ну, обратись...

Цель была достигнута. Танюшка заинтриговалась и так, заинтригованная, проходила все следующие двадцать минут, пока я осуществлял подготовку плацдарма.

увы, но снова 0.

— Ну, открыла?

Танюшка не ответила.

— Я спрашиваю, открыла?

— Ой! Извини, я кивнула. Да, открыла.

— Ну! И что ты там видишь? — должно быть, мой голос звучал слишком возбужденно.

Интересно, что она ответит?

— А сам ты точно не можешь посмотреть?

Я с трудом удержался от ненужных восклицаний и спокойно ответил:

— Точно. Ну!

— Тут кусочки головоломки. Обыкновенные кусочки, с одной стороны — радикально черный цвет, а с другой... тут нарисовано...

— Не говори! — перебил я. — Я сам все увижу. Потом... Пока, пожалуйста, достань из коробки все кусочки и разложи их на столе. Видишь, я там расчистил... Только смотри, раскладывая обязательно черной стороной вверх.

— Все? — Танюшка неумело присвистнула. — Ты хоть знаешь, сколько тут этих кусочков?

— Приблизительно...

Пока Танюшка раскладывала кусочки пазла так, как я попросил, я, не отрываясь, смотрел в окно. За окном было так темно, что казалось пусто. «Как же она сейчас поедет?» — с тревогой подумал я. Вслух, однако, ничего не сказал. Не хотел отвлекать...

— И это вся твоя просьба? — спросила она, когда закончила.

— Да, спасибо, — поблагодарил я и отвернулся от окна.

Вся поверхность моего письменного стола была покрыта несколькими слоями маленьких картонных кусочков черного цвета. Кусочки казались неразличимыми, однако каждый из них имел свою собственную, уникальную форму. Они напоминали опавшие листья таинственного черного дерева.

— Ладно, тогда я поехала, — сказала Танюшка. — На ночь не забудь, убери кастрюлю в холодильник.

Кажется, она выглядела немного разочарованной. Честно говоря, я не придавал этому особого значения.

И только запоздало заметил, что отвечаю на ее «Пока!» уже после того, как шелкнул язычок дверного замка.

Зато я почти сразу нашел угловой элемент! Совершенно непонятно, какой именно — левый верхний или, наоборот, правый нижний, но это уже не важно. Важно, что теперь мне есть, с чего начинать...

вы не поверите, 0!

Самое забавное — то, что я нечаянно угадал. Ткнул пальцем в небо и открыл новую планету. Кусочков действительно оказалось ровно десять тысяч!

Чтобы понять это, мне понадобилось приблизительно два часа.

Только не думайте, что я просто сидел и тупо пересчитывал элементы пазла! Это было бы бессмысленной тратой времени.

Я их сортировал!

Конечно, будь они цветными, от сортировки было бы больше проку. Я мог бы разложить их на несколько групп по цветам: отдельно море, отдельно небо, отдельно скала и уж совсем отдельно — средневековый замок на скале. Каюсь, замок я бы собрал сразу. Это так легко, что просто невозможно удержаться! Куда сложнее обстоят дела с монотоном — попробуйте отличить один уголок неба от другого. Иногда, правда, получается по тональности, но едва различимым оттенкам голубого, но чаще всего — обычным перебором.

Сейчас мне предстояло решать задачку посложнее. Ведь у черного цвета нет оттенков.

Однако некоторую минимальную сортировку, которая хотя бы на немного облегчит мне дальнейшую работу, я провел. А именно — отобрал все кусочки, у которых хотя бы одна сторона абсолютно ровная, без рельефных выпуклостей и вогнутостей. Я называю их «сторонними». Их оказалось четыреста, для их складирования я приспособил крышку от черной коробки.

Четыре из этих четырехсот «сторонних» кусочков имели по две ровные стороны. Они были призваны стать краевыми камнями в моем строительстве.

На стене в моей спальне вот уже третий год висит ковер. На нем изображен олененок, понуро бредущий сквозь чащу осеннего леса, но это к делу не относится. Существенно, что ковер этот квадратный, почти без ворса и имеет размер два с половиной на два с половиной метра. Именно такую площадь, по моим подсчетам, должна покрывать головоломка в собранном виде.

Я снял ковер со стены и постелил на пол. Так было удобнее. Он как бы задавал границы будущего шедевра.

Я выбрал один из «угловых» элементов и положил его на уголок ковра. Начало было положено.

1, наконец-то!

Через сорок минут к первому кусочку присоединился второй, один из «сторонних». Еще через двадцать — третий. Давно не востребованные навыки постепенно возвращались.

Потом зазвонил телефон. Скрепя сердце, я оторвался от ковра и бросил взгляд на часы. Час ночи. «Кому понадобилось звонить в такое время?» — с неудовольствием подумал я.

Понадобилось, как оказалось, Танюшке.

Она спросила:

— Мужа, это не ты, случайно, несколько минут назад звонил по Лениному телефону?

— Н-несколько минут? — я медленно постигал суть вопроса.

— Ну да. Или чуть раньше...

Я наконец-то понял, о чем меня спрашивают, усмехнулся своей заторможенности и ответил:

— Нет, не я. Если не ошибаюсь, я никогда в глаза не видел ее номера

— Вот и не звони, — заявила Танюшка и пояснила: — Понимаешь, тут такое дело... Какие-то неполадки на линии. Сама Лена может нормально звонить кому угодно по любому номеру, а вот когда кто-нибудь пытается дозвониться к ней, звонки почему-то все время идут в соседнюю квартиру. Соседи уже приходили один раз. Ругались — слышал бы ты как!

— Не волнуйся. Я не собираюсь беспокоить Лениных соседей, — пообещал я и не удержался от сарказма: — Особенно в такое время!

Она спросила, как я тут вообще.

Я ответил: спасибо, нормально — и посоветовал ей беречь себя.

Прежде чем раздалась короткая гудка, я услышал, как по ту сторону телефонной трубки громко играет

какая-то ритмичная музыка. Я усмехнулся. Непохоже, что девочки дружно скорбят по ушедшему Лениному мужу. Это правильно, пусть немного развеются, повеселятся. В конце концов, для чего мы приходим в этот мир, если не для маленьких радостей?

А уже через пятнадцать минут я держал в руках еще два состыкованных кусочка головоломки. Удача определенно сопутствовала мне!

93.

Спустя некоторое время надрывно задрезжал будильник. Я швырнул в него тапком.

Адская машинка, я постоянно забываю отключать его, несмотря на то, что завтра... пардон, сегодня — воскресенье.

Многие любят повторять банальность о том, что все болезни — от нервов. Мало кто догадывается, что все проблемы с нервами — от звонков. Звонки телефонные, дверные, звонки будильника, трель пейджера, зуммер микроволновой печи, сигналы точного времени по радио — все они острой иглой вонзаются в наш мозг, грубо вырывают нас из сна или задумчивости, заставляют вздрагивать, отрывают от любимого дела.

Ну вот, а сейчас еще раздастся звонок в прихожей и появится Таня! В тех редких случаях, когда не ночует дома, она любит возвращаться на первом поезде метро. И что мне ответить, когда она спросит, почему я до сих пор не ложился? Как объяснить?..

Однако Таня появилась еще очень не скоро. Это было хорошо. Я уже заканчивал нижний ряд.

А оперировать тремьями кусочками, что ни говори, значительно легче!

347.

Я зачерпывал кусочки обеими руками, внимательно разглядывал и, аккуратно потряхивая, чтобы, не дай бог, ни один из них не перевернулся черным вниз, просеивал сквозь пальцы.

Как песчинки, сказал бы прозаик.

Как неуловимые секунды, парировал бы поэт.

Не спорю, все это несколько... да что там! — просто глупо так послушно следовать рекомендациям страшного продавца, но мне отчего-то правилась эта глупость. Она вносила в мою работу элемент необычности, превращала однообразный, рутинный, по сути, труд в увлекательное занятие сродни загадочному магическому ритуалу.

Телефон снова зазвонил.

Я посмотрел на часы, но они были слишком далеко и я не смог ничего разглядеть. Тогда я встал и, прихрамывая на левую, отсиженную, ногу подошел к стене, на которой они висели. Впрочем, сейчас они, скорее, стояли.

Странно, я же, кажется, только утром их заводил. Или это было вчера?..

И снова меня беспокоила Таня.

Она сказала, что с Леной вчера случилась чуть ли не истерика, ее с таким трудом удалось успокоить, одной валерьянки ушло... Вот, а теперь она перестала, наконец, рыдать, зато впала в такую глубокую депрессию... В общем, если это необходимо, то Таня, разуме-

ется, немедленно приедет, но лучше бы ей и сегодня остаться у Лены. И прямо от нее пойти завтра на работу... Ох, если б я только мог видеть...

Я сказал, что ничего страшного, оставайся.

Она спросила, уверен ли я, что смогу без нее обойтись.

Я пошутил, что да, обходился же как-то первые тридцать лет жизни.

Она сказала, что я чукча, и поцеловала меня в носик.

Я сказал ей: «Конец связи», подразумевая под этим исключительно окончание телефонного разговора. И не заметил, как оказался в спальне.

Спустя буквально... чуть-чуть времени, я закончил укладку всех четырехсот «сторонних» кусочков. Периметр был готов. Олененок, загнанный в пределы узорчатой черной рамки, подмигнул мне. Я подумал, что ему, надеюсь, не долго уже осталось подмигивать.

Первый этап работы остался позади. Правда, он был самым легким, но это меня не смущало.

На радостях я решил позволить себе бокал шампанского. Если память мне не изменяла, в баре должно было остаться почти полбутылки полусладкого, еще с Таниного дня рождения. Мы с ней так мало пьем...

Я достал из-под стекла высокий фужер, прошел в гостиную, но шампанского так и не отыскал. Если честно, мне не удалось обнаружить там и сам бар, вместо него я постоянно натывался на какие-то отделения с зимней одеждой, фарфоровой посудой и постельным бельем.

Просто я немного переутомился.

Я отправился в спальню, по пути успев признать себе, что это даже хорошо, что нет шампанского, алкоголь — лекарство для слабых, мне же завтра — если оно еще не наступило — понадобится ясная голова.

Спать почему-то не хотелось. Хотелось просто лечь на спину и полежать с закрытыми глазами хотя бы полчаса. Хотя бы...

Я упал на ковер, в центр будущего черного квадрата, опустил голову на вздрагнувшее плечо олененка и отогнал прочь неуместную ассоциацию с черной траурной рамкой, окаймляющей фотографии умерших.

400.

Работа спорилась!

Мои ладони проносились над ковром, словно тучи, гонимые стремительным холодным ветром — над осенним полем. И так же, как тучи, оставляли за собой стелющийся шлейф из снежинок. Мои снежинки тоже были, в большинстве своем, шестиколечными, только черными, и ложились они на удивление ровным слоем.

Стоило мне взять в руки очередной кусочек головоломки и хоть мельком взглянуть на него — как мгновенно невесть откуда на меня спускалось понимание: он должен лежать здесь! Это было странно. Как будто на каждом кусочке был нарисован элемент некоего рисунка, а я определял местоположение этого

кусочка, согласуясь с его уменьшенной копией. Но ведь не было на самом деле ни рисунка, ни его элементов! Только чернота, успевшая на данный момент покрыть едва ли не треть осеннего желто-коричневого пейзажа.

Только чернота и мои пальцы, быстрые, не знающие сомнений.

А потом я понял, что так не бывает.

И проснулся.

И, как ни странно, не испытал даже тени разочарования.

Легкие победы, бесспорно, доставляют удовольствие, вот только приносят ли они удовлетворение?

Я преисполнился решимости и открыл глаза. В глазах моментально потемнело. Реальность больше не была серой, она окрасилась в другой цвет. Более радикальный...

Им не хватило поверхности стола, они лежали повсюду: на подоконнике, на прикроватных тумбочках, просто на полу. В реальности они мало напоминали снежинки, скорее походили на уродливых черных амёб, о шести ложноножках каждая. Точнее, почти каждая, поскольку иногда попадались и более отвратительные экземпляры.

Как известно, амёбы размножаются делением. Наверное, именно по этой причине они так упорно не желали спариваться.

У меня затёкла шея, прежде чем первый из девятиста шести сотен «внутренних» кусочков уверенно встал на свое место.

414.

Черное сливается с черным, амёбы переплетаются ложноножками, кусочек цепляется за кусочек. Но не как утопающий за соломинку, а так, нехотя, как будто делая кому-то одолжение...

Можно включить настенные светильники, чтобы работалось легче. Можно поставить какую-нибудь фоновую музыку, чтобы работалось лучше. Но и на то, и на другое жалко тратить время. Все равно за окном скоро снова станет светлее, и необходимость в дополнительном освещении отпадет сама собой, а любая музыка, даже любимая, рано или поздно надоест. Поэтому не стоит отвлекаться на мелочи... вроде телефонных звонков.

Телефон прозвонил пятнадцать раз и замолчал. Я укладывал как раз пятнадцатый «внутренний» кусочек и потому решил, что такое совпадение достойно быть отмеченным. Если он зазвонит еще раз, я сниму трубку. Настойчивость заслуживает поощрения.

Телефон зазвонил, как мне показалось, почти сразу же, но, видимо, именно показалось, так как к этому моменту кусочков в ряду стало уже двадцать два. Тем не менее, я снял трубку.

В трубке раздался приятный, приправленный легким украинским акцентом голос нашей фирменной секретарши. Наташа спросила, почему я не на работе. Я в свою очередь поинтересовался, нет ли у нее каких-либо собственных версий ответа на этот вопрос. Слегка растерявшись, Наташа выдвинула предположение, что я, ну, заболел, наверное. Я отвечал, что

весьма вероятно и, даже, скорее всего. Она сдержанно хихикнула в трубку, я дал отбой.

Черное к черному, амёба к амёбе, кусочек к кусочку...

Немного рябит в глазах. Они кажутся непривычно сухими, если не сказать — пересохшими, как будто я слишком долго смотрел в лицо ветру. Все чаще приходится моргать, чтобы сфокусировать взгляд. Ощутимо дрожат кончики пальцев. Пока еще слабо, не сильнее, чем, если бы я, например, несколько часов кряду тасовал колоду скользких потрепанных карт. Я задумываюсь, скоро ли на пальцах появятся первые мозоли, я улыбаюсь своей мысли, и именно в этот момент начинаю осознавать, как давно и нестерпимо болит голова. Но я же терплю. И даже знаю, ради чего.

Все эти неприятные ощущения на самом деле — вполне приемлемая цена за то чувство восторга, которое поднимается со дна души всякий раз, когда я подбираю с пола очередной кусочек и, еще не успев повернуть его должным образом и приложить к уже собранной части головоломки, понимаю, что он вовсе не очередной. Он — «тот самый»!

Кусочек укладывается в ряд послушно и четко, словно патрон в обойму, и это сравнение кажется настолько верным, что я невольно напрягаю слух, надеясь услышать характерный щелчок в момент, когда он становится на свое место. Но черный картон безмолвствует, и тогда, измученный тщетным ожиданием, я сам негромко произношу триумфальное «Щ-щ-щелк!»

Щелк! Щелк! Щелк!

Черное, амёба, кусочек... Черное, амёба, кусочек...

А когда раздастся последний щелчок, я беру следующую обойму.

522.

Откуда-то появилась Татьяна. Я даже не заметил, когда она пришла. Татьяна спросила, почему я ей так долго не открывал. Ведь она только бог знает чего не успела подумать, пока искала ключи в сумочке...

Я подумал, что «долго не открывал» — неудачная смысловая конструкция. Нельзя говорить об отсутствии действия, как о чем-то, протяженном во времени. Особенно, если действие осталось несовершенным. А потом вспомнил, что не так давно кто-то, действительно, настойчиво звонил в дверь, но это было настолько не вовремя, что я был почти уверен — звонят не мне.

Я не успел ответить, Татьяна куда-то исчезла. Потом вернулась, встала рядом, не говоря ни слова. Но тень от ее головы падала прямо на мои кусочки, и это сильно раздражало, и тогда я спросил, что ее беспокоит. Только честно, я же вижу...

Татьяна спросила кротким голоском, как мне понравился приготовленный ею суп.

Я не почувствовал подвоха и ответил, что суп был великолепен и вообще мне всегда нравилась... нравилось то, как она... эээ...

— Ты даже не притронулся к нему! — возмущенно воскликнула она.

Я ответил, что в ее словах, безусловно, есть доля

истины, и я вполне допускаю, что эта доля весьма велика, но... когда ее нет рядом, мне просто кусок не идет в горло, ты же знаешь. Зато теперь... я обязательно попробую ее замечательный суп, прямо сейчас, вот только...

Вымороженным голосом Татьяна заявила, что как раз теперь — вряд ли...

Я осмелился возразить, ну, зачем же так категорически зировать!

Она ответила: а затем, что я только что вылила всю кастрюлю.

И ее завершающее «В унитаза!» прозвучало веско и хлестко, как последний довод обвинителя, не оставляющий мне ни единого шанса на оправдание.

— Извини, — зачем-то сказал я.

Потом она опустилась передо мной на колени, едва не смешав в кучу ту часть кусочков, которые я уже проверил на совместимость, с той, которую пока не успел, заставила меня посмотреть ей в глаза и спросила:

— Мужа, с тобой все в порядке?

Дальнейшее я припоминаю смутно. То ли я ответил ей что-то не то, то ли не ответил вовсе, только Татьяна вдруг заплакала и снова куда-то исчезла, а мне удалось почти подряд найти еще четыре кусочка.

Четыре подряд идущих кусочка лежали вместе — это вовсе не так удивительно, как могло бы показаться. Скорее всего, этот пазл кто-то уже собирал раньше, до меня. А после — разобрал, но не очень старательно перемешал кусочки.

Это предположение объясняло бы многое.

1000.

Магия творения. Магия ритуала. Магия круглых чисел. Когда они переплетаются, безумно хочется курить...

Я взобрался на табуретку. Слегка покачивало, как после недолгой, перенесенной на ногах болезни. На всякий случай я ухватился рукой за раскрытую дверцу антресоли.

Здесь скопилось все самое старое, пыльное и бесполезное, что было в квартире, в основном — вещи, оставшиеся после мамы. Как ни обманывая себя, обещающая отдать все это богатство в Армию спасения или вывезти на дачу, которая — ну... будет же у меня когда-нибудь дача!.. — хлам все равно останется хламом, его никак нельзя будет использовать, он никогда не пригодится. Но выбросить почему-то жалко.

Это как старые письма, которые ты никогда не перечтешь, но рука не поднимается спустить их в мусоропровод. И вот они копяются в пыльных ящиках секретеров, собираются в стопки, перевязываются тесемочками... А потом сжигаются. Такая смерть кажется тебе более... милосердной.

Впрочем, чего это я? Не так уж много тут этого хлама. По крайней мере, когда я открыл дверцу, мне ничего не свалилось на голову, как это неоднократно случалось раньше.

Я запустил руку в пыльный сугроб из замши, фетра и фланели и, покопавшись в нем, нащупал распе-

чатанную пачку сигарет. «Житань», черная этикеточка. Сейчас таких уже не выпускают.

По слухам, запах крепкого табака отпугивает моль. За моль ответить не могу, но... меня он сейчас притягивал.

Подумалось: «Интересно, не выдохся ли газ в зажигалке за те почти два года, что я не курил?» Как выяснилось, нет. Не до конца.

Я сделал затяжку и закашлялся. Затем повторил, но на этот раз заставил себя пропустить дым в легкие.

Нас с детства учили, что курить вредно. Нас пугали онкологией и показывали легкие препарированного курильщика. Не знаю, может быть, это действительно жутко вредно для здоровья — черные легкие... Зато как красиво!

Табачный дым с непривычки немного драл горло, но я не остановился, пока не докурил сигарету до фильтра. Потому что я заслужил это сладкое, расставив по своим местам первую тысячу.

Десять процентов, много ли это? Как посмотреть... Кто знает, начиная с какого момента наступает диалектика?

Нагнувшись за табуреткой, я сначала подумал, что у меня просто потемнело в глазах. Так бывает иногда, когда сделаешь какое-нибудь резкое движение. Однако, заставив непослушные слезящиеся глаза смотреть пристально, я обнаружил, что небольшой прямоугольный кусок линолеума прямо под табуреткой действительно выделяется своим цветом. Он выглядел значительно темнее, если не сказать — чернее, чем вся остальная поверхность пола. И лишь тогда я, наконец, обратил внимание на то, что громоздкий и необычайно тяжелый дубовый комод, который всегда стоял на этом месте и благодаря которому и без того труднодоступная антресоль становилась недостижимой, в настоящее время отсутствовал.

Татьяна. Это ее проделки...

По пути в спальню я ненадолго притормозил у входной двери. Всего на пару секунд, я только повернул до упора оба замка и надежно прикрутил задвижку.

Поймите, мне не жалко комода, черт бы с ним! Без него стало только лучше, уменьшился риск заработать синяк на бедре, когда ночью, не включая света, сомнамбулируешь в сторону ванной комнаты. Просто... я не люблю, когда мой дом превращается в проходной двор. Не люблю, когда мешают.

1823.

И снова звонок, который я совсем уж было решил проигнорировать, но в последний момент передумал. Мне пришла в голову мысль, что это может быть Татьяна, перед которой мне срочно следовало извиниться. Хотя я и не помнил, за что. Может быть, я ее чем-то обидел или просто расстроил. Может быть, наоборот, она обидела меня. Даже скорее всего — она меня, но это, если разобраться, одно и то же. Просто в последнем случае мне придется просить прощения гораздо дольше. Что ж...

Но еще до того, как поднес трубку к виску, я узнал

голос секретарши. На сей раз она заранее выбрала тон разговора, казалось, что каждое ее слово буквально сочится сочувствием.

— Ну, а как вы себя теперь чувствуете? — первым делом пролепетала она.

Позвоить дважды за одно утро, чтобы осведомиться о моем самочувствии, согласитесь, это уже несколько слишком! Даже принимая во внимание ее обычную рассеянность.

Я, кажется, сильно разозлился и начал выкрикивать в трубку что-то злое, неуместное, про умственные способности секретарши, про ту неумную заботливость, которая порой обуревают одиноких женщин ее возраста, и закончил тираду уничижительно-безличным «понаехало вас», а потом спросил, как часто она собирается отвлекать меня своими звонками?

— Часто?! — изумленно произнесла она на вдохе. И возмущенно выдохнула:

— Да я последний раз вам звонила еще...

Я бросил трубку.

Ненавижу хамство! И очень болезненно переживаю любой конфликт, даже самый незначительный. Крошечный инцидентик в общественном транспорте, в магазине, в кабинете шефа — и все, до конца дня мне обеспечено отвратительное настроение. Все валится из рук, мозг утрачивает способность свободно мыслить, и может только раз за разом восстанавливать в памяти ненужное, рассматривая его с разных сторон, *перебирать*... Такие дни лучше вообще перелистывать, выпускать из жизни, все равно ничего хорошего...

Вот, смотрите, что я говорил! Чуть не пропустил пужный кусочек!

И так всегда. Стоит только услышать последовательность слов: «да», «кто», «ты», «вообще», «тут», «такой», «чтобы», как сразу же... Сразу... Же... Ага, вот так, перевернем... А теперь... Нет, не получается, даже если слегка надавить. Так о чем я только что говорил?..

Я лег животом на пол, так удобнее. Все под рукой, и голова почти не кружится.

3138.

Иногда мне кажется, что его глаза глядят на меня с укором. За что?..

Это похоже на замедленную обратную перемотку видеокассеты, если такое бывает. Я не отгадываю головоломку, я загадываю ее. Я беру готовую картину и скрупулезно покрываю ее черными кусочками. Их тысячи, сказал бы прагматик. Их тьмы, откликнулся бы лирик. У монголов за «тьмой» следовала только «тьма тем», потом наступало «много».

Ты уже не заметишь этого «много», тебе просто станет темно. Но это будет еще не скоро, увы...

Я не помню, когда впервые заговорил с ним. Это вышло как-то само собой. Он выглядел таким слабым и незащищенным, он так смешно поежился, когда верхний ряд черных кирпичиков коснулся его копытца... Как будто ему стало холодно там, за этим черным. Холодно или страшно... Я не удержался и принялся что-то тихонько нашептывать в его ушко,

что-то успокаивающее, лишенное всякого смысла, бессвязное. Однако, как мне показалось, в его взгляде вспыхнул на миг огонек благодарности.

С тех пор мы часто разговаривали с ним и даже немного подружился.

Но этот непроницаемый забор, разделяющий нас — он рос непрерывно, хотя и незаметно для глаз, и все больше и больше мешал нашей дружбе.

Мне было обидно до слез, но олешка не понимал меня. В его красивую маленькую головку не укладывалось то упорство, с каким я собственноручно возводил между нами эту черную преграду. Сначала она покрыла его копытца, напроочь заглушив шелест осенней листвы, затем достигла колен, полностью обездвижив, теперь упрятала олененка почти по грудь. А он смотрел на меня, не моргая, смотрел так, словно этот несчастный заборчик — единственное, что не позволяет ему сделать последний шаг в мою сторону, решительный прыжок из плоскости изображения сюда, в мой мир.

Глупенький, ну какой же ты глупенький!

Неужели ты думаешь, что здесь лучше? Здесь хуже, стократ хуже, настолько, что сам я, не медля ни секунды, ушел бы отсюда *куда-нибудь-удобно*, если бы только знал, если бы только было куда... Пойми, маленький, во всем этом мире, во всех этих мирах, если собрать их в кучу, а затем отбросить все лишнее, ненужное, останемся только мы с тобой. Только ты и я.

Ты уж поверь мне, пожалуйста, загляни мне в душу, если не веришь так, видишь, я стою перед тобой на коленях, неужели я могу соврать даже сейчас?

Меня ведь тоже когда-то звали «олешкой»...

5000, счет продолжается!

Откуда взялось это самоуверенное «счет продолжается»? Может быть, так говорил какой-то спортивный комментатор в те времена, когда я еще смотрел телевизор? Я так и не смог вспомнить.

Но это несколько не омрачало охватившей меня радости.

Поздравьте меня, я преодолел ровно половину пути! Говорят, что половина не может быть большей или меньшей, она бывает только первой или второй, но в любом случае равной. Врут. Половина, оставшаяся позади, была самой сложной. Дальше будет... Дальше...

Капля медленно стекла по запястью. Что это, дождь?

Я осторожно перекатился на спину и подложил руки под голову. Глаза закрылись сами, словно под воздействием силы тяжести, но и на внутреннюю поверхность век кто-то настойчиво продолжил проецировать научно-популярный фильм из жизни простейших. Черные амебы алчно спаривались, перетекали друг в друга. Они отрастили себе жгутики и могли теперь разговаривать на своем страшном односложном языке.

— Там? — спрашивали одинокие одноклеточные, подплывая к рою.

— Тут, — хором отвечали организованные.

— Вай? — кокетливо интересовались первые и трепетали от любопытства.

— Так... — неопределенно разводили жгутиками вторые, и вдруг налетали, наваливались всем роем: — Ап!

— Эй! — возмущенно вскрикивало пойманное одноклеточное, но тут же замолкало, пристыженное, замечая, что уже перестало быть одноклеточным. А потом повторяло тысячу распахнутых ротовых отверстий, дружно, призывно:

— Эй! Эй! Эй!

Я надавил на глаза пальцами, стало просто темно...

Пятьдесят процентов. Пятьдесят на пятьдесят. Пока ничья. Но дайте мне хотя бы несколько минут — и я поведу в счете!

Как только неприятное клокотание в горле прекратилось, я вытер кровь с лица наволочкой и снова перевернулся на живот.

Счет продолжается!

5766.

Я разбил будильник. Он с грохотом врезался в стену, обдал обоим россыпью стеклянных брызг и, искореженный, безжизненно рухнул на пол, вывалив наружу все свои хромированные внутренности. Но отвратительный скулеж не прекратился.

Тогда я подобрался к телефону и сдернул его с тумбочки за тонкий черный шнур. При этом телефонная трубка отделилась от аппарата, подкатилась прямо к моей руке и в последний раз негромко всхлинула, будто просясь в ладонь. Я поднял ее. Я так давно ни с кем не разговаривал...

Из крошечного динамика вырвался голос шефа, привычно громкий и грубый, ударил болью в затылок, заполнил собой всю комнату.

Шеф — его имя-отчество куда-то улетучились из памяти — в обычной своей манере поинтересовался, что я там вообще себе думаю.

Тщательно подбирая слова, я прошелестел пересохшими губами, что в данный момент я думаю исключительно о том, как много все-таки уродов сконцентрировано в моей эpsilon-окрестности и как, к сожалению, мало значение этого эpsilon.

— Тебя не слышно! — прогудела трубка. — Что ты говоришь? Тебя совсем не слышно!

Я напряг связки и повторил свое высказывание почти дословно, добавив в конце только sacramentalное: «всегда мечтал это сказать», внезапно перешедшее в кашель.

Шеф притихшим от удивления голосом признался, что не понял.

Я ответил, что и не надеялся, с силой опустил трубку мимо телефона и самодовольно подмигнул оленку.

И тут же пожалел об этом.

Олешка уже не мог мне ответить. Не так давно я заложил его глаза.

6947.

Как только проходил озноб, и эхо от дробного постукивания моих зубов затихало в отдалении, так сразу же, почти без перерыва, приходил жар. Обильная влага выступала на всем теле, горячий пот слепил,

заливал глаза, в одно мгновение делались липкими руки, ими становилось совершенно невозможно перебирать...

Температура подпрыгивала или, наоборот, припадала на все четыре ноги, но при этом оставалась в пределах нормы. Слава богу, у меня пока не было серьезных оснований беспокоиться о своем здоровье. Просто надоело после каждого такого скачка менять промокшую от пота майку на новую.

Но, в конце концов, я нашел выход. Может быть, помогла интуиция... Я достал из платяного шкафа свою нелюбимую черную рубашку с длинным рукавом, надел ее и застегнул на все пуговицы. Пуговицы черного цвета числом двенадцать штук, пришитые черными же нитками. Хотя, возможно, их количество и не играло никакой роли.

Я не взялся бы объяснить этот феномен, но, стоило мне застегнуть последнюю черную пуговицу под подбородком, как температура неожиданно успокоилась.

И за что, спрашивается, я раньше так недолго любил эту рубашку? Пусть не модная, пусть цвет не мой, да и рукава... Но, в целом, хорошая же рубашка, удобная. Подчеркивает фигуру, не колется, и карманы вон какие вместительные... Нет, определенно очень хорошая рубашка! Тогда почему?..

Всю жизнь, с самого детства, сколько себя помню, меня окружали хорошие удобные вещи. Это было настолько привычно, что казалось естественным. Хорошие игрушки — не самые красивые и дорогие, но удобные. Хорошая одежда. Хорошие родители... Впрочем, это я несколько... Хотя почему? Да, хорошие родители! Удобные. И хорошие друзья. Они не лезли в душу глубже, чем следовало, и никогда не приходили в гости без предварительного звонка. И работа в хорошей фирме. Не самой лучшей в плане зарплаты и рабочего графика, зато рядом с домом, семь минут пешком. Удобно? А как же! А потом была хорошая девочка Таня, которая со временем стала хорошей женой. Не лучшей вообще — были же красивее, были умнее, были даже те, кто прошел бы по битым стеклам более грациозно, чем она, были... — но лучшей для меня. То есть, в некотором смысле — идеальной. Самой удобной.

Жить в окружении хороших вещей, что и говорить, приятно. Из такого окружения не хочется выходить. Из него просто невозможно выйти, там же, снаружи, так плохо, так неудобно... Брррр!

Но есть у хороших вещей и одно отрицательное качество. Обычно оно не бросается в глаза, но иногда... Особенно бесконечным ноябрьским вечером, когда ты стоишь в теплой освещенной комнате и смотришь в окно, за которым, по идее, должна быть промокшая и промерзшая улица, но видится почему-то только отражение все той же комнаты вместе с тобой и с множеством окружающих тебя хороших, уютных, теплых вещей — отражение, подвешенное в черной пустоте на высоте четырнадцатого этажа... Иногда это отрицательное качество становится особенно заметным.

Все хорошие вещи требуют ухода.

Знать бы только, куда...

И никого нет рядом, некому пожаловаться, некому пожалеть. Еще вчера оставались хотя бы ушки, в них можно было шептать о чем угодно, не ожидая ответа, но и не опасаясь, что он тебе не понравится. Сегодня не видно даже рогов...

И почему это случилось не раньше, не в самом начале, а именно сейчас, когда все казалось таким надежным, таким налаженным? Ни одного лишнего движения, ни одной бездарно потраченной секунды, все выверено и отработано. Впереди уже маячила финишная ленточка, нетерпеливые губы порывались начать обратный отсчет... И вдруг — такая несправедливость!

Я, кажется, заплакал — последнее время это началось у меня необычайно легко, как в детстве — и потащился в туалет...

Я заканчивал семьдесят четвертый ряд, не хватало всего одного кусочка, последнего. Казалось бы, что проще? Перебирай все оставшиеся невостребованными кусочки по одному и прикладывай к вакантному месту. Учитывая специфику задачи, более продвинутого алгоритма ее решения придумать просто невозможно. Я так и поступил, тупо перебрал, один за другим, все кусочки. И ни один из них не подошел. «Ничего удивительного, — сказал я себе, — ты просто занимаешься этим делом уже... довольно долго, ты немного подустал, может быть, даже заскучал слегка и — как следствие — стал невнимательным. Рассеянным. Ты пропустил его...» Это случилось впервые за время моей работы, но когда-нибудь это должно было случиться. Посмеиваясь про себя и над собой, я перебрал эти две с чем-то тысячи кусочков во второй раз. Нужного, по-прежнему, не было. «Все проще! — осенило меня. — Посмотри по сторонам! Загляни под кровать, за тумбочки... Уверен, необходимый тебе кусочек залетел именно туда». К тому времени перед глазами у меня почти постоянно мелькали какие-то белесые пятна, так что зрению я не особенно доверял, поэтому предпочел проверить все руками. Ни под кроватью, ни за тумбочками, ни вообще где бы то ни было в пределах спальни никаких кусочков, кроме тех, что и так были на виду, я не обнаружил. Тогда я перебрал их в третий раз, и заодно пересчитал. Получилось 2374. Дебит сходилась с кредитом, и это было ужасно! Нет, хуже, это было катастрофой! Настала пора признаться себе, что эта идиотская головоломка, от которой я с самого начала ожидал какого-нибудь подвоха, не собирается в принципе. Чтобы поверить в это окончательно, мне понадобилось еще три перебора. Я пытался уговаривать непослушные кусочки, я умолял их, гладил, я плакал им, а когда это оказывалось бесполезным — пытался воздействовать на них грубой силой. Иногда мне казалось, что стоит еще чуть-чуть надавить вот на этот краешек... Но это только казалось.

По темному коридору я дотащился до туалета. Долго, наверное, несколько минут, гладил стену рядом с туалетной дверью в поисках выключателя. Так и не нашел. Я распахнул дверь и отшатнулся. Темно-

та внутри этой тесной маленькой комнатки испугала меня. В коридоре тоже не было света, но здесь было значительно темнее. Чернее, если хотите... «Чернее...» — пробормотал я и резко захлопнул дверь. Мне больше не хотелось в туалет. Спустил мизерный квант времени, равный одному морганию, я обнаружил себя на пороге спальни. Сердце бешено стучало, мое дыхание... Впрочем, черт с ним! Я упал на колени рядом с недостроенным черным квадратом и погрузил трепещущие ладони в россыпь маленьких черненьких кусочков. Я, должно быть, был похож на молящегося в этот момент, и я, черт возьми, молился! И уже в первой сотне нашел то, что искал. Один кусочек — он слегка отличался от других. По цвету. Он был чуточку — самую малость — светлее. Тоже черный, просто немножечко светлее! Понимаете? Я рыдал и хохотал одновременно. Какая нелепая случайность! Все разрешилось так просто. На самом деле в Картине... В той Картине, которую я, буквально, вслепую воссоздавал сейчас, был один... по крайней мере, один полностью черный элемент. И он оказался перевернутым! Ну не забавно ли?

Я перевернул кусочек. Просто перевернул. С другой стороны он тоже был черным. Таким же, как и 9999 его собратьев. Я приложил его к пустующему месту и кусочек занял его, уверенно и спокойно, всем своим видом подчеркивая, что находится здесь по праву.

Щ-щ-щелк! Когда сердцебиение поутихло и руки перестали дрожать, я снова погрузился в работу. И только спустя какое-то время меня посетило запоздалое откровение. То, что произошло недавно, вовсе не являлось нелепой случайностью, как мне показалось сначала. Напротив, это была коварная, продуманная до мелочей, виртуозно исполненная провокация! Кем исполненная?.. Да Танькой, кем же еще! Это ведь она по моей просьбе переворачивала кусочки черным кверху. Она заметила, что один из них — почти одноцветный, и сознательно положила его неправильной стороной вверх. Сделать это случайно она не могла — с ее-то стопроцентным зрением, которым она так гордилась! Да, да, именно так все и было!.. А напоследок она внушила мне эту идиотскую мысль, что у черного цвета, якобы, нет оттенков. Никогда не слышал ничего глупее...

Она всегда ненавидела меня!

8903.

Снова приходила эта женщина... моя жена. Кто еще стал бы так громко и занудливо колотить в дверь ногами? Она приобрела эту отвратительную привычку после того, как я оборвал провода дверного звонка.

Сегодня она испытывала мое терпение особенно долго. Бесполезно, я научился не реагировать на мелкие раздражители.

Потом она принялась ковырять в замке своими ключами, и я еще раз порадовался собственной предусмотрительности. Замки на предохранителях, задвижку я намертво прикрутил пассатижами.

А потом она стала кричать. Это было необычно и именно поэтому особенно первирило. Укрыться от

ее пронзительных криков не помогала даже двойная дверь.

Я встал и, придерживаясь руками за стены, направился в сторону прихожей, чтобы сказать этой женщине, что хватит, не надо больше кричать. Стены тоже помогали плохо, по пути я два раза не смог удержать равновесие и, как следствие, больно расшиб левое колено.

Я открыл внутреннюю дверь, приткнулся к дверному глазку и увидел ее. В том, что она кричала, я не смог разобрать ни слова, да, честно говоря, и не хотел. Мне хватало того, что я видел ее лицо, покрасневшее, залитое слезами, искаженное криком и выпуклой линзой глазка...

Интересно, что я в ней нашел?

— Эй! Что я в тебе нашел? — крикнул я в глазок. И сам не услышал своего голоса, таким он был высохим, выцветшим... Тогда я, надрывая горло, прокаркал в три приема невнятное:

— У!.. Хо!.. Ди!..

Я все равно не открыл бы ей.

У меня хороший дверной глазок, он дает 200 градусов кругового обзора. По обещанию монтажников из фирмы, в которой я заказывал дверь, глядя в этот глазок, я легко могу рассмотреть даже собственные тапочки. Тапочек я, конечно, не видел, зато заметил чью-то руку. Кто-то стоял справа от женщины, вжавшись в стену между дверью и пожарным шкафом. Кто-то ненужный. Я видел только его руку: ладонь и кусочек белого рукава. А еще дальше, из-за угла лифтовой шахты показалось на миг чье-то плечо, тоже белое. Плечо возникло внезапно и тут же бесследно исчезло, но этого оказалось достаточно. Кто лучше меня умеет восстанавливать целую картину по ее отдельным фрагментам?..

Мне было наплевать, кто они, одетые в белые одежды, и откуда они пришли.

С некоторых пор я стал очень болезненно реагировать на белый цвет.

Я тщательно запер внутреннюю дверь, чтобы стало хоть немного тише, и поплелся в гостиную. Необходимо было проверить, хорошо ли закрыта дверь на лоджию, чтобы даже через соседскую квартиру они не смогли бы... Впрочем, конец этой мысли так и остался не сформулированным. За ненадобностью.

Все равно в гостиной не было никакой двери на лоджию.

Я не нашел там даже окна.

9214.

Черные стены. Кругом одни черные стены. В какую сторону ни пойдешь, на третьем шаге обязательно упруешься в одну из них.

Черные стены вырастают из черного пола и возносятся вверх. Может быть, где-то наверху они сходятся воедино, образуя что-то вроде сводчатого потолка, не знаю... Так высоко мой взгляд не простирается.

Черное, все кругом черное. И я в круге.

Черные стены недопонимания, неприязни, взаимного недоверия — они приближаются, заставляют

меня отступать, пятиться к центру круга, мешают дышать...

Вот только я не боюсь черного круга. Ни капли.

Я знаю, черный круг исчезнет, не продержится ни одной лишней секунды, как только я закончу вписывать в него мой черный квадрат.

И я обязательно закончу, дайте мне только еще хотя бы несколько минут... Всего несколько минут, пожалуйста!..

Я вывалился из обморока обратно, в реальность.

Здесь ничего не изменилось. Так же тускло, как будто из последних сил, светила с потолка одинокая лампочка. Из-за высокого забора черных кирпичиков одиноко выглядывала верхушка самой высокой сосны — единственное напоминание о существовавшем когда-то осеннем пейзаже кисти неизвестного мастера. По-прежнему лежал на моей ладони тот одинокий кусочек черного картона, который я успел взять из кучки перед тем, как остановилось... нет, перед тем, как мне показалось, будто останавливается мое сердце. Слава богу, только показалось...

Нет, я жив, и я нахожусь внутри своего собственного, знакомого с детства тела, которое находится внутри моей собственной, такой привычной, комнаты, и я готов продолжать...

Вот только стены... Эти черные стены. Зачем они здесь? Откуда?

Неужели перенеслись вслед за мной из глубокого заобморочного небытия в мое — такое привычное, такое родное — бытие?..

Я пребывал в замешательстве недолго, всего несколько секунд. Затем потратил еще одну драгоценную секунду на бессмысленное проявление эмоции — я усмехнулся. Потому что догадался.

Меня нисколько не интересовало, каким образом они, мои враги, проникли в квартиру. Но чем — скажите на милость! — чем им не угодили мои обои?!

Думать об этом было совершенно некогда. Кто знает, когда меня настигнет очередной обморок. Или даже не очередной, а... «тот самый».

Я вернулся к работе.

10000, почти.

Щ-щ-щелк!

Первым моим желанием было закрыть глаза и упасть на пол, лицом вниз, в центр монолитного черного квадрата. Упасть — и никогда больше не подниматься.

Но уже в следующее мгновение я осознал себя подзудим к выходу из спальни...

Я не испытывал ни радости, ни облегчения. Лишь ощущение неясной тревоги и уверенность в том, что еще далеко не вся моя работа доведена до конца, а времени на ее завершение у меня уже почти не осталось.

Несколько судорожных рывков — и я оказался на пороге комнаты. Двигаться дальше я не мог: пространство спальни, заканчивающееся порогом, неожиданно обрывалось в никуда. Коридора просто не было. Вообще ничего не было, только пустота. Она была

бесцветной — какой же еще может быть пустота? — по все бесцветное нам отчего-то кажется черным.

Я погрузил в нее руку, невольно ожидая, что рука, оказавшись в пустоте, тоже исчезнет, или почувствует неземной холод, словом, испытает хоть какое-то непривычное ощущение. Ничего подобного! Пустота оказалась совершенно неосознаваемой на ощупь.

Я поводил рукой из стороны в сторону и почти сразу же наткнулся на какой-то предмет. Вполне ощутимый. Когда мои пальцы надежно обхватили его, он стал видимым. Но еще мгновением раньше я догадался, что сжимаю в левой руке большие ножницы. Я положил их на пол спальни рядом с порогом и снова запустил руку в пустоту. На этот раз я искал значительно дольше. Мне пришлось погрузить в пустоту руку по самое плечо и несколько мгновений опасно балансировать на границе реальности, упираясь в нее коленями, прежде чем я, наконец, нащупал второй предмет. Им оказалась широкая катушка скотча. Прозрачного, но, думаю, его цвет в данном случае не играл никакой роли.

Больше в пустоте не было ничего.

Все верно. Прежде всего, Картину следовало вернуть. Потом — смотреть. «Нравиться»...

Я взял ножницы и скотч и послушно отправился в обратный путь. Я боялся обернуться. Мне почему-то казалось, что пустота ползет следом за мной, лижет мои пятки, пробует на вкус.

И эти странные звуки с той стороны, где раньше была прихожая — они тоже пугали меня, заставляли ползти быстрее. Там что-то очень громко стучало, а иногда раздавался такое противное металлическое жужжание, которое, по моему представлению, способно издать только бензопила.

Впрочем, откуда мне знать, как жужжит бензопила?

10000, конец.

Близился к завершению последний этап работы.

Я отматывал от катушки полосы скотча длиной в два с половиной метра, отрезал их ножницами и аккуратно наклеивал на черный квадрат. Я старался покрывать его ровным слоем скотча, полоса к полосе. Это давалось мне нелегко, но я ведь уже делился с вами своими соображениями по поводу легких побед...

По мере того, как грохот и жужжание со стороны прихожей усиливались, росло и мое беспокойство. Я старался работать как можно быстрее и, как результат, делал это все хуже и хуже. Полосы ложились уже не так ровно, напозлали друг на друга, собирались в складки. Последняя из них буквально связала меня по рукам, когда я в спешке попытался приклеить ее не той стороной.

Как бы то ни было, я успел закончить работу за несколько мгновений до того, как раздался страшный грохот в прихожей, и топот нескольких пар бегущих ног заполнил собой гулкую пустоту коридора.

Время вышло!

Собрав воедино все силы, какие еще оставались в моем изможденном теле для последнего, прощального рывка, и умоляя бога сохранить мне сознание хотя

бы на ближайшие несколько секунд, я поднялся на ноги, удерживая за углы огромный черный квадрат, и поднял его вместе с собой, перед собой, над собой — на вытянутых руках.

Вы будете смеяться, но во время этой операции я старательно зажмурил глаза. Не хотел портить впечатление.

И открыл их только тогда, когда вновь уложил квадрат на пол, перевернув его черной стороной вниз. Уже не квадрат — Картину!..

Открыл и увидел...

Да, передо мной был явно не Малевич! Далеко не...

0.

На картине шагал Марк.

На фоне розовеющего на востоке неба спешно дотлевали угольки замешкавшихся звездочек. Придорожные сосны, те, что за ночь от страха успели ошетиниться, выпустив наружу грозные иглы, теперь успокоились, втянули их назад, уменьшив до приличествующих размеров. Холодный ветер, под утро спустившись с предгорий, задул, зазмеился вдоль тропинки, догнал Марка, спрятался в складках его плаща, разметал в стороны непослушные седые космы, не обделив, однако, вниманием и обильную проплешину на затылке старика. А старик шагал, не замечая ни заигрываний ветра, ни невинной прелести зарождающегося нового дня, не глядя по сторонам, не оглядываясь назад, и, кажется, не сильно даже интересуясь, что ждет его впереди.

Я потянулся вперед и коснулся полы его плаща в том месте, где красовалась наспех заштопанная прореха, появившаяся после позавчерашней стычки. Не оборачиваясь, Марк нервным движением оттолкнул меня.

Я не удивился. И не обиделся. И не сказал ни слова. У него была масса оснований повести себя именно так.

Тогда я просто выждал, когда Марк отмерит десять шагов по тропинке, а подошвы его сандалий вдохнут жизнь в двадцать пригоршней дорожной пыли, и побрел следом за ним, стараясь сохранять дистанцию между нами неизменной.

Тропинка причудливо изгибалась, петляя между невысокими холмами, и я послушно петлял вслед за ней, отбивая неслышную медленную дробь, а на душе было на удивление спокойно и легко. Поскольку я не сомневался, что когда-нибудь — и, скорее всего, довольно скоро — Марк перестанет дуться на меня, и тогда он сначала остановится, а потом обернется ко мне и, скривив толстые губы в усмешке, пробурчит с нарочитой строгостью в голосе: «Ну, чего встал, криворогий? Догоняй! Шeweли ушами!.. — И засмеется беззлобно. — Ушшелец, тоже мне!..»

И все станет, как прежде.

Ноябрь 1999.

ЗВОНОК в дверь, настойчивый и долгий, медленно выталкивал меня в реальный мир из темного похмельного небытия. Я приоткрыл один глаз. Сглотнул. Мир был полон солнца, детских голосов, а также — изжоги и головной боли; возвращаться мне в него ну совершенно не хотелось, я зарылся под подушку и постарался не обращать на шум внимания. В конце концов, когда-нибудь ему надоест стоять у двери.

Однако звонок продолжал трезвопить. Я сел, потер лицо, подождал, пока не перестала кружиться голова, после чего поплелся таки открывать, на ходу натягивая майку.

— Иду! — крикнул я.

Звонок надрывался по-прежнему.

На часах была половина одиннадцатого. Если судить по моему «распорядку», то проснулся я не так уж поздно. Даже, можно сказать, рано. Расшвыривая пустые упаковки из-под «одноразовой» лапши, чипсов и прочей лабуды, я мимоходом запинал под диван пустую бутылку и, наконец, добрался до двери.

— Да иду же! — снова крикнул я, поскольку звонок не умолкал.

Вот черт! Кто бы это мог быть?

Дверных глазков я не признаю — уж очень их легко закрыть ладонью. Даже одним пальцем — легко. Или, скажем, спрятаться у стенки, и хорошо, если ради шутки. А там, попробуй, догадайся, кто пришел, а

открывать-то все равно придется. По мне уж лучше старая добрая дверная цепочка. О-хо-хо...

Я в меру сил пригладил свои торчащие спросо-лья во все стороны вихры, набросил цепочку и открыл замок.

— Ну что там еще?

Звонок умолк. За дверью был какой-то парень с чемоданом. Так себе парнишка, на вид лет двадцать. Не из наших, но одет нормально — джинсы, рубашка навыпуск. Рубашка тоже нормальная, в клетку. Никаких тебе балахонов, никаких бейсболок, выбритая морда, стрижка не короткая, не длинная. Встретишь такого на улице — не обратишь внимания, а после и не вспомнишь. В руках чемоданчик, знаете, из тех, что носят клерки — плоский такой. Очки под Джона Леннона. И улыбается, зараза.

— Привет.

И голос такой... Невзрачный такой голос.

— Привет, — недружелюбно буркнул я. — Ты кто такой?

— Прости, что разбудил, — он поправил очки, — но Майк мне посоветовал звонить подольше, а иначе ты не откроешь...

— Ну, черт с ним, — поморщился я, — открыл и открыл.

— Ты ведь Вендер? Тим Вендер?

— Ну, я Тим Вендер. Чего тебе?

— У меня здесь диски, — он поднял чемоданчик.

— Хочешь посмотреть? Мне сказали, что тебя это может заинтересовать.

Ах, вот оно что... Ну конечно! Как же я сразу не допетрил: один из тех «комми», что ходит по квартирам и впаривает людям всякую туфту. Причем, втридорога. Я почувствовал, что начинаю звереть. Нашел, кому пудрить мозги! Ох, Майк, ну доберусь я до тебя когда-нибудь с твоими шуточками...

— Ша, парень, — осадил я его и демонстративно похлопал себя по карманам. — Неприемный день. Я ничего не покупаю, у меня голяк.

И попытался закрыть дверь. Он торопливо вклинил ногу между косяком и дверью. Я закричал. Профессионал, однако...

— Постой, — быстро заговорил он. — Мы можем поменяться. Майк сказал, что ты меняешь диски. У меня здесь неплохие вещи. В самом деле, неплохие. Первые перепечатки, бутлеги. Итальянский концерт Рэя Воэна... «Живые» «Роллинги» в Германии, неизданные «Битлз»...

Я замешкался. Да, знал, подлец, на что давить... Если, конечно, не врет.

— Хотя бы взгляни.

И смотрит, понимаешь, мне в глаза сквозь свои очки. И взгляд такой... Как будто видит все насквозь. И вот эти самые очки-то меня и добили. Я медленно вздохнул и отбросил цепочку.

— Ладно, черт с тобой. Заходи.

Пока он в комнате свой чемодан раскладывал, я пустил в ванной воду, плеснул разок-другой в лицо и посмотрелся в зеркало. Да, ну и рожа у меня сегодня... Всем рожам рожа. «Абсолютная». В смысле — после водки «Абсолют». Бутылочка пивка сейчас бы мне не помешала. Хотя, вообще-то, лучше бы не надо, тем паче, если парень в самом деле принес что-то стоящее, лучше иметь на плечах трезвую башку. Пускай похмельную, но трезвую. Я тронул щетину на подбородке, хмыкнул, бриться не решился, вытер морду полотенцем и двинул в комнату.

Я уже настроился, что парень расположит на диване свой товар. На диване, потому что стол загромождали всякие журналы, грязные тарелки и развороченные потроха усилителя, который я вчера не допаял. А не допаял я его, потому что завалился Ларри с очередной бутылкой и очередной своей историей, мы загрузились, приняли на грудь, поставили «Сержанта Пеппера» и ушли в глубокий винт. Пестрая коробочка из-под «Сержанта» все еще лежала раскрытая на проигрывателе — я так и не вытащил диск. Где меня носило ночью, я помнил смутно, но гитара была здесь, значит, поиграть мы так и не решились.

Парень между тем стоял посреди комнаты и осматривался. Мне даже как-то не по себе стало, так внимательно он на все глядел. Чего смотреть — квартира, как квартира. Дешевая мебелишка. Гитара с усилителем в углу, мой старый CD-плеер, неработающий телевизор, да выгоревший постер старых «Пинк Флойд» с пирамидами. Единственная гордость — стойка со «стекляшками», да и то там не все: те, что ценнее, я храню в шкафу. Бардак, конечно, и не прибрано, ну так с тех пор, как от меня ушла Мелинда, у

меня все валится из рук. И песни пишутся через одну, и выступать мы стали реже, да и вообще. А тут еще у друга начались проблемы...

— Ну, давай, показывай, чего у тебя есть.

Парень оглянулся. Поправил очки. Странноватый был жест — очки он поправлял не указательным, а средним пальцем, будто бы показывал, ну, сами знаете, чего. А он помедлил чуточку и говорит мне так:

— Перед тем как я раскрою чемодан, — говорит, — я должен кое-что тебе сказать.

Ну, начинается! Сперва забрался в квартиру, теперь еще и в позу, гад, становится. «Дурь» у него там, что ли, в чемоданчике? Так я сегодня не настроен. Мне только обдолбаться сегодня не хватало для полного счастья.

— Ладно, — говорю, — валяй.

— Мой товар не из обычных. Может быть, тебя он удивит... Ну, в общем, ты сначала посмотри, потом можешь задавать любые вопросы. Я отвечаю.

И щелкает замком. Замок наборный, кодовый. Хороший чемоданчик. А внутри ряды компактв пластиком отсвечивают, разноцветные. Ну, я сунулся туда, лениво так по ряду пальчиками пробежался, один достал, другой... Вдруг чувствую — не то здесь что-то. А что — не то, и сам не пойму. И тут достал я из этой стопки диск битловского «Сержанта», вертел, вертел его в руках, вдруг у меня сердце как екнет — и вскачь... Поднимаю я глаза на парня, а он серьезно так смотрит на меня через очки, и ничего не говорит, а только на проигрыватель косится, ты, мол, поставь, поставь...

Тут объяснить, пожалуй, надо, а иначе не поймете. У вас наверно, тоже так бывает. Мечтаешь, или сон такой приснится — ходишь ты, допустим, в магазине или там в развале у лотка, а там альбомы разные любимых музыкантов, при том — названий куча, и все как один незнакомые. И только хапнешь такой диск, только домой притащишь, как тут же просыпаешься. И злишься — вот, блин, не успел послушать!

Так вот. Смотрю я, значит, в этот чемодан, и ничего не понимаю. Вы скажете, подумаешь, мол, «Клуб одиноких сердец». Мол, тоже мне, переиздание, «раритет». Сперва и я так подумал. Но в том-то и дело, что альбом, который я держал в руках, был... двойным!

Я как-то этого сразу не сообразил. Почему — нетрудно догадаться. Когда повсюду царствовал винил, альбом «Оркестр Клуба одиноких сердец Сержанта Пеппера» выпустили одинарным диском, а конверт сделали «двойной» — с огромным разворотом, где портреты всех битлов. А тут вдруг под одной обложкой — два компакта, и половина песен вовсе незнакомые! «С тобой и без тебя» на диске нет, зато есть «Пенни Лейн» и «Земляничные поляны навсегда», какой-то «Блюз Сержанта Пеппера», «Рождественская песня» и еще пяток, которых у битлов нигде и никогда вообще в природе не было! Доковылял я, как во сне, до проигрывателя, вытащил свой диск, поставил один из *этих* и первым делом запустил одну такую.

И в самом деле — «Битлз», притом какие «Битлз»! Золотая олдуха! На этикетку глянул: «Битое стек-

ло» песенка называется, и как раз в том месте, где на альбоме мне всегда казалось, будто чего-то не хватает — сразу после «Риты-Метр». Джордж поет, Джон с Полом подпевают. Клавиши, гитара, Ринго на тамтамах, и что-то там про Индию. Наверное, Джорджа заморочки. Звук неопиcуемый. Сижy я, слушаю, а сам думаю — вот сейчас проснусь, сейчас проснусь... Не хило хотя б мелодию запомнить...

Прогнать еще раз, что ли?

Ущипнул себя. Глаза скосил. Башкой потряс. Нет, вроде бы не сплю. И тут я как вскочу, как заору, на парня на того как наброшусь: «Откуда?!». А он так грустно смотрит на меня и улыбается. Потянулся к проигрывателю.

— Не выключай, — говорю, — пусть играет!

— Хорошо, — отвечает и садится прямо на пол. — Слушать объяснения будешь?

Я подумал и сел рядом с ним, поближе к чемоданчику.

— Буду.

Расселись мы, я кофейничек поставил, крекеры достал. А битлы поют...

Минут пятнадцать он телеги мне толкал. Толково, обстоятельно, как видно, и в самом деле знал, о чем говорит. И постепенно картина начала проясняться.

По его рассказу выходило, что Вселенная состоит из многих миров, уложенных друг на дружку навряде стопки блинчиков и проткнутых вилкой, чтоб не расползлись. И весь наш мир, в котором мы живем и существуем — суть один такой вот «блинчик». Ну, это мы и сами понимаем, тоже иногда фантастику почитываем — параллельные миры и все такое прочее. Но мой утренний гость всерьез утверждал, что придумал способ, как скользить по этой самой «вилке» вверх и вниз из мира в мир, соорудил для этого машину и отправился путешествовать. А поскольку соседние миры похожи, но не очень, где-то отыскался мир, в котором «Битлз» не распадались, где-то — мир, в котором они все-таки распались, но потом сошлись опять, а где-то мир, где полностью распались, но зато хоть Джона не убили. А поскольку парень оказался, как он выразился, «страшный меломан», то он, естественно, не удержался, и стал собирать коллекцию таких вот «параллельных» альбомов.

«Бред!» — думаю, а сам одним глазом на него смотрю, а другим в чемодан заглядываю. И вижу, что — не бред, и голова у меня от этого не то что кругом, а уже каким-то квадратом идет. Рок-н-ролльным, которым в динамиках Маккартниевская бас-гитара кружит. Смотрю, а там и в самом деле — диски «Битлз» Альбомов тридцать, и это если еще сольники у каждого не считать. А иногда на корешке стоит не «The Beatles», а просто «Beatles» или «The Beetles». А иногда — «The Silver Beatles», «John Silver & The Beatles», «Long Jonny & The Moon Dogs», и даже, почему-то — «Beat Legs». Но все равно все это — Джон, Пол, Джордж и Ринго, в крайнем случае — Джон, Пол, Джордж и Пит. И совершенно неизвестные альбомы, «сорокапятки»... Один оформлен просто потрясающе, в каком-то ярком авангардном стиле: четыре их портрета «под кубизм». Переворачиваю — так и есть! — «Дизайн обложки — Стюарт Сатклифф».

— Вот «Черный альбом», — комментировал тем временем мой незванный гость. — Его записали трое оставшихся «Битлов» в измерении № 15, считая вверх от нас, когда погиб Джон Леннон. А это — «Битлз возвращаются» с пятого снизу; они его писали тогда, когда здесь был сделан «Пусть будет так». Йоко тогда объявила Джону, что беременна, и Пол под это дело уговорил его дать несколько концертов. Тот на радостях согласился. После они ругались, сходились, расходились, но уже не так страшно, как здесь... Эти два диска — сольники Харрисона с Рави Шанкаром. А это «Молоко и мед», но только не такой, каким он вышел, а такой, каким он должен был бы выйти; здесь Леннону Гарри Брукер помогал...

А сам все достает и достает из чемодана. Диск за диском, альбом за альбомом. И ладно бы только «Битлз»! Как будто знал, зараза, что я люблю. Пять или шесть дисков «Цыганского оркестра» Джими Хендрикса. Тройной и, видимо, полный вариант «Стены» «Пинк Флойд» и дюжина альбомов их же, с Сидом Барреттом. Я не удержался и тут же поставил один. Поставил и застонал. Ох, Господи, действительно ведь Сид — его безумная гитара! А вы слышали хоть одно нормальное соло Сида Барретта после «Владевший Астрономии»? А я вот слышал! И это, доложу я вам, такое соло!.. Дальше — больше. Дженис — дисков пять, «Игги Поп и Студжиз» — альбом под совершенно неизвестным мне названием «Relax» — «Расслабься» (Нет, каково! вы представляете? «Расслабься»! У меня в голове мгновенно закрутились вывихнутые Эштоновские соло, диск хотелось сразу же схватить и послушать). Марк Болаи и «Ти Рэкс» (уже не помню, сколько их там было штук), совместный сольник Джетгера и Маккартни (чума!). «Блэк Сэббэт» с Оззи навсегда, «Лед Зеппелин» живые и здоровые — «Восточный фронт», «Дневники негодяя», да плюс еще альбомов пять и никакой убудочной «Коды». И даже — здравствуйте-пожалуйста! — уж совсем недавняя покойная «Нирвана»: «Белый альбом» и «День безумия»...

Похоже, у меня сегодня тоже — день безумия.

Стоп! — вдруг думаю себе; а какого же лешего этому чуваку в таком разе надо от меня?

— Ну, хорошо, — говорю. — Затея клевая, хочу с тобой дружить. Но от меня-то ты что хочешь?

Только я вот так его спросил (а парень и ответить не успел), как тут же подцепил и вытащил еще один компакт. Вытащил и обмер: «The Venders» — «Just Do It».

Признаться, я до этого момента как-то все-таки не верил происходящему. Ну, мало ли, собрали пару-тройку талантливых ребят, заделали две песни «под битлов», на каком-нибудь пиратском «дискорезе» сляпали компакт... Решили подшутить, в общем. При современных технологиях — раз плюнуть. Но не над моей же группой! Ну, мы с ребятами поигрываем вместе... по клубам и по гаражам. С полгода тому назад даже контракт как будто бы наметился, да обломился — мепеджер, который нас приметил, попал в аварию и загремел в больницу, да так, что валяется по сей день. Как только жив остался. Мы сейчас засели

в студии, да что-то не идет, заморочки какие-то. А здесь... Ну, просто все, как мы задумывали — вплоть до рулона туалетной бумаги на обложке, с отпечатанным на нем портретом президента. Перевернул. «Стифф Рекордз», 60 минут, и наши морды на обратной стороне. 13 песен в общем списке, плюс бонус-трек под занавес — мой вариант «The End» Джима Моррисона. Все, как мы задумывали, все почти как на наших тейпах-демонстрашках! Вот только не знаю, что за песня такая — «Пришелец», и кто такая эта Эшши Белл на бэк-вокале. Но все равно — как обухом по голове. Издали! Где?

— Где... — только и смог я сказать. Чувствую: голос сел, руки трясутся, перед глазами пелена. Глотнул из чашки. — Где ты его нашел?

— Я все ждал, когда ты, наконец, до него доберешься, — говорит меж тем парнишка. Очки поправляет. — Я купил его на измерении четыре, если двигаться вверх. У них там Эдди Берн под мотоцикл не попал, устроил вам контракт и студию. Вот вы и записались.

Ну, я встал и с низкого старта — к проигрывателю. А он мне в спину ненавязчиво так: «Ты уверен, что хочешь это сделать?»

Хочу ли я? Еще бы!

А хотя постой... Ведь в общем-то, все песни мне и так известны, а если и у нас такая штука выйдет, у меня таких компактв будет — слушай, не хочу. А так, за просто так если слушать... как будто своровал чего. А зачем? Стою, компакт в руках трясется, и снова думаю — зачем он это делает?

— Послушай, — говорю, и оборачиваюсь. — Ведь ты на этом, верно, жуткие бабки бьешь. А у меня кроме гитары и неподписанного контракта нету ничего, даже девчонка моя от меня ушла. Ума не приложу, сколько ты за такие вещи можешь запросить. Чего ты хочешь?

— Видишь ли, Тим, — отвечает тот. (Черт, я ведь даже не спросил, как его зовут!). — Моя машина обходится дорого, уж слишком много потребляет энергии и запчастей, и прочего всего. Вот я по разным измерениям музыкой и торгую. Я мог бы спекулировать на технологиях, возить туда-сюда открытия, но, видишь ли, открытия и так свершаются везде почти одновременно — научный базис разных измерений очень схож. Потом, ведь в большинстве своем они все засекречены. А музыка — это нечто эфемерное, нечто такое, что творится по наитию, по озарению... Вот я и переправляю такие «озарения» из одного мира в другой для избранных друзей. Своего рода элитарный клуб такой.

— Постой, постой, — говорю, — Это как же получается? Купишь альбом, а после его в ящик спрятать, так что ли? Ни тебе с друзьями заслушать, ни девчонке своей прокрутить? Нет, я так не хочу.

— А если подумать? — спрашивает тот.

А если подумать...

А если подумать — хочу! Сил нет, как хочу все это занять. Все это вот, что он притаранил, и еще много-много чего. Прямо хоть бей этого сукиного сына по кумполу и отбирай чемодан — вот как хочу. Ну, поче-

сал я репу и руками развел: не знаю, мол. А он вздохнул и снова в чемодан полез. И достает оттуда, из кармана в крышке (блин, я, прям, как чувствовал, что там еще что-то есть!) — «Роллинг Стоуна» номер. Не свежий, правда, — майский, но вполне. И мне протягивает: «На». А на обложке — снова мы и подпись: «Вендерс» — крах желаний?» Думаю, к чему бы это? Раскрываю. Так, где мы тут... Ага, вот: страница двадцать пять — одноименная статья. Восторги, хит-парады, «...новые веяния...», «...дебют, неслыханный со времени “Дорз”...» и прочие, там, тыры-пыры... Однако... Стою я и чувствую, как моя физиономия против воли растягивается в улыбке до ушей и даже дальше. Мою гитару хвалят, песни тоже хвалят, черт дери! «Закон и порядок», «Чикита-поп» и «Просто сделай это» — просто хвалят, а «Продажные» и «Поздно / Никогда» и вовсе возносят до небес. Правда, чуть-чуть проехали по «Пришельцу», ругаются на «Бог-отец и К°», ну, это уж как водится. Даже эпитет подобрали к нам: «психоделический джаз-панк».

Черт, неужели нам и впрямь удалось скovyрнуть всю эту танцевальную бодягу? Ведь не продохнуть же от них.

Стоп, стоп... А это что?

«...к сожалению, гибель Тима Вендерса в апреле от передозировки героина поставила крест на дальнейшей карьере группы, казалось бы, уже готовой занять место новых героев альтернативной музыки. Все, что можно сказать по этому поводу, уже давно сказано, но все же...»

Журнал выпал у меня из рук и я ошалело плюхнулся на диван.

А парнишка сложил так ручки на груди, смотрит на меня, и говорит, говорит...

— Я объездил восемнадцать измерений в обе стороны — на большее моя машина пока не способна. Джими Хендрикс погиб в большинстве из них, но в двух ухитрился прыгнуть с иглы, а в одном ширяется до сей поры и все еще живой, павроде как у вас здесь Джерри Гарсия из «Грэйтфул Дэд». Со старушкой Перл сложнее — Дженис умерла почти везде, и только в одном мире выжила и не перестала петь. Полегче было с Джоном Ленноном — маньяк непредсказуем, да и сам Джон тоже хорош... В двух измерениях, известных мне, битлы вообще не собрались.

— А как насчет «Дорз»? — спрашиваю.

— Вот с Джимбо, — отвечает, — сложнее всего. Во всех мирах, где он не умер (а таких всего штуки три наберется), он отошел от музыки, обосновался в Париже и пишет стихи. Марк Болап, так тот вообще счастливчик, если так, конечно, можно сказать — он хлопнулся на машине только в вашем мире, а в других живет и процветает.

Тут шестеренки у меня в голове приходят, наконец, в движение.

— А я... А мы?! — кричу. — А как же мы?!

А тот качает головой.

— А вот тебя, Тим, нет в живых уже почти нигде. Вот только там, на пятом мире и... вот здесь. Но там, на пятом, как ты видишь, тебя уже тоже нет. Так что,

ширяться дальше, если хочешь. Но только помни, что на твой новый диск у меня было заказов больше всего. Понял?

— Понял, — говорю. — А ты? Почему бы тебе не воспользоваться этой музыкой и самому не стать звездой?

— У меня слуха нет, — грустно отвечает тот. — Совсем. К тому же, в моем мире так никогда и не возник рок-н-ролл. Только джаз и блюз, да и тех в итоге затравили.

Ну, помолчали мы. Встает он, собирает шмотки. Я даже противиться не стал — как-то мне вдруг сделалось совсем не по себе. А он так оборачивается в дверях, и говорит:

— Так вот чего я тебе сказать хочу. Искать меня не надо. Останешься в живых и станешь побогаче — я сам тебя разыщу. Тогда поговорим всерьез. А у меня есть, что тебе предложить.

— Да уж, — говорю. — Это точно.

— Ну, раз так, тогда — прощай, а может, до свидания.

И ушел. Хоть бы «Сержанта» для приличия оставил, что ли... Козел.

Наверно, с полчаса я просидел на диване — заколдовал он меня, что ли? — потом встал и поперся в ванную. Душ принял, вымылся, кофейку попил. Сажу. Думаю, что делать. И что-то меня такое зло вдруг разобрало. Какого хрена, думаю, на кой мне это надо, даже если он вернется — диски под кроватью слушать?! Ведь если так, то и делать ничего не надо — поезди по мирам, и все найдешь, что хочешь. Подумал я еще немного, пошел на кухню, залез под раковину, выволок пакетик с «дурью» и вывалил все в унитаз. Подумал, и отправил туда же все «колеса», и оставшиеся полбутылки виски тоже туда вылил. Ох, думаю, и поломают же меня денька через два-три... А, ладно. Как-нибудь перетерплю. Не в первый раз.

Тут телефон затрезвонил. Я аж подпрыгнул. Поднимаю трубку: Вик.

— Тим, ты? — кричит. — Куда ты запропал?

— Да, — отвечаю, — приходил один придурок. Я его послал.

— У тебя чего голос дрожит? Послушай, у меня тут такая вещь написалась, тебе обязательно надо заценить. А еще меня тут с одной девчонкой познакомили, девка класс, поет — закачаешься. Короче, давай, брось грузиться и приходи. Придешь?

— Приду, — говорю.

Пошел я, включил гитару — пальцы так и прыгают — и стал играть.

Назло не так сделаю. «Пришелец», ха! Я лучше напишу. И ребята у нас в группе все-таки клевые. Вик — басист божьей милостью, двоих стоит, все время у меня соляк отбить стремится. Ну и пусть отбивает, может, так оно даже лучше будет. «Психоделический джаз-панк» — тут явно без него не обошлось... А Уильям такие стихи пишет — отпад, зря я только с ним вчера поругался. Ну, ничего, сегодня помирюсь.

Черт, да мы еще зададим им жару!

А Ларри к лешему со всеми его закидонами. Пускай пьет один. Или пускай трезвеет, сволочь. Тогда поговорим.

А этот парень, путешественник который; никакой он получается в таком разе не коллекционер, а так... коллектор. Копилка. Пока не расколешь, на фиг она и нужна. И вот играю я вот так, и представлять мне вдруг стала эта самая наша Вселенная не как блины, а как стопа компакт, на пруток нанизанных. А по прутку вверх-вниз шныряет таракан и музыку ворует. Только музыка-то все равно останется, а таракан подохнет, если только раньше не раздавят. Рано или поздно эти самые миры найдут ведь общую дорогу и тогда...

А в общем-то, хрен с ним, пускай приходит. А не придет, так тоже ладно. Ведь если я эту музыку не напишу — никто ее не напишет.

Я правильно думаю, или нет?

Ну и молчите в тряпочку.

Курьер

Целых три посвященные фантастике, но ранее не публиковавшиеся работы доктора философских наук З. И. Файнбурга* (1922--1990) вошли в т. II материалов XII Уральских социологических чтений «Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований», тиражом 250 экз. выпущенных Пермским государственным техническим университетом.

Статья «Человек и будущее» посвящена жанру утопии и содержит анализ произведений И. Ефремова, С. Жемайтиса, А. Мирсера, С. Гапсовского, Е. Войскунского и И. Лукодянова, братьев Стругацких (в частности, «Улитки на склоне»). «Тень Апокалипсиса» повествует о связи утопии и футурологии, «Честность без прозрения» исследует «Марсианские хроники» Р. Бредбери. К сожалению, время написа-

ния этих трех работ в публикации не указано.

В томе приведена также библиография избранных публикаций З. И. Файнбурга, в т. ч. посвященных фантастике. Отмечается, что поставленная в план «Политиздатом» еще в 1974 г. десяти-листная книга «Миражи современной утопии» (утопия в облике научной фантастики), до сих не увидела свет.

Игорь ЛЕГКОВ

* См. очерк «Картограф фантастического будущего», «Лавка фантастики» № 2, 1997.

* * *

С 4 по 7 ноября в Казани прошел 10-й «Зиланткон»

В этом году фэны совокупно с ролевиками поставили рекорд: съехало 1300 с лишком человек.

Премии «Большой Зилант» получила Далия Трускиновская (Рига) за роман «Шайтан-звезда» и повесть «Сказка о каменном талисмане». «Ма-

лый Зилант» (республиканская версия награды) досталась Р. Гисматуллину (Казань) — за цикл критический статей о творчестве фантастов, и Н. Зина-туллиной (Казань) за цикл фантастических рисунков.

Впервые вручался «Анти-Зилант» или, как его официально называли, «Килограмм денег» — за произведение, имевшее максимальный коммерческий успех при минимальных творческих усилиях автора. Этот килограмм представляет собой спрессованный из подготовленных к утилизации ветхих купюр «кирпич», который весит именно килограмм. Его присудили Марии Семеновой. Поскольку писательница в Казани не присутствовала, один из фэнов взялся доставить приз в Питер. А уж там его вручит лауреатке Елена Хасцкая — по слухам, весьма склонная к тому, чтобы радовать собравшихся перу подобными сюрпризами.

Соб. инф.

Я ХУДОЖНИК-ПОРТРЕТИСТ. Ремесло свое люблю. Рисую всегда и везде: в транспорте, на улице, на вокзале, в парке. И сколько бы я этим не занимался, у меня никогда не пропадает интерес к человеческим лицам. Изображая их, невольно становишься физиономистом. По опущенным уголкам рта, сдвинутым бровям, складкам у губ узнаешь характеры и склошности людей.

Весь год я тружусь, не покладая рук, не замечая, как летит время. Но когда наступает осень и листья окрашиваются в багрянец, меня начинает непреодолимо тянуть на природу. И тогда, взяв этюдник с красками, я еду куда-нибудь в глухомань. Не на юг, с его лубочными кипарисами, горой Аю-Даг и Ласточкиным гнездом, прекрасными, но порядком приевшимися крымскими красотоми. А в какую-нибудь богом забытую деревеньку или хутор. Но чаще всего я бываю на Валааме. Несколько раз мне посчастливилось устроиться на житье в келье бывшего монастыря. И это было для меня большой радостью, потому что я вдруг обрел то, чего так не хватает нам, горожанам — тишины и непосредственного общения с природой. В этом году я тоже намеревался побывать там, но обстоятельства сложились так, что от поездки пришлось отказаться. И тогда я решил поехать в Сиверскую. Там, на отшибе, на самой кромке леса, жил мой знакомый лесник. Жил уединенно, без семьи, со старым псом Полканом и козой Данькой, которая сопровождала Кузьмича в обходах по лесу.

Старенький, расхлябанный сотнями километров пути, поезд медленно тащился по знакомым местам, не перестававшим радовать глаз. Вагоны жалобно по-

скрипывали, а колеса стучали как-то совсем вразнобой. Но даже это не раздражало, а скорее радовало меня. Я словно возвращался в недалекое прошлое.

Когда я вышел на станции Сиверская, а поезд покатил дальше, в сторону Луги, меня объяла непривычная тишина. Остановившись, я стал ждать старенький автобус, на котором мне предстояло доехать до поселка Кезево, а оттуда шагать еще километров пять. Народу как всегда было много. Автобус ходил очень редко, к тому же это был не львовский — большой и комфортабельный, а маленький работяга, более подходящий для сельских дорог.

У дома Кузьмича меня ждала неприятность — дверь оказалась на замке. Не было слышно ни собачьего лая, ни Данькиного блеяния.

Еще на что-то надеясь, я пошарил в условном месте, но ключа не нашел. Зайдя к ближайшим соседям, я узнал, что Кузьмич находится в больнице, а Полкана и козу временно взяли соседи. Когда они узнали суть дела, то предложили мне остаться у них. На дворе уже смеркалось, и у меня не было другого выхода, как согласиться. Однако я решил, что завтра же постараюсь найти себе более спокойное пристанище. У хозяев была большая семья, дети, несколько собак и куры. И все это галдело, лаяло, вопило и кудахтало, создавая невыносимый шум.

Утром меня разбудил солнечный луч, ласково пригревший щеку. И я, забыв о своих намерениях поискать жилье, отправился налегке побродить по осеннему лесу.

Стояло бабье лето. Солнце грело совсем по-летнему, и только легкий ветерок приносил осенние запа-

хи сырого мха, жухлой травы и вянувших листьев. С удовольствием вдыхая эти ароматы, я чувствовал, как в мою оживающую душу вливается тихая грусть. Как бы прекрасна ни была осень, она всегда вызывает сожаление по уходящему лету. Приезжая в лес, я неизменно думал о том, что надо наплевать на цивилизацию, ванную и теплый туалет и переехать на жительство в какой-нибудь пригород, подальше от людского муравейника и шоссежных дорог, изрыгающих газ машины. Но, прожив три-четыре недели в тиши и уединении, я начинал ощущать, как меня с каждым днем все сильнее тянет в привычную городскую обстановку, с постоянно звонящим телефоном, холостяцкими выпивонами и мимолетными любовными увлечениями.

Увлечшись своими мыслями, я неожиданно забрел в совершенно незнакомое мне место. Лес как-то неожиданно кончился и я оказался возле старого деревянного дома, окруженного сучковатыми развесистыми яблонями, которые росли почти над самой рекой. Дом невольно привлек мое внимание. Он был очень индивидуален и даже причудлив. Крышу его венчала замысловатая башенка, крытая почерневшей дранкой, а по карнизу шла красивая деревянная резьба. На резных столбиках красовалась открытая веранда, а окна были в венецианском стиле. Похоже, что дому было не менее ста лет, но, несмотря на свой возраст, он был необыкновенно привлекателен. Подойдя ближе, я обратил внимание, что он безмолвен. Ни скрипа, ни единого звука, только тихое воркование голубей, живших на чердаке.

С самого детства у меня сохранился интерес к старым полузаброшенным домам. В каждом из них мне мерещились какие-то тайны. Если мне представлялся случай побывать в пустующем доме, я никогда не упускал его. Для меня это был загадочный мир тепей. Медленно бродя по дому, я пытался представить себе людей, живших в этих комнатах. Не смог я удержаться от соблазна и на этот раз.

С давно забытой робостью я взялся за ручку двери и медленно открыл ее. И хотя многие окна были разбиты, на меня пахнуло устоявшимися чужими запахами. В доме царил беспорядок, какой обычно бывает после отъезда жильцов. Повсюду валялись бумажки, какие-то забытые или непужные вещи. Кое-где на окнах стояли горшки с засохшими цветами. В комнатах оставалась кое-какая мебель, в основном ломаная. Но сквозь беспорядок и неуют проглядывали следы чьей-то жизни, проведенной в этом доме. На выцветших обоях различались темные следы, оставленные картинами, зеркалами или стенными часами. В одной из комнат сохранилась кафельная печь, в другой, кроме голландки, был камин. Не поленился я подняться и на второй этаж. Туда вела прямо из зала винтовая деревянная лестница, с поскрипывающими при каждом шаге ступенями. Наверху были совсем миниатюрные комнаты без обоев. Стены были обшиты деревом. Лишь одна комната оказалась значительно больше других и когда-то, видимо, освещалась дополнительно с потолка. Там сохранилась большая рама, но вместо стекол она была заделана фанерой. По всей

вероятности, здесь находилась мастерская художника. Окно было тоже значительно больше остальных окон.

— А что, если мне здесь поселиться? — подумал я неожиданно.

Эта перспектива показалась мне заманчивой. Еще никогда я не жил один в целом доме. Конечно, придется произвести уборку, но это мне не повредит. Будет чем-то вроде спортивной зарядки, которой я всю жизнь лепился заниматься. Проблема была только одна — на чем мне спать.

Пройдя по всему дому, я сделал ревизию, и к своей радости нашел все необходимое. В одной комнате я обнаружил кровать с сеткой, в другой небольшой стол и вполне приличную табуретку. А в сарайчике была гряда старого сена. Если накрыть его брезентом, который я всегда брал в свои поездки, могло получиться неплохое ложе. Проверив, можно ли топить камин и убедившись в его исправности, я окончательно решил здесь поселиться. Так как кухонная плита была разорена, я подумал, что при помощи кирпичей смогу устроить в камине жаровню, на которой можно будет кипятить чай и разогревать консервы.

Из дому я вышел по-детски возбужденный — мое житье в этом покинутом доме представлялось мне неким занимательным приключением.

Вернувшись к хозяевам, я сообщил, что нашел себе жилье, и хочу сейчас перебраться туда.

— А у кого вы будете жить? — поинтересовалась хозяйка.

— Да ни у кого, один.

— Как это? Разве в доме нет хозяев?

— Нет. Я нашел пустой дом, где никто не живет, — объяснил я.

— Уж не на берегу ли реки? — как мне показалось, с тревогой спросила хозяйка.

— На берегу.

— С балконом и башенкой? — не унималась она.

— Да.

— Ой, не ходите туда, не надо! — проговорила женщина умоляюще.

— А в чем дело? — удивился я.

Женщина, замаявшись, помолчала.

— Да в том доме привидения...

— Привидения?! — засмеялся я.

— А вы не смейтесь, — сказала она, обидевшись на мое цевение. — Там из-за этого никто жить не может. Как ночь, так и являются...

— А чей это был дом? — поинтересовался я.

— Какого-то известного художника. Вот фамилию его только забыла... У него никого родных не было. Когда он умер, дом стал жактовским. Там три семьи жили. У одного жильца жена пропала. Она ему изменяла, и все решили, что он ее убил. Труп, правда, не нашли... Она потом жильцам являлась, в крови вся... И мужу наверняка казалась, потому он, видать, и повесился...

— Да-а, история, прямо скажем, леденящая душу, — заметил я уже серьезно.

— Оставляйтесь лучше у нас! — попробовала уговорить меня хозяйка. — А если у нас вам шумно бу-

дет, к Зинке можно, она одна живет. Весь день на работе и дома никого...

– Да нет, спасибо. Я все же рискну. А привидения, это даже интересно. В городе у нас ничего подобного нет. Даже домовые и то не живут.

Когда я выходил, хозяйка крикнула мне вдогонку:

– Если что, приходите, рады будем!

Я поблагодарил и быстрым шагом направился к таинственному дому. По дороге зашел в сельский магазинчик и купил несколько свечей. Вечера стояли уже темные, и без света мне было бы тоскливо.

Почти весь этот день я провел, занимаясь уборкой своего нового жилища. Таскал мусор, подметал пол, чинил, как мог, мебель. Занимаясь этим, я то и дело мысленно возвращался к разговору с хозяйкой и невольно усмехался.

– Подумать только, в наше время кто-то еще верит в привидения! Уму непостижимо!

На участке был старый, с почерневшим срубом колодец, но я подумал, что вода в нем, наверное, застоялась. Кроме того, у меня не было ведра. Найдя в доме несколько старых покореженных, но еще годных для употребления кастрюль, я сходил на реку и наполнил их водой. Умывшись, поставил на сооруженную мной жаровню банку мясных консервов и кастрюлю с водой.

Огонь в камине уже ярко пылал, и в комнате стало по-домашнему тепло и уютно. Расстелив на колченогом столе газету, я разложил свой нехитрый ужин и потер от удовольствия руки. Мое неожиданное приключение, несомненно, нравилось мне.

Убрав остатки еды, я придвинул к себе свечу, воткнутую в горлышко бутылки, и углубился в чтение. Поначалу книга увлекла меня, но постепенно мной стало овладевать какое-то неясное беспокойство. Человек я не робкого десятка. Волевой, энергичный. Не склонный к мнительности и не верящий ни в какую мистику. И тем удивительнее было это непонятное беспокойство. Живя у Кузьмича, я не раз оставался ночью один в избе, но непроглядная тьма близкого леса всегда казалась мне доброй. Теперь же, когда я поднимал голову от книги и устремлял свой взгляд в окно, мне начинало казаться, что кто-то невидимый и недоброжелательный следит за мной. Как я ни старался отвлечься от этих мыслей, моя голова все чаще поднималась, и я до боли в глазах всматривался в вечерний мрак, надеясь увидеть там хоть один огонек. Наконец, не выдержав, я завесил окно газетой. На какое-то время мне стало легче, потом беспокойство вновь овладело мной.

Взяв свечу, я отправился в прихожую. Найдя щелчку, с поспешностью задвинул ее, но беспокойство не покидало меня. Когда я возвращался в комнату, то решил подбодрить себя.

– Смелей, геолог! Держись, геолог! – запел я, переирая слова песни. В пустом помещении мое соло прозвучало нелепо и фальшиво, как тост за здоровье на кладбище.

Чтобы доказать самому себе, что я храбрый, решил пройти по пустому дому. Напевая что-то бравурное, я поднял над головой свечу и начал обход.

Комната, освещенная колеблющимся светом, приобрела совсем иной облик. Что-то в ней преобразилось. Она словно ожила. В скользящих по стенам тенях двигались какие-то фигуры, мелькали лица. Я принял это за игру света и отвел взгляд. За окном, в свете появившейся луны призрачно белели яблони, покрытые цветом. По моей спине пробежал холодок. Когда я во второй раз глянул в окно, все деревья стояли в снегу.

– Но ведь этого не может быть! – воскликнул я, пытаюсь убедить самого себя в абсурдности происходящего.

Мне, как ребенку, напуганному страшной сказкой, захотелось скорее лечь в постель и накрыться с головой, но я пересилил себя и зашел в следующую комнату. Все повторилось. Свеча освещала старые выцветшие обои, пятно от коврика, видимо, висевшего над кроватью, большой прямоугольник за невидимым шкафом, а в тени что-то двигалось, суетилось, жило своей неслышной призрачной жизнью.

Отказавшись от дальнейшего обхода, я поспешил в свою комнату. Закрыв задвижку, устало опустился на постель. Камин догорал, пламя то неожиданно вспыхивало, то опять угасало. Раздевшись, я погасил свечу и быстро лег, натянув одеяло до самого подбородка. Мерцание углей успокаивало, навевало сон, и я скоро уснул.

Когда я проснулся, на улице все еще была ночь, а комната по-прежнему освещалась неярким светом камина, хоть я хорошо помнил, что в нем оставались одни угли. Но дело было не в этом. То, что окружало меня, было совершенно не похоже на ту комнату, в которой я лег спать. На стенах висели дорогие картины и гравюры, стенные часы. И вообще вся комната была обставлена старинной, обтянутой красивым штофом, мебелью. Под потолком висела люстра. Плафоны ее были в виде белых лилий, которые несли в своих руках нимфы. У пылавшего камина стояло мягкое кресло с высокой спинкой. В первый момент я подумал, что оно пусто, так неподвижен был сидящий в нем человек. Но, приглядевшись, я увидел старого худощавого господина в бархатном халате и феске с длинной кисточкой. Мне сразу бросился в глаза его чеканный профиль с орлиным посом и волевой складкой между бровей. Мужчина сидел в глубокой задумчивости, устремив свой взгляд в огонь. Его белые руки с длинными тонкими пальцами устало и безвольно лежали на подлокотнике кресла.

– Вы кто? – спросил я удивленно, садясь на кровать.

Господин безмолвствовал.

– Вы хозяин этого дома? – продолжал я допытываться.

Было похоже, что мужчина не слышит меня.

«Может быть, он глухой, – подумал я. – Но откуда он вдруг взялся?»

Поднявшись с кровати, я подошел к старому господину и, чтобы обратить на себя внимание, решил дотронуться до его плеча, но мои пальцы прошли и сквозь его руку, и сквозь кресло, оказавшееся, как и он сам, видением. А между тем, я хорошо различал

черты лица этого человека – твердый подбородок, строго сдвинутые брови, опущенные уголки рта.

Я повернул голову в сторону часов. Они шли. Маятник покачивался, а стрелки показывали четверть второго.

Наконец, мужчина пошевелился. Наклонившись, он взял щипцы и помешал в камине. Затем, откинувшись назад, он снова застыл, в задумчивости глядя в огонь.

По затылку у меня поползли мурашки и я, попятившись, так плюхнулся на кровать, что она жалобно задребезжала.

Вдруг он поднялся и пошел в мою сторону. У меня даже дух захватило. Стыдно признаться, но я от страху перекрестил его, надеясь, что он исчезнет. Но старый художник, а это был наверняка он, продолжал приближаться. Чуть не коснувшись моих ног, он прошел мимо, остановился у стены и, постучав ногтем по стеклу барометра, вернулся назад и сел в кресло.

Дальше я ничего не помню. Какой-то могучий сон свалил меня. Утром я проснулся с мыслью, что в прошлую ночь мне приснилось что-то очень страшное и чудное. И я даже сам поверил, что это было только сновидение. День выдался ясный и я, забыв о происшествии, до самой темноты писал этюды. Вечер прошел спокойно – я читал и слушал по транзистору музыку. А в двенадцать без приключений завалился спать.

Ночью я проснулся словно от толчка. Открыв глаза, увидел себя опять в другой обстановке. Другая мебель, другие картины. Около окна, занавешенного вышитой шторой, теперь стоял овальный стол. На нем настольная лампа с красивым абажуром. А возле стола – пожилая, но еще очень привлекательная дама. Перед ней лежал альбом с фотографиями. Медленно переворачивая страницы, она пристально вглядывалась в знакомые лица, ласково касаясь их красивой тонкой рукой. Неожиданно вскочив, словно вспомнив о чем-то, она поспешно вышла из комнаты, но очень скоро вернулась, неся в руках чайник.

Приподнявшись на локте, я с любопытством смотрел, как она пила чай с вареньем, как мыла и вытирала чашку, поливала цветы. Правда, в ее действиях не было ничего примечательного, просто я, как в кино, смотрел историю чьей-то жизни, частично прожитую в этой комнате. Я был уже уверен, что все, что я вижу, когда-то происходило здесь. Ведь говорят же, что ничего не исчезает бесследно. Наверное, этой женщины уже нет в живых, а ее жизнь, материализовавшись, продолжала существовать...

Закончился этот вечер забавным казусом, несколько смутившим меня, хотя я уже давно не был целомудрен.

Напившись чаю, дама, готовясь ко сну, стала раздеваться. И хотя она не могла из своего прошлого видеть меня, я немного смутился, увидев ее обнаженное тело. Мне показалось, будто я подглядываю за ней в замочную скважину. Но самым смешным и целепым оказалось то, что кровать ее стояла в том же месте, что и моя. И она, откинув одеяло, как бы вошла в мою плоть. Тело ее казалось вполне материальным, так что я, на мгновение забыв, что она из тонкого мира, отпрянул к стене и чуть не свалился с кровати.

Протянув руку, дама зажгла ночник и, устроившись поудобнее, раскрыла книгу. Я не знал, что мне делать. Физически я ее не ощущал, но мне было как-то неприятно, что от меня тянулись женские руки, а перед лицом колыхалась женская грудь.

Пройдя сквозь даму, я наклонился и, достав свечу, зажег ее. В тот же момент вся обстановка вместе с дамой исчезли. Решив пожертвовать свечой ради своего душевного комфорта, я не стал гасить ее, и уснул в одиночестве.

На третью ночь я оказался квартирантом молодой супружеской пары, которая постоянно ссорилась. Кто из них был прав, а кто виноват, я сначала понять не мог, так как разговоров их не слышал.

Я думал, что смотрю это немое кино в первый и последний раз, а завтра увижу что-то другое. Но на мое удивление, они стали являться мне каждую ночь. Постепенно я стал присматриваться к их артикуляции и жестам и скоро понял, что муж обвиняет и упрекает жену за измену, а она оправдывается. Потом роли их изменились. В ее руках я увидел какое-то письмо, которым она махала перед лицом мужа, что-то беззвучно выкрикивая. Он был явно смущен и не нашел ничего лучшего, как превратить все это в шутку. Он упал на колени и с трагическим видом – точно немое кино, стал бить себя в грудь и метаться. Она засмеялась и, видимо, простила его, так как все закончилось обоюдными ласками. Присутствовать при этом мне тоже было не очень удобно, но деться было некуда. И так все повторялось каждую ночь и порядком мне надоело. Я уже стал понимать по их губам, что они говорят, и иной раз вставлял в их разговор свои замечания, пытаюсь их как-то образумить, забывая о том, что я для них невидимка.

Незадолго до моего отъезда произошло нечто ужасное. Как-то вечером женщина вбежала в комнату, прижимая руки к груди. Из-под ее пальцев текла кровь. Дойдя до дивана, она покачнулась, и упала на него. Немного погодя в комнату ворвался перепуганный муж и, кинувшись к жене, стал трясти ее за плечи. По щекам у него текли слезы. Глядя ее голову, он стал что-то ласково говорить ей, но, взглянув в лицо и поняв, что она мертва, отпрянул, выпустив ее из рук. Поднявшись, в растерянности заметался по комнате, хватая то одну вещь, то другую. Оглянувшись вокруг, схватил со стола скатерть и принялся пеленать в нее жену. Потом, взвалив ее на плечо, выбежал из комнаты. В эту ночь я их больше не видел, но на следующую и еще три ночи подряд все повторялось в той же последовательности. Надо было срочно уезжать. Несмотря на крепкие нервы, я чувствовал, что долго не продержусь. Вид кровавой драмы был не для меня. Но, несмотря на это решение, я почему-то оставался там и продолжал наблюдать. Наконец, не выдержав, я однажды последовал за мужем, когда он в очередной раз куда-то нес свою жертву. Выйдя в коридор, он подошел к низенькой двери под лестницей, которую я прежде как-то не замечал, и, сняв замок, поспешно открыл ее. За дверью была кладовка. Сбросив жену на пол, мужчина ухватился за кольцо подпола и, подняв крышку, спустился туда вместе со своим ужасным

грузом. Я вновь последовал за ним. При свете карманного фонарика муж принялся торопливо рыть яму. Верхний слой был утрамбован, и он с трудом отковыривал куски земли. Потом работа пошла быстрее.

Вырыв неглубокую, но длинную яму, он положил в нее тело жены и быстро забросал землей. Долго утрамбовывал ногами и, наконец, сдвинув какой-то тяжелый ларь, окончательно закрыл им следы своего преступления.

Подхватив трясушимися руками лопату, он вышел в сад. Я следовал за ним, как тень. Побродив под деревьями, он подошел к реке и, широко размахнувшись, бросил на ее середину лопату. Вернувшись домой, напился до бесчувствия и, свалившись со стула, уснул под столом.

В следующую ночь он метался, словно зверь, хватаясь за голову и рыдал. Долго что-то искал. Найдя, кинулся к двери. Я не успел заметить, что у него в руках, но инстинктивно догадался и вновь пошел за ним.

Взяв в кухне табурет, он выскользнул из дома и, воровато пригибаясь, побежал к сараю. Светила луна и весь сал белел в яблоневом цвету. Встуду на траве и на земле, словно хлопья снега, лежали розоватые лепестки.

Через открытую дверь сарая я видел, как он, встав на табуретку, перекинул через стропила веревку и, надев ее на шею, оттолкнулся от опоры.

Первым моим побуждением, еще до того, как он надел на себя петлю, было предотвратить эту трагедию. Но я остановился, вспомнив, что смотрю кадры из прошлого.

Потрясенный увиденным, я медленно вернулся в комнату. Проще всего было скрыться отсюда с первым же поездом, оставив все, как есть. Но меня почему-то мучила мысль о женщине, до сих пор лежащей в погребке. Я не знал, что мне делать. Сообщить о случившемся в милицию? Но не мог же я им рассказывать о привидениях? Разве бы они мне поверили? А как иначе объяснить мою осведомленность? Подума-

ют еще, что я сам был причастен к убийству. Но в том, что женщина действительно находится в подполе, у меня не было сомнений. И я выбрал единственно правильное решение – похоронить ее самому, без всяких свидетелей. Место было тихое, безлюдное. Можно было не опасаться, что меня кто-то увидит.

Захватив туристский фонарь, я спустился днем в подпол. Сразу увидел уже знакомый мне оцинкованный ларь. Был он объемист и так тяжел, что я немало попотел, пока сдвинул его с места.

Найдя в сарае старую лопату, я принялся за дело. Не прошло и получаса, как я выкопал тело несчастной женщины. Признаться, я боялся, что труп давно разложился и мне придется собирать его по частям, задыхаясь от трупного запаха. Но то ли в подполе было достаточно прохладно, то ли цинковый ящик послужил хорошей герметизацией, все обошлось благополучно.

Вырыв под старой яблоней могилу, я похоронил женщину, которую видел только в материализованной информации ее прошлой жизни.

Со странным чувством покидал я дом над рекой, в котором случайно стал свидетелем давно минувших дней.

Светлана Александровна Беляева, дочь писателя-фантаста А. Р. Беляева, родилась в Ленинграде в 1929 г. В 1938 семья переехала в город Пушкин, где в 1941 оказалась в оккупации.

В феврале 1942 г., через месяц после смерти отца, умершего с голоду, была немцами вывезена вместе с матерью и бабушкой в Западную Пруссию в лагерь для перемещенных лиц. Затем было еще 4 лагеря: в Западной Пруссии, Померании и Австрии. В 1945 г. из Австрии была направлена органами НКВД в ссылку в Алтайский край, где пробыла 11 лет.

За 35 лет трудовой деятельности сменила массу профессий. Была токарем-расточником, учетчицей, контролером ОТК, фотолаборантом, копировщицей, техником отдела информации. Закончила работу в возрасте 55 лет в должности инженера.

Воспоминания и очерки об отце публиковались в сборниках «Фантастика – 84», «Синяя дорога», книге отца «Последний человек из Атлантиды», в журналах «Уральский следопыт», «Терминатор», «Нева», рассказы и стихи в сборниках «Соцветие лилии» и «Отражение», в журнале «Искорка», газетах «Вперед», «Дети и Мы», «Русский инвалид».

Там-сям издат

Борис Завгородний, Сергей Зайцев.
Рось квадратная, изначальная. – Волгоград: Станица-2, 2000.

Есть два вида книг из числа полуфабрикатов-однодневок, в изобилии выпекаемых нынешними издательствами. Первый: те, что пишутся быстро и с удовольствием, получаемым от процесса. Второй: пишутся быстро, но мучительно – просто потому, что авторам хочется почувствовать себя писателями. Книги второго вида читать вообще невозможно. Книга мега-фэна Завгороднего и вынужденного фантаста и переселенца из Киргизии Сергея Зайцева, слава Смотрищскому, относится к первому.

Издания тиражом 200 экз., повесть, по сути, представляет собой сувенир для костяка постсоветской фэн-тусовки, завсегдатаев копов и чатов, кото-

рые обязательно простят тексту длинноты, невзыскательную стилистику, стандартный набор реалий, образов и сюжетных ходов. С другой стороны, матерые фэны вряд ли сподобятся оценить небезынтересную конструкцию очередного посткатастрофического мира, перманентно и непредсказуемо, то так, то сак разъединяющего и сопрягающего фрагменты, на которые этот мир почему-то оказался разделенным. Стены, тундры, пустыни, океанические архипелаги, горные хребты ежесуточно перемещиваются, как в калейдоскопе, и чтобы максимально быстро прибить из пункта «А» в пункт «Б» (фабула повести) приходится метаться по всему алфавиту, руководствуясь безумной логикой безумной географии.

Придумка могла бы стать главной изюминкой книги, но искушенный фэн обречен вылавливать из тарелки ино-

го рода деликатесы. Потому что посткатастрофический мир населен, похоже, одними лишь потомками фэнов фантастики. Торжища-ярмарки у них называются конами, верстовые столбы имеют вид двуликих божеств, именуемых одами, а школы боевых единоборств именуются «Гром», «Ладыга» и «Головач». Содержатся в «Роси квадратной...» и толстые памеки на степень одаренности нынешних пишущих фантастику авторов. Так что полтора часа восторженного визга и клеткота читательно-фэну творение Завгороднего и Зайцева обесщечит.

Причины и механизм загадочного планетарного калейдоскопа будут объяснены в двух последующих повестях, которые появятся «очень скоро», как заявлено в послесловии.

Игорь ЛЕГКОВ

МЕДНОЙ ГОРЫ АЭЛИТА

Восполняем упущение, допущенное редакцией в 1999 г. и, полноты фэновских архивов ради, публикуем репортаж с прошлогодней екатеринбургской конвенции.

Представление, разыгранное на «Аэлите» в минувшем году, сильно отличалось от исключительно официального вручения премий посреди книжной ярмарки позапрошлого года. Церемония вручения проходила на этот раз в Камерном театре, а потому были и декорации, и актеры. Дело в том, что в 1999-м «Аэлита» проходила под знаменем столетнего юбилея Павла Бажова. Естественно, на сцене присутствовало соответствующее оформление: изумрудная зелень малахитовых палат, уральские кампессы, почему-то перекавалифицировавшиеся в писателей. Хозяйка Медной горы вручала призы тем «молодым да удалым» авторам фантастики, на которых «положила в этом году глаз». Впрочем, вручать приз должен был мэтр отечественной фантастики Кир Булычев, но, увидев Хозяйку, мэтр сказал: «Давайте не будем обижать молодежь, получать награду из рук такой красивой девушки гораздо приятнее, чем из рук старика». Не знаю, это уж кому как! Так что «не повезло» только Лукьяненко, который и получил свой приз из рук «старика». Присуждение приза Сергею Лукьяненко (оказавшемуся самым молодым лауреатом «Аэлиты» за всю ее шестнадцатилетнюю историю) стало следствием происшедшего в 1998 г. изменения (читай — омоложения) состава членов жюри фестиваля.

Приз им. И. Ефремова получил Александр Викторович Сидорович — за пропаганду фантастики, вернее — за организацию фестиваля «Интерпрессекон»; «Старт» — Андрей Вячеславович Плеханов; приз им В. Бугрова — Евгений Викторович Харитонов, библиограф и критик.

На церемонии вручения «Аэлиты — 99» слово взяла Наталья Григорьевна Бугрова. Она рассказала одну забавную историю.

— Мы шли с Виталием по Свердловску и обсуждали новую премию. «Будет прекрасная премия — «Старт», — мечтали мы. — Мы же эту премию можем дать кому угодно — начинающему читателю, например. Вот сейчас первого встречного спросим, читает ли он фантастику. Если он ответит «Да» — вручим ему премию «Старт». Вдруг на углу улиц Белинского и Декабристов подходит к нам некий молодой человек и спрашивает, как пройти к редакции «Уральского следопыта». Я Виталию и говорю: «Вот ему и дадим этот приз!» Этим молодым человеком оказался Сергей Лукьяненко!

Наталья Григорьевна обратилась к жюри фестиваля с предложением переименовать премию Бугрова в совместную премию Бугрова и Халымбаджи. Она сказала, что по жизни эти два человека шли вместе. Где Бугров, там и Халымбаджа. Но жюри заявило, что вместо совместной премии можно учредить новую премию им. Халымбаджи — для фэна, и обещало обсудить этот вопрос.

Вручение прошло отлично, лауреаты получали свои премии от Хозяйки, произносили благодарственные слова. После вручения фэны, естественно, столпились около Кира Булычева для получения автографов. Если в 1998-м году лауреат (Евгений Гуляковский) скучал в сторонке со своей «Аэлитой», стоявшей под стулом, то нынче, несмотря на присутствие Кира Булычева, за

Лукьяненко тоже ходила толпа фэнов. Хотя толпа эта и отличалась размерами от булычевской, пышущий лауреат не был обделен вниманием. После вручения состоялась традиционная пресс-конференция с лауреатами фестиваля.

Первый и, судя по всему, традиционный вопрос лауреату «Аэлиты»:

— *Что значит для вас «Аэлита»?*

Сергей Лукьяненко:

— Очень много значит. Я надеюсь, что присутствующий здесь Александр Сидорович на меня не обидится, я получал призы и от «Интерпрессекона», но «Аэлита» — для всех нас была самая первая, самая главная награда. «Аэлита» — это очень много значит. Когда-то я просто слышал, что существует такой фестиваль фантастики. Сначала я просто читал «Уральский следопыт» — это был потрясающий журнал, который так много места уделял фантастике, печатал многих авторов, для меня неизвестных, незнакомых. Потом я приехал и сам опубликовался в «Уральском следопыте». Этот журнал дал мне первую путевку в писательскую жизнь, направив на семинар писателей-фантастов. Это очень много тогда значило. Я получил приз «Старт», а теперь — «Аэлиту».

Вопрос Александру Сидоровичу:

— *Чем «Интерпрессекон» отличается от «Аэлиты»?*

— Они просто разные. «Интерпрессекон» создавался для профессионалов: издателей, писателей и критиков. Что касается награды, то участники фестиваля тайным голосованием определяют победителя, и ему вручается приз. Но постепенно ездившие туда фэны стали профессионалами. Эта конференция — встреча старых друзей. В этом году (1999-м — ред.) она будет проходить в десятый раз. Есть там еще премия «Бронзовая улитка». Она уже недемократичная, вручает ее Борис Натанович Стругацкий — своим собственным решением, кому хочу — тому даю. Борис Натанович вручает ее сам. Как участник и как организатор.

— *Можно ли приехать на ваш фестиваль, не заплатив оргвзнос?*

Сергей Лукьяненко:

— Мне тоже интересно — я присоединяюсь к вопросу!

Александр Сидорович:

— Вообще таких желающих очень много. Сейчас с этим стало еще сложнее. Проведя конференцию, обнаружить в своем кармане убыток в тысячу долларов, не совсем приятная вещь. Последняя конференция встала мне в тысячу долларов, предпоследняя — окупилась себя, а конференция три года назад обошлась в две тысячи. С другой стороны, если вы приедете и будете жить у знакомых, где-то на квартире, приезжать каждый день на кон и уезжать вечером обратно, и питаться самостоятельно — то пожалуйста. Есть и такие фэны, мы их не гоним. Я пускаю фэнов, приезжающих издалека, но я их не селю и они не питаются. Хотелось бы, чтобы таких было меньше.

Снова вопрос Лукьяненко:

— Скажите, вы хотели бы жить в мире «Полдня» Стругацких? Это вопрос по поводу вашей книги «Звездная тень» и мира Геометров.

— Я, конечно, хотел бы жить в мире «Полдня». Это чудный мир, где живут умные добрые люди, которые любят свою работу. Это хороший мир, просто я не уверен, что он может существовать. Когда я писал «Звездную тень», мне нужно было отпустить героя в мир, который был бы абсолютно добрым по форме, но абсолютно жестоким и беспощадным по содержанию. Я стал описывать этот мир, и оказалось, что внешне он походил на модель, созданную братьями Стругацкими, и поделаться с этим ничего было нельзя. Когда я стал делать его более функционирующим, оказалось, что мир этот — не самый приятный для жизни в нем. Именно поэтому герой позволил себе разрушить этот мир. Это не было сознательной полемикой со Стругацкими, это просто стало совпадением. В романе «Звезды — холодные игрушки» было три плана — свобода-несвобода личности, свобода-несвобода страны (в том контексте — планеты) и свобода-несвобода конгломерата цивилизаций. То есть вся эта полемика имеет один результат — мир этот внешне очень красивый и хороший, но когда пытаешься его претворить в жизнь, он оказывается нереальным. Так что, на самом деле мир «Полдня» — это сказка.

— Вы провалили писать нефантастику?

— Я не пишу нефантастику. Я не вижу в этом необходимости. Фантастический элемент позволяет сделать произведение более рельефным — выстроить сюжет, увлечь читателя. Зачем отказываться от этого фантастического элемента только для того, чтобы гордо сказать: «Я — не фантаст, я пишу прозу».

— Не хотите ли вы привлечь к своему творчеству и других читателей, которые не читают фантастику?

— На самом деле у нас довольно часто происходят приемы в общество любителей фантастики. Они обычно происходят ночью при Луне. Принимаемый должен вымыть руки и высушить их на ветру навстречу восходящей Луне, после этого он вступает в это общество. Так что мы не закрытое общество.

— Но ведь вас читает одна и та же публика.

— У любой писательской группы своя публика.

— У вас книги очень динамичные, действия много. Вы не думали о том, чтобы снять по ним фильм, сериал?

— Это постоянно предлагается. Кто-нибудь загораются, говорят: «У меня связи есть!» Однажды я получаю письмо от какого-то русского эмигранта. Он пишет: «Я прочитал ваш роман, сейчас я за неделю сделаю сценарий,

у меня завязки с продюсерами, со Спилбергом я регулярно кофе пью». Я отвечаю — прекрасно, делайте, я поделюсь, чем надо, финансово. И все это исчезает. Недавно было предложение — почему бы не снять телесериал по «Ночному дозору»? Мистический сериал, достаточно малобюджетный. Я могу сделать сценарий, серию сценариев, могу сыграть. Но пока никаких реальных предложений не было. Вот когда я подпишу договор и мне выплатят огромную сумму, настолько огромную, что я подумаю: «Ага, они теперь от жадности снимут!», тогда я скажу: фильм будет. Пока же все остается на уровне разговоров.

— Есть у вас любимые фильмы или сериалы, наши или зарубежные? Вот как вы к «Лекссу», например, относитесь?

— Первые четыре серии я посмотрел с удовольствием, потому что там были взяты все штампы: и вечный диктатор, который переходит из тела в тело, но при этом со своими старыми мозгами разговаривает, и злодейка-людоедка... Все это вывалили в один чан и хорошенько размешали. Но это так, развлекаловка. Из серьезных — «Чужой». Пожалуй, первый больше понравился, хотя и «Чужие» тоже очень хороший фильм. Мне понравился «Терминатор»... Видите, у меня очень племейские вкусы. Не очень понравились мне «Сияние» и «Одиссея 2001». Это о зарубежных. Из российских — «Кин-дза-дза», хотя я не могу сказать, что это фантастика. Это просто великий фильм. Фильмы Ричарда Викторова «Москва-Кассиопея», «Отроки во Вселенной», «Через тернии к звездам». Тарковский, разумеется — «Сталкер» и «Солярис». Я понимаю, что в них очень мало общего с первоисточниками, но мне повезло — я ухитряюсь любить и книги, и фильмы. «Пикник на обочине» и «Сталкер», на мой взгляд, два совершенно разноплановых явления, что не мешает им быть хорошими по-своему. Наша кинофантастика могла бы развиваться и существовать, у нас прекрасные режиссеры, прекрасные операторы, прекрасные актеры. Технические спецэффекты... Если дать хотя бы четверть того бюджета, который отпущен на съемку среднего западного фантастического фильма, у нас бы сняли не хуже. При том условии, что это будет делать энтузиаст, фанатик своего дела, а не такой, который выбьет на фильм кучу денег, разворует их изрядно, а потом на остаток что-то снимет.

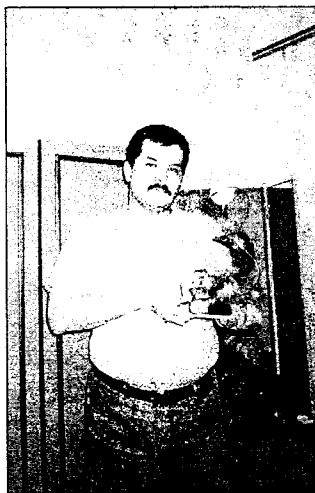
Евгений Харитонов:

— Укрепилось представление, что фантастика — это антураж, штамп: звездолет, сияющие двери кабин, роботы. Что люди — не главное, психология — не главное. Тарковский не любил фантастику, но, поразительно, он понял, что главное в фантастике — то же, что и во всем остальном искусстве: человек. Фантастика не должна выглядеть фантастично на экране, она должна быть гармоничной.

Снова вопрос Лукьяненко:

— Вы делали свои романы «Линия грез» и «Императоры иллюзий» по компьютерной игре. Как возникла эта идея?

— Я просто очень люблю компьютерные игры. Стратегические, «Герои меча и магии», стрелялки. Это один из моих любимых методов развлечения и отдыха. Как писались романы «Линия грез», «Императоры иллюзий»? Я как-то очень долго сидел, играл, у меня был творческий кризис — несколько месяцев, полгода, не шла работа. Потом я понял, что меня игра затягивает, что я, как идиот, утром вскакиваю, сажусь за компьютер, до вечера пере-

щую корабли, развивая на планетах экономику... Это звучит очень красиво, но на самом деле игра очень примитивно сделана. Там какие-то точки, кружочки двигаются. Старая игра. У меня, когда я играл, за всем этим вставляли какие-то образы, сюжет. Это кончилось тем, что я стал писать фантастический роман, где использовал название планет и рас, которые были использованы в игре «Master of Orion». Я описывал эту вселенную, которая вставала у меня перед глазами, когда я играл. В игре, конечно сюжета нет. Разумеется, когда я закончил писать роман, а я пишу на компьютере, можно было поменять названия рас, планет и никто бы в жизни не догадался, что роман имеет какое-то отношение к этой игре. Но я не считал нужным этого делать, потому что игра очень хорошая, интересная, она мне нравилась. Я знаю, что те, кто играл в эту игру, прочитав книгу, получают дополнительное удовольствие, они тоже будут мысленно переживать происходящее. А тем, кто не играл, абсолютно все равно как называется раса — Булрати или Кейрати. Сочетание букв может быть любое.

Вопрос Владиславу Крапивину:

— Труднее или легче стало жить писателю в плане цензуры?

— Жить стало с одной стороны легче — не надо оглядываться, не написал ли ты чего неугодного партии в своей философии, в мировоззрении, в мироощущении. С другой стороны, стало труднее, потому что сейчас размыт противник. Раньше было все четко. Враг — это тот режим, что давит человека, а сейчас шут его знает, с кем полемизировать и воевать. Сейчас стало сложнее материально. Тогда была главная задача — написать книгу, дальше все шло само — ты печатаешься, получаешь гонорар и так далее. Теперь написать легко, гораздо труднее напечатать. Появилась другая трудность — можно написать, издать, но трудно получить гонорар, выбить из издательства деньги. Сейчас можно писать фантастическую книгу на тему, как автор написал, напечатал и тут же получил гонорар — это фантастика. Надо, наверное, говорить о каждой конкретной книге.

— Сейчас вы что-то пишете?

— Да, пишу, повести нефантастические. Что-то похожее на школьный детектив. Еще пишу большой роман «Поляны, где пляшут скворечники».

Разговор незаметно перешел на политические проблемы, в том числе на тему Югославского конфликта. Оказалось, что проблемы мировой политики очень трогают российских фантастов, и полемика на политическую тему продолжалась довольно долго. Тем более, что к присутствующим присоединился Кир Булычев, историк по образованию. Дискуссия была живой и насыщенной, но мы не считаем необходимым приводить ее здесь, поскольку ее тематика к фантастике не относится.

Вопрос Киру Булычеву:

— Вы сейчас что-нибудь пишете об Алисе?

— Да, конечно. Но вы ведь сами знаете, что «Двадцать лет спустя» всегда слабее «Трех мушкетеров». Естественно, умный человек старается уйти от этого. С Алисой я постоянно стараюсь находить какие-то новые шаги.

— А «Река Хронос»?

— «Река Хронос» — это моя светлая надежда. Знаете, идет игра, что случится раньше — я умру или она напишется? Я сам с собой играл в морской бой. Я ведь не только фантастику пишу. Я еще работаю над сборником «Должностные знаки России».

— Как вы считаете, произошло ли переосмысление произведений Ефремова?

— Я не могу ответить на ваш вопрос, поскольку все мои переосмысления произошли уже давно. Я уже много лет довольно трезво смотрю на наших идолов. Раз сейчас встал вопрос переосмысления, я бы обратил ваше внимание на посмертную книжку замечательного критика Севы Ревича, которая вышла недавно в Москве и называется «Перекрестки утопий». В ней он очень серьезно — и очень давно, поскольку никто об этом еще не говорил, — дал оценку А. Беляеву, Толстому, он посмотрел на кумиров трезвыми глазами, без какой-то истерики, спокойно. Переосмысление есть, будет, и я не вижу в этом трагедии. Тем более, что пришло уже поколение читателей, которые очень туманно помнят «Аэлиту» Толстого и совсем не знают Беляева, это неизбежно. Неизбежно, но жаль. Все, в конце концов, занимает свои места. Знаете, раньше мы говорили: вот наступит время, будет свобода, будет печататься масса фантастических журналов и будем мы печатать книжки каждый день по 10 штук. Никто из нас не просек одной вещи: когда открылись ворота, в нее вошла американская массовая литература, вошел медведь и сел на теремке. Но ведь, смотрите, маятник-то живой, он двигается.

Во-первых, начали появляться некие симбиозы — появилось русское фэнтези, явление, которого не было совершенно. Богатырь Вася для нас сегодня уже обычен. Я считаю, что медведь вошел и сел, но рядышком с ним начали подрастать наши медвежата другого цвета. Я считаю, что любые явления полезны. Вот смотрите, «Аэлита» два года назад для меня представляла собой прискорбное зрелище. Нищая «Аэлита», которую проводят где-то в углу книжной ярмарки. Сегодня «Аэлита» хорошая, мне нравится. Нынешняя «Аэлита» — уже явно выдоравливающий человек.

— Вы можете спрогнозировать будущее?

— Нет! Я считаю, что фантаст пишет о сегодняшнем дне. Я не имею в виду фэнтези, я имею в виду «хард сайенс фикшн». Вообще фантаст не должен заниматься прогнозированием, он пишет о том, что нам грозит, куда мы идем. Фантастика — это наиболее актуальный вид творчества, вид литературы.

— Ну, и что нам грозит?

— Тут каждый индивидуально пишет, как он чувствует. Он как бы разговаривает со своим читателем, пытается ответить на его тревоги. Но любая попытка спрогнозировать мир будущего, по-моему, некорректна. Потому что не только футурологи не могут это сделать, этого даже гадалки не могут сделать.

— Вы же историк...

— Да, по-моему, историческая литература и фантастическая литература — это два вида литературы, которые очень близки друг другу. И та и другая имеют дело с максимально реальными персонажами на фоне вымышленного антуража. И историческая литература должна строиться по принципу: может возникнуть соперничество героям или нет. Если я буду описывать семнадцатый век с помощью реалий семнадцатого века — вы читать не будете, я и сам не буду читать. Поэтому Алексей Толстой описывает Петра Первого, как современника, и та историческая литература, которая нам интересна — она современна. А фантастическая литература — то же самое, но с обратным знаком.

Вопрос Владиславу Крапивину:

— У вас нет произведений об альтернативной реальности, хоть она сейчас популярна.

— А я не писал таких произведений, поэтому и нет.

Кир Булычев:

— С другой стороны, вся крапивинская работа может быть отнесена к альтернативной реальности.

Владислав Крапивин:

— Я пишу, как мне Бог на душу положит, а относить результат к альтернативной истории или нет — это дело критиков.

Кир Булычев:

— Знаете, у меня было два типа режиссеров. Ричард Викторов каждый вечер садился и думал: «А что мы этим хотим сказать зрителю?» И Данелия, которого я, как ученик Викторова, спросил: «А что мы хотим этим сказать?» Он ответил: «А это дело критиков, это нас не касается!»

Владислав Крапивин:

— У меня вчера хватило сил прочитать теоретическую статью, опубликованную после моей повести в журнале «Если». Сколько я про себя нового и интересного узнал! Не в том смысле, что отрицательного — положительного много узнал! Когда теоретик про тебя говорит, все по полочкам раскладывает — сам в своих глазах значительно становишься

Евгений Харитонов:

— В 70-е — 80-е годы выходило мало самой фантастики, зато появлялись статьи, где говорилось о перспективах этого жанра. Исследования, критика. Сейчас, когда книг выходит много, не стало фантастиковедения и библиографии, в которой особенно появилась необходимость! Особенно сейчас возникла нужда в рекомендательной библиографии — то, что раньше мы считали глупостью. Диссертации защищаются, но скорее из конъюнктурных соображений. Критика существует, но это трудно назвать критикой. Рецензии писал Белинский. Теперь рецензий как таковых нет. Все, что пишет «Если», — популярное библиоведение. Вообще журналов,

пишущих о фантастике, стало меньше — «Книжное обозрение» и журнал «Библиография», про «Следопыт» я не говорю. Беда современной новой критики — она занимается тем, чем критика не должна заниматься: учит писателей писать. Критики не должны этим заниматься.

Вопрос Лукьяненко:

— **Как вы пишете с соавторами?**

— Я писал вдвоем с Ником Перумовым и с Юлием Буркиным, каждый раз это было по-разному. С Юлием мы сделали подробный план — что хотим написать, потом разобрали главы, какая кому была более интересна, написали, слили воедино. Все это сопровождалось веселыми встречами, задорной музыкой, плясками иногда. С Ником Перумовым нас поджимали сроки, поэтому все было несколько иначе. Мы просто мрачно сели в одной комнате спиной к спине, я за компьютером, а Ник — за ноутбуком, и с утра до вечера писали. Вечером Ник ложился спать у нас на кухне на матрасике. В связи с этим случился замечательный анекдот. Я надеюсь, Ник не будет в обиде, если я его расскажу. Моя жена приходит на работу, заводит с кем-то разговор о фантастике. Ее спрашивают: «А вы знаете такого писателя — Ника Перумова?» На что она, пожимая плечами, отвечает: «Да знаю, он у нас на кухне живет, спит под табуреткой». После чего этот человек на нее косо посмотрел и отошел. На самом деле у меня настоящего писательского опыта не было, как, например, у братьев Стругацких. Все, что мы писали, было как бури-ме, когда каждый писал свой кусок текста, а потом уже куски текста взаимно обрабатывались, сливались, получался единый текст. Где-то видны шероховатости этой склейки, где-то нет.

Надежда МАРКАЛОВА

Блуждающая маска

Что киногод грядущий нам готовит, или Сиквелы атакуют!

«Юрский парк 3» (реж. Джо Джонстон). По словам единственного актера, снявшегося в обеих первых частях, по сюжету фильм стоит между первым «Юрским парком» и его второй частью (картина «Затерянный мир»).

«Джуманджи-2» (реж. Кен Ральстон). Американская супружеская чета переезжает в Париж, где их детишки находят странную настольную игру... Как и режиссер первой части (Джо Джонстон), Кен Ральстон начинал свою карьеру в кино как художник по спецэффектам на съемках лукасовских «Звездных войн». Так что спецэффектов будет здесь предостаточно.

«Люди в черном-2» (реж. Барри Зонненфелд). Уиллу Смит так отчаянно будет нужна помощь, что его отправят на поиски Томми Ли Джонса с заданием восстановить его память и вернуть на работу. Далее последуют головокружительные погони за инопланетянами.

«Мумия возвращается» (реж. Стивен Соммерс). Первый фильм смотрелся неплохо, хотя был откровенно второсортным. А смотрелся он хорошо именно потому, что и не претендовал на что-то большее, чем просто развлечь

зрителя. И зритель развлекался. Будем надеяться, что мумия развлечет нас еще раз.

«Индиана Джонс-4» (реж. Стивен Спилберг). Харрисон Форд считает, что в свои 58 все еще может сыграть бравого археолога, охотника за старинными редкостями и любителя приключений.

«Матрица-2» (реж. Энди и Ларри Вачевски). Самый шумевший фильм прошлого года, мгновенно ставший классикой, изначально задумывался, как трилогия. Поэтому все актеры сразу подписали контракт на три картины, так что нас ждут еще две встречи с Нео, Тринити, Морфеем и зловещими агентами Матрицы.

«Звездные войны-2». Джордж Лукас, наконец, нашел актера на роль взрослого Анакина Скайуокера. Им стал канадец Хайден Кристиensen. Сложность подбора актера заключалась в том, что он должен был походить одновременно на Джека Ллойда и Себастьяна Шоу, сыгравших, соответственно, маленького и старого Анакина.

«Блейд-2» (реж. Гиллермо дель Торро) «Правильный» вампир Блейд путешествует в прошлое. Вернувшись в свое время, он вдруг обнаруживает, что сделал что-то такое, что изменило ход событий предыдущей серии, и Земля захвачена вампирами. Блейд вынуж-

ден исправлять свою ошибку и повторно спасать мир.

«Супермен жив». Говорят, со всеми актерами, когда-либо сыгравшими роль Супермена, происходят несчастия. Джордж Ривс, исполнитель роли Супермена в известном телесериале пятидесятых, покончил с собой. Кристофер Рив, игравший эту роль в кино, в 1995 году упал с лошади на скачках по пересеченной местности и повредил позвоночник. Теперь он парализован и у него практически нет шансов снова встать с инвалидного кресла. Подобную травму в свое время получила и Маргот Киддер, исполнительница роли Лоис Лейн, возлюбленной Супермена, но ей повезло гораздо больше. После происшествия с Ривом Дин Кейн, исполнитель роли молодого Супермена в телесериале «Лоис и Кларк», так испугался, что застраховал свою жизнь на очень кругленькую сумму. Поговаривают, что Кристофера Рива сменит Николас Кейдж, который, похоже, совсем не подвержен предрассудкам.

Нашумевший культовый проект, величайшая в истории кино мистификация «Ведьма из Блэра» тоже станет трилогией в ближайшие полтора года.

«Пятница, тринадцатое. Часть 10». В 2455 году на Старую Землю, отравленную токсичными отходами и всеми покинутую, прилетают люди. Не

жить, а изучать. Тут-то Джейсон и находит свои жертвы.

Также в производстве:

«Инопланетяне на диком, диком западе». Продолжение комедии «Дикий, дикий запад». «Звездный путь-10». Пока без названия.

Из оригинальных сюжетов, что появятся на наших экранах в ближайший год, стоит выделить следующие ленты. «Абсолютный ноль» (реж. Джеоф Мэрфи). Режиссер, снявший «Беглеца» (по произведению Роберта Шекли), «Тихую Землю», «Крепость-2», продолжает свою

работу в жанре фантастики. Фильм о том, как из-за неудавшегося эксперимента НАСА Земле грозит полное вымирание. «Косм» по роману Грегга Бенфорда. В ролях Дастин Хоффман и Анджела Бассет. «Игра Эндера». По одноименному роману Орсона Скотта Карда, отмеченному «Хьюго» и «Небьюлой». «Самозванец» по одноименному рассказу Филипа К. Дика. «Мексиканец в ониксе» по одноименному рассказу Харлана Эллисона с участием Сэмюэла Л. Джексона. «Десятая жертва», римейк (?) по одноименному про-

изведению Роберта Шекли. Среди авторов сценария указан Алекс Прояз, создатель культовых фильмов «Ворон» и «Город мрака». «Искусственный интеллект» (реж. Стивен Спилберг). Среди авторов сценария указан писатель Брайан Олдисс, а среди актеров Джуд Лоу («Гаттака») и «Талантливый мистер Рипли»). Король второсортных ужасов Джон Карпентер снимает «Призраков Марса». Это история колонистов на Красной планете, которых преследуют зловещные призраки.

Надежда МАРКАЛОВА.

Фантастика на СТС, или Два Бака Роджерса в XXV веке.

В этом году на канале СТС можно увидеть ставшие своеобразной классикой сериалы конца 70-х – начала 80-х. Это «Галактика» («Линкор «Галактика»» в другом переводе) и «Бак Роджерс в XXV веке».

Оба сериала – детища одного продюсера, Глена Ларсона. Он очень основательно подошел к производству обоих сериалов, но студия постоянно требовала снизить затраты на их производство. Тогда еще не было компьютерной графики, все съемки были либо натурные, либо использовались макеты, а это очень дорогостоящее производство. Например, одна серия «Галактики» стоила миллион долларов, тогда как популярные «мыльные» сериалы укладывались в десятую этой суммы. Тем не менее, Ларсену удалось снять 31 серию «Бака Роджерса» прежде чем проект закрыли.

Этот сериал – уже вторая телевизионная версия серии комиксов. Первая была запущена на экраны телеви-

зоров еще в 1939 году. Тогда Бака Роджерса играл легендарный Бастер Краббе, создавший образ бесшабашного космического рыцаря без страха и упрека. Люка Скайуокера, героя «Звездных войн», позже сравнивали с ним.

В 1936 году олимпийский чемпион по плаванию Бастер Краббе начал свою карьеру с Флэша Гордона – еще одного героя фантастического сериала о путешествиях в космосе. Этот сериал тогда был безумно популярен. Сразу после «Флэша Гордона» Краббе, даже не прослушивая, взяли на роль Бака Роджерса. И вот, 40 лет спустя Бастер Краббе появляется в «гостевой» роли в новом сериале. Специально для него в новую версию вставили несколько шуток, которые на западе называются «in-joke» (то есть шутка, понятная только хорошо осведомленным зрителям). Героя Бастера зовут Гордоном, что отсылает нас к «Флэшу», а кроме того, между героями Гила Джерарда и Краббе происходит такой разговор:

«Вы кто? – спрашивает Бак. – Я вас не знаю».

«Да, не знаешь, я из другой эпохи», – отвечает Гордон.

Он имел в виду эпоху черно-белого телевидения.

Когда Нил Армстронг ступил на Луну, Бастер думал, что это конец не только Бака Роджерса, но и всего жанра фантастики. Но он ошибался, космические достижения только подстегнули интерес зрителей к подобным сериалам. И вот сорок с лишним лет спустя он опять играет в сериале про Бака Роджерса, правда, уступив молодому Гилу Джерарду право играть главного героя.

Гил сам поклонник фантастики. «Я обожаю «Дюну» Фрэнка Херберта, – делится он. – Потом мне очень понравились «Звездные войны», именно потому, что там было что-то от «Дюны»».

Один из относительно новых сериалов, показанных на нашем телевидении, это «Война с реальностью». Это сериал о будущем, в котором царят новые технологии. Даже паркотик там не химический, а электронный. Сериал знаменителен только тем, что создал его легендарный капитан Керк из сериала «Звездный путь» – Уильям Шатнер. Он написал серию НФ-книг, по которым были выпущены комиксы. Позже книжная серия выросла в телесериал. Сам Шатнер изредка появляется в сериале в роли босса главного героя – Джейка Кардигана.

Говорят, Шатнер сам хотел играть Джейка, но потом отказался от этой затеи. И правильно сделал. Эта роль отлично подошла Грегу Эвигану.

Актерская карьера Грегга началась относительно рано. С восьми лет он начал заниматься пением. Когда ему стукнуло семнадцать, Грег дебютировал в роли Иисуса в мюзикле «Иисус Христос – суперзвезда» на Бродвее. Позже он пел в главной роли в «Бриолине». На его актерском счету несколько сериалов.

«Каждый день приходится работать со спецэффектами, – говорит Грег. – Мы постоянно переснимаем что-нибудь. Ты думаешь, что снял отличный дубль, и очень доволен своей работой, но потом приходит кто-нибудь из технического персонала и говорит: «Здесь так не пойдет, потому что не тот ракурс» или еще что-нибудь».

Я постоянно снимаюсь на зеленом фоне или делаю вид, что рядом со мной что-то происходит, когда ничего нет, или разговариваю с куском клейкой ленты, наклеенной там, где будут глаза компьютерного персонажа».

Надежда МАРКАЛОВА

(По материалам журналов «Старлог» и «Старбейз»)

«БЕЗ ВОЙНЫ ОНИ СКУЧАЮТ...»

(«Военные» страницы российской фантастики)

...Почти все они остались на задворках истории. Сегодня их можно найти разве что на страницах капитальных библиографий или на пыльных полках архивов. Мало кто избежал забвения. Что ж, вполне справедливо, выживает сильнейший. Участь халтуры заведомо предопределена. Но часто бывает так: халтура, как болезнь, принявшая тотальные формы, становится явлением, оказывающим влияние на определенные процессы.

...Они забыты. Но история не любит белых пятен. История литературы не исключение. Наш рассказ — об одной странице большой, нелегкой биографии отечественной фантастики. Быть может, это не лучшая ее страница, но она — и это уж наверняка — столь же интересна, важна и поучительна, как и многие другие.

Фантазии бывают светлыми и темными, меняются только оттенки. Фантазии о войне оттенков не имеют, они всегда окрашены однообразно-гнетущим цветом хаки. За многомиллионную историю нашей цивилизации понятия «человек» и «война» слились воедино, превратившись в синонимы. Поэтому нет ничего удивительного в том, что как минимум семьдесят процентов литературы и искусства милитаристично в своей основе. Общественно-политическое явление ВОЙНА автоматически оплодотворяет явление гуманитарное — ЛИТЕРАТУРА О ВОЙНЕ. И так, боюсь, будет еще очень долго. Что касается литературы фантастической, то она и в этой области образовала своего рода авангард.

В преддверии XX века, века НТР и «цивилизованного варварства» (по меткому выражению Жюль Верна), еще юное тело научной фантастики окончательно облачилось в камуфляж. Как отмечали современные западные исследователи: «В фантастике последних десяти лет прошлого века преобладали не чудеса техники, а живописания будущих войн»¹. Многочисленные повествования о галактических битвах с инопланетными агрессорами выглядят в этом ряду — право же! — безобидной игрой неудовлетворенной фантазии.

Наш рассказ — о войнах не столь фантастичных. «Сценарии» вымышленных войн, создания фантазии литераторов, нередко оказывались, в конечном счете, прологом реальных сражений между соседями по планете.

Приблизительно в 70-е годы прошлого столетия в литературе возникло целое направление, которому впоследствии историки НФ дали название «военно-утопический роман» или «оборонная фантастика». Как правило, действие таких сочинений развивалось в самом ближайшем будущем (через 5-10 лет от времени написания романа, иногда сроки «прогнозов» сужались до 1-2-х лет), описывались исторически возможные военные конфликты между страной автора и ближайшим враждебным государством. О литературных достоинствах подобных творений говорить не приходится, в большинстве своем авторы выполняли политический заказ и, преследуя публицистические цели, окрашивали свои страхи в розовые цвета. И все-таки романы эти представляют известный интерес, ведь они отражали эпоху, ее настроения. Так же закономерно, что литература о воображаемых войнах появилась именно в это кризисное время, когда стремительные успехи научно-технического прогресса стимулировали конфро-

пацию между крупными державами: наука дала человечеству не ожидаемую панацею от войны, а новые средства уничтожения... Журналы того времени пестрели характерными заголовками повестей и рассказов: «Большая война 189... года», «Наша будущая война», «Война в Англии, 1897 год», «Война "Кольца" с "Союзом"» и т.п.². Литераторы с энтузиазмом «вооружали» до зубов различным сверхоружием свои страны, искоса поглядывая на заграничных соседей.

По свидетельству исследователя из Швеции Арвида Энгхольма, шведские авторы вплоть до 80-х гг. XX века «предостерегали» соотечественников о возможности новой русско-шведской войны. Опусы с прогнозами о неизбежности вторжения России/СССР на территорию Швеции пользовались большой популярностью на родине А. Энгхольма³. Наши авторы, впрочем, ничуть не уступали зарубежным коллегам по перу.

Русские фантазеры не стали первооткрывателями темы. И все же, если когда-нибудь будет написана подробная история русской-советской фантастики, литературные сценарии будущих войн займут в ней далеко не последнее место.

Начало «литературным войнам» в русской фантастике положил роман «Крейсер "Русская надежда"», первые главы которого появились в 1886 году на страницах журнала «Русское судоходство». Роман был посвящен актуальной по тем временам теме: возможные варианты противостояния «владычице морей» Англии, отношения с которой к 80-м гг. были изрядно обострены. Сюжет поражал своим размахом: грандиозные морские баталии, политические и военно-тактические интриги. Автор романа представил читателям (и, вероятно, военачальникам) впечатляющий проект подготовки морской войны против Британской Империи. Отметим справедливости ради, что в отношении «тактических идей» автор романа во многом предвосхитил современную тактику ведения морских сражений. В целом же «Крейсер "Русская надежда"» являл собой типичную беллетризованную ультра-патриотическую агитку, насквозь пропитанную обидой за поражение в Крымской кампании. Что ж, читая роман, трудно усомниться в глубоких патриотических чувствах автора, укрывшегося за инициалами «А. К.»! Роман же оказался популярен и уже в следующем, 1887 году вышел отдельным изданием в Санкт-Петербурге. Теперь таинственный «А. К.» мог «раскрыть» себя перед читателями.

Впрочем, почему же «таинственный»? Сочинитель «Крейсера "Русская надежда"» — морской офицер Александр Григорьевич Конкевич — фигура далеко небезызвестная. Плавал на фрегате «Генерал-Адмирал», совершил кругосветное путешествие на «Гилеке», даже командовал военно-морскими силами в Болгарии в период русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Что ж, морское дело Конкевич и в самом деле знал не понаслышке. Правда, в 1883 г. его уволили из военно-морского флота за «злоупотребление» (!) и теперь бывший «морской волк» сочинял статьи для «Русского судоходства», которые носили обычно критический характер по отношению к российскому флоту. Писал Александр Григорьевич и художественную прозу (нередко под псевдонимом «А. Беломор») и даже получил

известность как один из ведущих русских писателей-маринистов...

Вероятно, эта неудовлетворенность состоянием дел на российском флоте и вдохновила беллетриста углубиться в мир фантазий. В 1887 г. Копкевич публикует новый военно-утопический роман «Роковая война 18?? года» — своеобразное продолжение предыдущего... Российские корабли по-прежнему продолжают расширять владения Империи. Собственно, роковой-то война оказалась только для итальянских «интервентов», коварно напавших на Владивосток... Спокойно, читатель, довести свою военную операцию «макаронникам» не позволили — стремительно примчалась из Кронштадта русская эскадра и в считанные минуты (а то ж!) «забросала шапками» неприятеля.

В 1890 году А. Копкевич, подписавшись «Максимилианом Гревизерским», опубликовал в «Русском судоходстве» еще один роман о будущей войне. Впрочем, «Черноморский флот в ???? году» мало чем отличался от предыдущих опусов писателя, он пропитан все тем же духом ура-патриотизма и геополитическими мечтаниями.

Хронологически Александр Конкевич не был первым, кто открыл в русской литературе тему «воображаемых войн». Несколькими годами раньше, в 1882 году, на страницах журнала «Исторический вестник» появились беллетризованные очерки еще одного участника русско-турецкой войны Всеволода Владимировича Крестовского — «Наша будущая война» и «По поводу одного острова (Гадания о будущем)», формально относящиеся к военно-утопическому жанру. В них известный писатель (и, кстати, один из первых в России военных журналистов) с откровенно националистических позиций размышлял о значении Цусимы (сй-сй!) в возможной войне с Китаем. И все-таки «прогностические» очерки Крестовского — это именно публицистика с элементом художественной фантазии, Конкевич же ввел тему в границы художественной литературы, открыл путь российскому военно-утопическому роману.

В ряду пионеров военных фантазий мы обнаружим и прославленного русского адмирала Степана Осиповича Макарова. В февральской и мартовской книжках «Морского сборника» за 1886 год он опубликовал работу под невзрачным названием «В защиту старых броненосцев и новых усовершенствований»⁴. Название, согласитесь, скорее для статьи сугубо научного характера, но никак уж не для произведения художественного. Впрочем, сочинение С.О. Макарова и не является беллетристикой в чистом виде, элемент художественного вымысла адмирал использовал для лучшего восприятия читателем предлагаемых военно-технических идей.

С.О. Макаров описал вымышленную войну Синей и Белой республик, в которой «островитяне» используют сверхсовременный «грозный броненосный флот», благодаря чему они и становятся владыками всех морей и океанов. Живописуя воображаемые битвы, адмирал указывал на необходимость переоснащения, усовершенствования российского флота.

Судьба сыграла злую шутку с автором этого очерка. «Спрогнозировав» возможное развитие будущих морских сражений, адмиралу Макарову суждено было погибнуть в 1904 году... по собственному сценарию! Броненосец «Петропавловск» в точности повторил судьбу одного из кораблей, описанную в ФАНТАСТИЧЕСКОМ очерке (взрыв миного букета и детонация погребов корабля)...

Еще до окончания первого десятилетия нового века фантастические сценарии будущих войн насчитывались десятками, превратившись едва ли не в самый популярный жанр. По-прежнему среди авторов преобладали люди военных профессий, а не профессиональные писатели, что,

разумеется, сказывалось и на качестве таких произведений. Столь популярная тема не могла, однако, пройти мимо внимания сатириков. В начале века время от времени стали появляться и первые пародии на военные утопии. Правда, таковых, к сожалению, оказалось совсем немного. Назовем одну. Это рассказ талантливого писателя-юмориста Власа Дорошевича «Война будущего, или Штука конторы Кука» (1907), в котором лихо высмеивались расхожие штампы военно-утопических романов.

Поражение в русско-японской войне на время охладило геополитический пыл «военных фантастов», во всяком случае, в некоторых романах наконец зазвучали ноты пессимизма, разочарования в военной машине Российской Империи. Горьким пессимизмом проникнут роман «Царица мира» (1908), принадлежащий перу морского офицера, участника Цусимского сражения и небесталанного писателя Владимира Ивановича Семенова.

Некий русский инженер охвачен благородной идеей установить на всей планете мир, навсегда прекратить войны. С этой целью он строит гигантский воздушный корабль «Царица мира», на котором устанавливает им же изобретенный аппарат, вызывающий детонацию взрывчатых веществ. И что же? — миротворческая миссия благородного инженера с треском проваливается. Лишившись взрывчатки, человечество и не помышляет отказываться от войны, продолжая сражаться... на саблях и мечах.

Успехи науки XX века усовершенствовали не только реальные войны. Писатели не отставали от генералов и ученых, придумывая все новые и новые способы уничтожения в будущих войнах. Морские сражения теперь отодвинулись на второй план — это был вчерашний день геополитических стратегий. Ставки делались на стремительно развивающуюся авиацию. Тот же В. И. Семенов в романе «Цари воздуха» (1908) изобразил ближайшее будущее, в котором Англия, изрядно опередив в самолетостроении другие державы, устанавливает воздушное господство над миром, правда, в конце концов она терпит поражение.

Возможные аспекты применения авиации в военных действиях рассматривает в своей «аэрофантазии» «Гибель воздушного флота» (1911) и инженер Сергей Бекнев. Все чаще фантасты «изобретают» разнообразные «лучи смерти», вытесняющие со страниц романов «устаревшие» пушки и пулеметы, как, например, в романе Павла Ордынского (Плохова) «Кровавый трон», где описан могучий воздушный корабль, оснащенный таинственными лучами, беззвучно поражающими аппараты врага.

Некоторые литературные проекты отличались особой изощренностью. В 1916 году на книжных прилавках Казани появилась небольшая (всего 55 страниц) книжка очередного писательствующего офицера, автора книг по теории и практике военного дела Н. В. Колесникова. Роман назывался «Тевтоны. Секреты военного Министерства», и в нем автор на полном серьезе предлагал на период отсутствия военных действий погружать армию в анабиоз: в результате такой «консервации», по мнению Колесникова, отпадет необходимость в регулярном пополнении войск новыми кадрами. Представляете: эдакие вечные «маринованные» солдаты!

Я не отношу себя к той категории исследователей НФ, которые озабочены поисками аргументов в пользу «прогностических талантов» фантастики. Фантасты — не ясновидцы, хотя случаи попадания в «яблочко» в истории НФ и в самом деле нередки. Правда, «особый дар» фантаста тут, пожалуй, ни при чем. Весь «дар» фантастического искусства состоит в продуктивном и грамотном использовании «гибкого» нелинейного мышления. И уж конечно, НФ не прогнозирует события, а экстраполирует реальность, что

дает ей способность разглядеть объективно Возможное в мнимом Невозможном.

О неизбежности войны с Германией фантасты — люди, как правило, далекие от политического окружения власти — начали писать задолго до ее реального начала. И не только авторы России. В набат забили и французские, и английские, и американские фантасты. В ряде случаев авторам сочинений о будущей войне действительно удалось на удивление точно предугадать многие детали предстоящей мировой бойни.

Ощущением надвигающейся катастрофы пронизана повесть «Хохот Желтого Дьявола» (1914) талантливого сибирского писателя Антопа Семсеповича Сорокина. Впервые она появилась в печати в 1914 г., однако написана много раньше — в 1909. Аллегорический образ Желтого Дьявола (персонификация капитала) — яркий художественный символ жестокости, бесчеловечности, обывательского равнодушия, одним словом, всего того, что толкало человечество в пропасть чудовищной войны. Сорокин достаточно четко выявил социальные корни войны: «Закон золота таков: никогда не жалея, причиняя как можно больше страдания людям — это самое высшее наслаждение, которое может дать золото, наслаждение быть безнаказанным преступником...»

В отдельных деталях сибирский писатель угадал черты еще более отдаленного будущего. К примеру, в повести описаны «фабрики смерти» — удивительно точный прообраз фашистских концлагерей Второй мировой войны...

Впрочем, немало находилось и таких авторов, которые упрямо окрашивали надвигающуюся войну в поддельно розовые цвета ура-патриотизма. Романы Л. Г. Жданова («Два миллиона в год», 1909; «Конец войны. Последние дни мировой борьбы», 1915) или, например, некоего Петра Р-цкого («Война "Кольца" с "Союзом"» 1913) рисовали неизбежную и легкую победу Антанты над Германией.

К литературной «предыстории» Первой мировой войны следует отнести и роман «Гроза мира» (1914) И. Де-Рока. Под таким «французским» псевдонимом в первой четверти XX века плодотворно работал в Перми незаслуженно забытый сегодня талантливый писатель и журналист Иван Григорьевич Ряпасов, которого историки русской фантастики уважительно титулуют «уральским Жюлем Верном».

Роман Ряпасова вышел в Издательстве Стасюлевича как раз накануне Первой мировой. Будучи произведением более фантастико-приключенческим, чем военно-утопическим, «Гроза мира», тем не менее, отражает и интересующую нас тему. В затерянном в Гималаях засекреченном городе, куда случайно попадают участники русской экспедиции, английский ученый Блом, готовясь к возможной англо-германской войне, изобретает новые виды сверхоружия. По замыслу Блома, война окажется невозможной (и все последующие войны тоже), если Британия станет сверхмогущественной державой...

Увы, реальность существовала по иным законам: «Ты изобрел страшное оружие, а я придумаю еще страшнее, а потом мы будем восвать»...

После Октябрьской революции в фантастике о войне наступает затишье. Эту временную лакуну заполнили — в меньшей степени интересные и яркие опыты первых советских фантастов (А. Беляева, А. Чайнова, В. Орловского, В. Гончарова), но в большей — близкоприцельные утопии о скором счастливом будущем страны Советов и неизбежности мировой революции.

Затишье, однако, длительным не оказалось. Уже в романах «Трест Д.Е.» (1923) И. Г. Эренбурга, «Машина ужаса» (1925) и «Бунт атомов» (1928) Владимира Орловско-

го, «Гиперболоид инженера Гарина» (1925-1926) А. Н. Толстого, некоторых рассказах А. Р. Беляева зазвучала тревога за будущее Европы, предчувствие грядущей, еще более страшной мировой трагедии. Но таких, подлинно талантливых писателей, стремившихся осмыслить (а не утешить или запугать) происходящие в мире перемены, были единицы. На смену им в конце 20-х гг. пришли легионы фантастов-оборонщиков, живописателей неизбежного разгрома фашистской Германии. С воинственным оптимизмом они в который раз взялись «вооружать» отечество новыми видами оружия, уверять сограждан в несокрушимости родной армии.

Да, Вторая мировая война началась более чем за десять лет до 1 сентября 1939 года — на страницах фантастических романов и рассказов. Молодая республика нуждалась в прочной обороне. Но — увы! — куда более добросовестно ее «обеспечивали» не реальные войска, а утешители-псевдофантасты.

Некий В. Левашев в рассказе «Танк смерти» (1928) придумал сверхтанк, преодолевающий препятствия благодаря суставчатому строению; популярный в те годы фантаст Сергей Беляев пишет приключенческую повесть о сверхсамолете «Истребитель 17-У» (1928; впоследствии повесть была переработана в роман «Истребитель 22», 1939); прозаик Яков Кальницкий в романе «Ипсилон» (1930) «изобрел» маловразумительное электронное сверхоружие для борьбы с фашистами («Электричество — основа жизни, — излагает свою мысль автор, — человек — приемник и передатчик радиомозговолн»); Михаил Ковлев в рассказе «Капкан самолетов» (1930) громит вражеские самолеты при помощи самонаводящегося на звук орудия (правда, непонятно, как это самое орудие различает вражеские и наши самолеты). Экономист по профессии Николай Автократов, автор повести «Тайна профессора Макшеева» (1940), мечтает об изобретении лучей, с помощью которых в будущей войне мы сможем на расстоянии взрывать вражеские боеприпасы. Производит выбор сокрушительной фантазии и Анатолий Скачко в повести с характерным названием «Может быть завтра...» (1930). Красочно рисуя будущие воздушные сражения, автор взахлеб описывает многомоторные самолеты, гигантские дирижабли (и это сверхоружие?!), придумывает даже искусственные облака, «впитывающие отравляющие вещества, как губка». Даже Александр Беляев не удержался: в раннем романе «Борьба в эфире» (1927) изобразил войну далекого, правда, будущего, между коммунистической Евразией и Америкой, а в рассказе «Шторм» (1931) вскользь упомянул о войне СССР ...с Румынией и Польшей!

Одним из самых характерных примеров «оборонной фантастики» начала 1930-х гг. стал рассказ Е. Толкачева «S.L.-Газ» (1930). Все «низменные» черты жанра (дебильность языка на грани фола, ярко выраженная агитнаправленность, стиль плакатов типа «А ты почему без противогаза?!») в гипертрофированной форме выпирают из каждой строчки этого опусика в 3 страницы об особенностях газовой войны...

Следует, справедливости ради, заметить, что не все сочинения «оборонной» советской фантастики были пропитаны духом оптимизма. Профессор Алексей Владимирович Олешванг в своем единственном литературном опыте — повести «Крепость» (1938) — тоже рассказывает о будущей войне, правда, без временных и географических привязок. Описывая технические детали войны (подземные города-крепости, радиоразведка, «лучи смерти»), автор все же не пророчит скорые парады победы на территории врага, в повести звучит неподдельная тревога, предупрежде-

ние об опасности, ужасе технически совершенной войны XX века.

В основной же массе своей рассказы о будущих сражениях напоминали братьев-близнецов: одинаковые лица-сюжеты и даже имена не блистали особым разнообразием: «То, чего не было, но может быть: Одна из картинок будущей войны» (С. Бертенев, 1928), «Подводная война будущего» (П. Гроховский, 1940), «Воздушная операция будущей войны» (А. Шейдман, В. Наумов, 1938), «Разгром фашистской эскадры» (Г. Байдуков, 1938). Все они были сотканы нитями обезоруживающего оптимизма, утверждением мощи Красной армии и абсолютного бессилия врага. «Этого не было. Этого может и не быть, но... Будь готов! Крепи оборону! Вооружайся знаниями!» — такие бодренькие слова-внушения нередко являлись обязательным эпилогом «оборонных» опусов. Литература мучительно и быстро умирала, вытесняемая агитброшюрами... Похожая ситуация сложилась и в кинематографе 30-х. Один за другим выходят фильмы, повествующие о том, как враг вторгся на Советскую Родину, а мы-то ему и показали, где раки зимуют. Эти ленты в обязательном порядке демонстрировались в воинских частях — для поднятия духа бойцов: «Возможно, завтра» (1932; реж. Д. Дальский), «Родина зовет» (1936; реж. А. Мачерет, К. Крумин), «Глубокий рейд» (в основу этой ленты 1937 года положены, кстати, романы Н. Шпанова), «На границе» (1937; здесь уже литературным первоисточником послужил опус П. Павленко «На Востоке»), «Танкисты» (1939; реж. З. Драпкин, Р. Майман), неправдоподобно популярен в те годы был фильм «Эскадрилья № 5 (Война начинается)» (1939; реж. А. Роом), а главная агитка тех лет — «Если завтра война» (1938; реж. Е. Дзиган и др.), основанная на документальных кадрах, снятых во время маневров Красной Армии, удостоилась даже Сталинской премии II степени (1941). Фильм Я. Протазанова «Марионетки» (1934) тоже предупреждал о возможности агрессии со стороны капиталистов, однако, не в пример вышеперечисленным лентам, решен он был с изрядной долей юмора: магнаты капиталистического мира, папуганные ростом революционно настроенных масс, решают поставить во главе вымышленного государства Буфферию нового короля — послушную марионетку в их руках. На нового монарха принца До возлагается ответственная миссия — превратить Буфферию в плацдарм для предстоящего нападения на Советский Союз... В вымышленной стране развивается и действие фильма «Конвейер смерти» (1933; реж. И. Пырьев) — правители страны вынашивают планы мировой войны, но местные комсомольцы, понятное дело, не дают им этого сделать. Хэппи-энд, одним словом. «Будь готов! Крепи оборону!»...

* * *

Действительность, как известно, оказалась совсем не похожей на ту, которую обещали сочинители.

Уже не раз говорилось о той плачевной роли, которую сыграли утешительные фантазии накануне войны. Особая «заслуга» в расхолаживании армии принадлежит печально известным романам Николая Шпанова «Первый удар» (1936) и киноподраматурга Петра Павленко «На Востоке» (1936).

Роман Шпанова только в течение одного года был издан... пять раз, а пухлый опус Павленко за 1937-1939 гг. издавался более 10 раз! Нынешним фантастам остается только завидовать, не правда ли?

Оба автора обещали стремительный разгром фашистского агрессора и неизбежную победу малой кровью на чужой территории.

«Облегченными до нелепости детскими проектами войны» называл эти с позволения сказать творения Кон-

стантин Симонов. А выдающийся авиаконструктор Александр Сергеевич Яковлев обвинял подобные произведения в расхолаживающем влиянии на боеготовность советской армии. В своей книге «Цель жизни» конструктор сообщает один показательный факт, связанный с публикацией романа Н. Шпанова: «Книгу выпустило Военное издательство Наркомата обороны, и при том не как-нибудь, а в учебной серии "Библиотека командира"! Книга была призвана популяризировать нашу военно-авиационную доктрину». Как говорится, комментарии излишни.

Про того же Шпанова поэт М. Дудин в свое время сочинил такую эпиграмму:

*Писатель Николай Шпанов
Трофейных обожал штанов
И длинных сочинял романов
Для пополнения карманов.*

Период 1930-х гг. стал тяжелым временем не только для страны, но и для всего отечественного искусства. А уж о фантастике и говорить не приходится. Ее просто вырезали на долгие три десятилетия из тела советской литературы. Подавляющее «НЕ-Е-Е-Е-Е-Е!» грозовой тучей зависло над литературой дерзких мечтателей. Фантазию подменили суррогатом «оборонной» фантастики. Увы, всеобщее помешательство на оборонных проектах оказалось заразительным. В «игру» включались даже известные писатели, люди ода-ренные, но плотно застрявшие в плену идеологических установок. И вот уже на страницах «Комсомольской правды» появляется повесть о будущей воздушной войне С. В. Диковского «Подсудимые, встаньте!», а известный драматург, один из руководителей РАПП и ВОАПП В. М. Киршон выдает в угоду дня фантастическую пьеску «Большой День» (1936). Интересный детский писатель В. С. Курочкин публикует в «Знамени» (1937) аж целый цикл «оборонных» шапкозакидательских повелл («На высоте 14», «Атака», «Бой продолжается» и др.). Да что там говорить, если такая величина, как А. Н. Толстой, вписавший свое имя в сокровищницу русской фантастики, вдруг в 1931 г. выдал пресную пьесу о будущей войне «Это будет», написанную в соавторстве с П. С. Сухотиным. Следы «оборонной эпохи» невооруженным взглядом видны повсюду, даже в произведениях, снискавших читательскую любовь и дошедших до наших дней («Тайна двух океанов» Г. Адамова, «Пылающий остров» А. Казанцева, да и Беляева зацепило)...

«Военно-утопический роман», «оборонная фантастика» остались в прошлом — как жанр. И слава Богу. Перевернем эту нелегкую страницу все-таки блистательной истории российской литературной фантастики.

А в реальной жизни все как обычно — войны идут свои чередом (да не примут читатели сей оборот за верх цинизма!). Продолжаются они и на страницах фантастических романов: атомные, ядерные, межзвездные... Назвав очерк наудачу попавшейся фразой из «Дневников» А. П. Чехова, я робко намекнул не только (и не столько) на особое неравнодушие фантастов к теме войны... Тему фантастам задает ОБЪЕКТИВНАЯ реальность. А она неизменно оказывается страшнее самых страшных фантазий.

Только б не было войны...

Евгений ХАРИТОНОВ

¹Anatomy Of Wonder: A Critical Guide To Science Fiction. — N.Y.-London, 1981. P.14.

²Подробнее тему войны в мировой НФ см.: Гаков Вл. Ультиматум. — М., 1989. 347 с.

³Энгхольм А. Литературная война // Уральский следопыт, 1991. № 3. С. 53-55.

⁴Впервые о существовании этого очерка я узнал благодаря заметке хабаровского библиофила Виктора Бури «Утонуть по собственному сценарию» (Дальневост. ученый, 1993. 24 февр.).

ИТОГИ ХАРЬКОВСКОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ФЕСТИВАЛЯ ФАНТАСТИКИ «ЗВЕЗДНЫЙ МОСТ — 2000»

В Харькове с 14 по 17 сентября 2000 года прошел Международный фестиваль фантастики «ЗВЕЗДНЫЙ МОСТ-2000». В фестивале приняли участие около 100 человек из всех регионов СНГ, а также Прибалтики.

По результатам общего голосования участников фестиваля были вручены литературные премии «Звездного моста» за 2000 год («золотые» и «серебряные» кадучи работы харьковчан на Антона Дербилова и дипломы).

ЛАУРЕАТЫ ПРЕМИЙ ФЕСТИВАЛЯ ФАНТАСТИКИ «ЗВЕЗДНЫЙ МОСТ-2000»

(«Демократические» премии, вручаемые по итогам общего голосования участников фестиваля):

НОМИНАЦИЯ «ЦИКЛЫ, СЕРИАЛЫ И РОМАНЫ С ПРОДОЛЖЕНИЯМИ»:

Первое место: **ВАСИЛЬЕВ Владимир** (Николаев), **ЛУКЬЯНЕНКО Сергей** (Москва): «Дневной дозор» (роман, продолжение романа «Ночной дозор»). М.: АСТ, («Звездный лабиринт»), 2000.

Второе место: **ДЯЧЕНКО Марина** и **Сергей** (Киев): «Авантюрист» (роман, завершающий цикл «Скитальцы»). СПб.: Северо-Запад Пресс, («Перекресток миров»), 2000.

Третье место: **БРАЙДЕР Юрий**, **ЧАДОВИЧ Николай** (Минск): «Губитель максаров» (роман из цикла «Тропа миров»). М.: ЭКСМО-Пресс, («Абсолютное оружие»), 1999 (по факту - 2000).

НОМИНАЦИЯ «КРУПНАЯ ФОРМА» (РОМАНЫ):

Первое место: **ДЯЧЕНКО Марина** и **Сергей** (Киев), **ВАЛЕНТИНОВ Андрей**, **ОЛДИ Генри Лайон** (Харьков): «Рубеж». М.: ЭКСМО-Пресс, («Нить времен»), 1999.

Второе место: **ЛУКИН Евгений** (Волгоград): «Алая аура протопарторга». М.: АСТ, («Звездный лабиринт»), 2000.

Третье место: **ДИВОВ Олег** (Москва): «Выбраковка». М.: ЭКСМО-Пресс, («Абсолютное оружие»), 1999. (То же: М.: ЭКСМО-Пресс, («Наши звезды»), 2000.)

НОМИНАЦИЯ «ДЕБЮТНЫЕ КНИГИ»:

Первое место: **СКИРЮК Дмитрий** (Пермь): «Осенний Лис». СПб.: Северо-Запад Пресс, («Перекресток миров»), 2000.

Второе место: **ЛЫГОВ Андрей** (Харьков): «Непобедимый Олаф». М.: Армада - Альфа-Книга, («Фантастический боевик»), 2000.

Третье место: **ХЛУМОВ Владимир** (Москва): «Мастер дымных колец». М.: («Диалог»), («Современная российская проза»), 2000.

НОМИНАЦИЯ «МАСТЕР ФЭНДО» (боевые искусства в фантастике; боевые эпизоды придумывались экспромтом писателями-фантастами, декламируясь вслух - и тут же демонстрировались группой каратэ-ка Харьковской школы каратэ-до, стиль «Годзю-Рю»):

Черный пояс 3-го дана: **БЕЛЯНИН Андрей** (Астрахань). Эпизод «Конный бой».

Черный пояс 2-го дана: **ДЯЧЕНКО Марина** (Киев). Эпизод «Мальчиш-Кибальчиш».

Черный пояс 1-го дана: **ВЕРШИНIN Лев** (Одесса). Эпизод «Черные силы нас злобно гнетут».

(Призы на эту номинацию - скульптуры авторской работы харьковского скульптора и художника Антона **ДЕРБИЛОВА**, а также черные пояса и дипломы).

НОМИНАЦИЯ «ПОРТРЕТ ДОРИАНА ГРЕЯ» (неопубликованные иллюстрации к произведениям отечественной фантастики последних лет):

Первое место: художник **МЕЛЬНИКОВ Евгений** (Липецк), за иллюстрацию к дилогии **Сергея Лукьяненко** «Лабиринт отражений» и «Фальшивые зеркала».

Второе место: художник **СКИДАНЮК Евгений**, за иллюстрацию к роману **Г. Л. Олди** «Герой должен быть один».

Третье место: художник **ДЕРБИЛОВ Антон** (Харьков), за иллюстрацию к роману **Марии Семенов** «Волкодав».

НОМИНАЦИЯ «ЭПИГРАММА-Ф» (за лучшую эпиграмму на отечественных писателей-фантастов и их произведения):

Первое место: **ЦЕМЕНКО Андрей** (Керчь) - за эпиграмму на роман **Марии Семенов** «Волкодав».

Второе место: **ЛАДЫЖЕНСКИЙ Олег** (Харьков) - за эпиграмму на **Владимира Васильева**.

Третье место: **ГОЛДЫРЕВ Игорь** (Екатеринбург) - за эпиграмму на роман **Юлия Буркина** «Цветы на нашем пепле».

«АВТОРИТАРНЫЕ» ПРЕМИИ, ВРУЧЕННЫЕ БЕЗ ГОЛОСОВАНИЯ, РЕШЕНИЕМ ИХ УЧРЕДИТЕЛЕЙ:

ПРЕМИИ УНИВЕРСИТЕТА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ МВД УКРАИНЫ (г. Харьков) («За правди-

вое и высокохудожественное отражение работы органов охраны правопорядка и спецслужб в фантастических произведениях»):

БЕЛЯНИН Андрей (Астрахань) - за роман «Тайный сыск царя Гороха».

ДИВОВ Олег (Москва) - за целый ряд произведений.

ВАЛЕНТИНОВ Андрей, **ОЛДИ Генри Лайон** (Харьков) - за роман «Нам здесь жить».

СПЕЦИАЛЬНАЯ ПРЕМИЯ УНИВЕРСИТЕТА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ МВД УКРАИНЫ (г. Харьков) за лучшие произведения в жанре фантастического детектива вручена **Василию ГОЛОВАЧЕВУ** (Москва).

ПРЕМИИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ТЕЛЕНЕДЕЛЯ» И ОРГКОМИТЕТА ФЕСТИВАЛЯ «ЗВЕЗДНЫЙ МОСТ» - ЗА ЛУЧШИЕ КРИТИЧЕСКИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЕ СТАТЬИ О ФАНТАСТИКЕ:

РОЙФЕ Александр (Москва) - за статьи «В тупике» и «Из тупика».

ЧЕРНЫЙ Игорь (Харьков) - за литературоведческие работы о фантастике, опубликованные в 2000-м году.

БЕРЕЗИН Владимир (Москва) - за ряд рецензий и интервью, опубликованных в 1999-2000 гг.

БЫЧИНСКИЙ Владимир (Житомир) - за ряд статей и послесловий к книгам писателей-фантастов, опубликованных в 1999-2000 гг.

ПРЕМИЯ ТВОРЧЕСКОЙ МАСТЕРСКОЙ «ВТОРОЙ БЛИН» (Харьков):

Леониду ШКУРОВИЧУ, зав. редакцией фантастики московского издательства «ЭКСМО-Пресс» - человеку фантастики и фантастическому человеку.

СПЕЦИАЛЬНАЯ ПРЕМИЯ ОТ ХАРЬКОВСКОГО ИНСТИТУТА ЧУДАКОВ:

ЛУКИНУ Евгению Юрьевичу (Волгоград) - за выдающиеся заслуги перед Ее Величеством Фантастикой.

ЛУКЬЯНЕНКО Сергею Васильевичу (Москва) - за выдающиеся заслуги перед Ее Величеством Фантастикой.

Кроме того, в этом году «награды нашли героев»: **Николаю БОЛЬШАКОВУ** и **Антону ПЕРВУШИНУ** (СПб) была торжественно вручена первая премия «Звездного Моста-99» за лучший дебют (роман «Собиратели осколков», дебютант - **Николай БОЛЬШАКОВ**), а **Евгению ЛУКИНУ** - первая премия «Звездного Моста-99» за лучший роман («Зона справедливости»).

По сообщению информационного листка украинской фантастики «OldNews»

(Репортаж со «Звездного моста» читайте на стр. 46.)

БЕСТИАРИЙ ПАНА САПКОВСКОГО

Словарь фантастических терминов

Цитаты приводятся по изданиям:

«Дорога, откуда не возвращаются» // Истребитель ведьм. Польская фантастика. – М.: Молодая гвардия, 1990. Пер. с польск. А. Бушкова;

«Последнее желание» (1993) // Сапковский А. Ведьмак. (Век Дракона). – М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 1998. Пер. с польск. Е. Вайсброта;

«Меч Предназначения» (1994) // Сапковский А. Ведьмак. (Век Дракона). – М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 1998. Пер. с польск. Е. Вайсброта;

«Кровь эльфов» (1994) // Сапковский А. Кровь эльфов. (Век Дракона). – М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 1997. Пер. с польск. Е. Вайсброта;

«Час презрения» (1995) // Сапковский А. Час презрения. (Век Дракона). – М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 1997. Пер. с польск. Е. Вайсброта;

«Крещение огнем» (1996) // Сапковский А. Крещение огнем. (Век Дракона). – М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 1997. Пер. с польск. Е. Вайсброта;

«Башня ласточки» (1997) // Сапковский А. Башня ласточки. (Век Дракона). – М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 1998. Пер. с польск. Е. Вайсброта;

«Владычица озера» (1999) // Сапковский А. Владычица озера. (Век Дракона). – М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 1999. Пер. с польск. Е. Вайсброта.

ААРД. Магический знак психокинетического действия. Для его использования требуется минимум магических способностей.

«Ослепленная яростью упырица, воя, кинулась в атаку. Геральт спокойно ждал и поднятой правой рукой чертил перед собой Знак Аард. Упырица отлетела на несколько шагов, словно ее ударили молотом, но удержалась на ногах <...>». (Последнее желание, с. 36).

«Он протянул руку к камину, странно сложив пальцы. В камине загудело и завывало, пламя вспыхнуло, поленья раскалились, взорвались искрами. <...>»

– Знак Аард? Хотел меня удивить? Таким же знаком, утроенным концентрацией, усилием воли и заклинанием, я могу мгновенно выкинуть поленья из камина, да так высоко, что тебе они покажутся звездами». (Последнее желание, с. 111).

«– Так называемый Знак Аард, Цири, это очень простое заклинание из разряда психокинетических чар, основывающееся на направлении энергии в требуемую сторону. Мощность броска зависит от концентрации воли излучающего и выданной им Силы. Она может быть значительной.

Ведьмаки <см. «Ведьмак»> освоили это заклинание, воспользовавшись тем, что оно не требует знания магической формулы – достаточно концентрации и жеста. Поэтому они пазвали его Знаком. Откуда они взяли название, не знаю, возможно, из Старшей Речи. Слово «ard» означает, как известно, «верх», «верхний», «высочайший». Если это так, то название это очень обманчиво, потому что трудно найти более легкое психокинетическое заклинание». (Кровь эльфов, с. 418).

ААРДВАРК. Чудовище, опасное для людей. Пойманных А. для развлечения срабатывают с эндриагами <см. «Эндриага»>. (Башня ласточки, с. 166).

АКСИЙ. Магический знак, заставляющий подчиняться

животных.

«Лошадь дернула головой, дико заржала, заплесала на тропке, вздымая копытами облака высохших листьев. Геральт, охватив шею Плотвы левой рукой, правую сложил в Знак АКСИЙ и водил ею над головой лошади, шепча заклинания. <...> Магия действовала быстро, но подгоняемая ногой лошади все же тронулась с места тяжело, с трудом, тупо, как-то ходульно, утратив размеренный ритм движения». (Последнее желание, с. 50).

АЛЬП. Нежить, разновидность вампира. Способен выносить солнечный свет. Пьет кровь, но не калечит жертву. (Последнее желание, с. 70).

АЛЬРАУН. Здесь: то же, что альруник <см. > (Крещение огнем, с. 147).

АЛЬРУНИК. То же, что альраун <см. > Фигурка, вырезанная из корня мандрагоры и играющая роль талисмана. Считается, что А. защищает от болезней, приносит счастье в судебных процессах и гарантирует женщинам удачную беременность и легкие роды. А. наряжают в платица и в новолуние дают им новую одежду. (Крещение огнем, с. 147).

АМФИСБЕНА. Здесь: чудовище, опасное для людей.

«Я пришел получить плату за уничтожение амфисбены, которая терроризировала всю округу». (Последнее желание, с. 89 – 90).

АРЕНАРИЯ. Растение, используемое для приготовления лекарств и магич. эликсиров (?).

«<...> победы усыпанной кроваво-красными ягодами аренарии». (Последнее желание, с. 216).

БАРБЕГАЗЫ. Нелюди, обитающие под землей. Размерами приблизительно с тыкву. Имеют твердые и сучковатые лапы. Опасны для горняков.

«То, что еще секунду назад он принимал за лежащие у основания сталагмитов округлые камни, теперь таранилось на него огромными горящими глазищами. В плотной массе серо-бурых, покрытых пылью патлов раскрывались огромные пасти и сверкали конусовидные зубы. <...>»

Барбегазы – их становилось все больше – сопровождали его, двигаясь следом и перекачиваясь по почве. Он слышал их монотонную болтовню и сопение. Чувствовал их резкий кислый запах». (Башня ласточки, с. 259).

БЕАНН'ШИ. То же, что баньши. Существо, воем предсказывающее чью-то смерть. Здесь: эльфья упырица.

«Тогда завопила страшная беанн'ши, вестница чьей-то скорой и дурной смерти <...>».

«Дикий, нечеловеческий, протяжный воющий крик. Стон. <...> Beann'shie. Беанн'ши.

Эльфья упырица. Предвестница смерти». (Башня ласточки, с. 401 – 402).

БЕДНЯРЫ. Нелюди, способные копировать материальную структуру и принимать облик любого существа, более или менее совпадающего по массе. То же, что доплеры <см.>. (Меч Предназначения, с. 417).

БЕЗМЕР. Растение, использующееся для приготовления лекарств и магич. эликсиров (?).

« <...> бордово-желтые овалы безмера <...> ». (Последнее желание, с. 216).

БЕЗОАР. Универсальное противоядие, якобы образующееся в пищеварительном тракте диких парнокопытных животных.

«Врезала желудок и желчный пузырь, ища безоары. В магические свойства безоаров она не верила, но хватало дурней, которые верили и платили за эти комочки свалывшейся шерсти». (Крещение огнем, с. 39).

«БЕЛАЯ ЧАЙКА». Напиток, содержащий в небольшом кол-ве галлюциногены. См. тж «Черная чайка».

« - «Белая чайка». <...> Легкое снадобье, - улыбнулся Эскель, - для приятных сновидений.

- Черт возьми! Ведмачий галлюциноген? Так вот почему у вас вечерами блестят глаза!

- «Белая чайка» - мягкое средство. Галлюциногены содержит «Черная». (Кровь эльфов, с. 114).

БЕЛОКАМЕННИК БЕЛОПЛАВНИКОВЫЙ. Вымерший представитель водной речной фауны. Рыба? (Кровь эльфов, с. 237).

БИЗАНТ. Денежная единица в королевстве Ковир.

БОРОВИК. Нежить? чудовище? Аналог лешего? (Последнее желание, с. 15).

БРУКОЛАК. Существо, опасное для людей. (Башня ласточки, с. 122).

БРУКСА. Нежить, разновидность вампира. Способна выносить солнечный свет, изменять внешность и становиться похожей на человека. Имеет крылья. Оглушает жертву криком. Пьет кровь, но не калечит жертву.

«Из-за белых губ сверкнули острые клыки. Брукса подпрыгнула, выгнула спину, словно леопард, и взвизгнула. Звуковая волна тараном ударила в ведьмака, сбивая дыхание, ломая ребра, иглами боли вонзаясь в уши и мозг. <...> На спине дельфила, в каменном кругу высохшего фонтана, где только что сидела изящная девушка в белом платье, расплывшись искрящееся тело огромного черного нетопыря, разевающего продолговатую узкую пасть, заполненную рядами иглоподобных снежно-белых зубов. Развернулись перепончатые крылья, беззвучно захлопали, и существо ринулось на ведьмака, словно стрела, пущенная из арбалета. <...> Нетопырь замахал крыльями, взлетел, помчался к фонтану. В тот момент, когда кривые когти заскрежетали по камням облицовки, жуткая, истекающая слюной пасть уже расплывалась, изменялась, исчезала, хотя проявляющиеся на ее месте бледные губки все еще не прикрывали убийственных клыков». (Последнее желание, с. 71 - 72).

БУРДАЛАК. Нежить. Скорее всего, то же, что вурдалак. (Последнее желание, с. 188).

ВАМПИРЫ. Нежить, опасная для людей. Разновидности: муля <см.>, альп <см.>, к-рые, в отлич. от обычн. В., способны выносить свет солнца. (Последнее желание, с. 123).

«ВАМПИР, или упырь, умерший человек, оживленный Хаосом. Утратив первую жизнь, В. проживает вторую ночной порой. Выходит из могилы при свете луны и перемещаться может только вослед за ее лучами; нападает на спящих девиц либо парней, кровь сладкую коих, не разбудив оных, сосет». (Крещение огнем, с. 201).

«Вампиры не разрывают. Прокусывают артерию и выпивают кровь, оставив два четких отпечатка клыков. Очень часто жертва выживает» (Крещение огнем, с. 211).

« - Он невосприимчив к огню. <...> Может, если захочет, стать невидимым. Может взглядом заколдовать, погрузить в глубокий сон <...>. Может обращаться в нетопыря и летать, как нетопырь. Думаю, все это он может проделывать только ночью и только в полнолуние. Но я могу и ошибаться. <...> Лошади и собаки могут учуять его истинную природу, но он сбивает их с толку запахом трав, которые постоянно носит с собой». (Крещение огнем, с. 405).

ВАСИЛИСК. Чудовище, по суевериям, убивающее взглядом. На самом деле выделяет яд, сильнейший из всех нейротоксинов, убивающий за 1 сек.

«Рядом с кубком стояла черная туфелька на высоком каблуке. Туфелька была сделана из кожи василиска. Дороже материала для обуви на свете не существовало». (Последнее желание, с. 234).

«Он и зеркала не прихватил, с одним мечом полез. А без зеркала - знамо дело - василиска не приберешь». (Меч Предназначения, с. 294).

«Белоголовый, горбатясь, вытаскивал из дыры удивительное существо - странное тело, покрытое пылью, напитавшейся кровью. Держа существо за длинный ящерный хвост, он молча бросил его к ногам тучного солтыса. Солтыс отскочил, споткнувшись о валяющийся кусок стены и не сводя глаз с искривленного птичьего клюва, перепончатых крыльев и серповидных когтей на чешуйчатых лапах». (Меч предназначения, с. 295).

« - <...> Не приближайтесь, не приближайтесь, потому как хоть он и заперт в клетке, но одним только своим дыханием может отравить! <...> Василиск <...> - это самая что ни на есть ядовитая гадина на свете! Ибо василиск - царь всех змей! Если б василисков было больше, наш мир пропал бы бесследно! К огромному счастью, это чудовище редкое, ибо рождается из петушиного яйца. А сами знаете, люди, что яйца спосит не каждый петух, а только такой паршивец, который на мапер квочки другому петуху гузку подставляет». (Час презрения, с. 110).

« - Яйца, таким петухом снесенные, - тянул рябой, - должны сто и одна змея высиживать! А когда из яйца проклюнется василиск... <...> тогда он всех змей в гнезде пожрет, их яд поглотит. Но вреда ему от того никакого не будет. Сам же ядом так надуется, что не только зубом забить сумеет и не прикосновением даже, но дыхом одним! А ежели конный рыцарь возьмет и пикой василиска проткнет, то яд по древку вверх ударит и одновременно седока с конем на месте повалит. <...> От василиска <...> каждый зверь в тот же миг сбегает, как только его шипение услышит. Каждый зверь, даже дракон, да что там, коркодил даже, а коркодилы невозможно страшные, кто их видел, тот знает. Одно только единое животное не боится василиска - это куна. Куница, значит. Куна, как только чудовище в пустыне узрит, тут же в лес как можно шибче мчит, там только одной ей ведомое зелье выищет и съест. Тогда василисков яд уже куне не страшен и она может его насмерть загрызть». (Час презрения, с. 110 - 112).

ВГЛУБКА. Водное растение, на котором паразитирует куркум – растение, используемое для приготовления лекарств и магич. эликсиров.

« <...> бассейны, покрытые плотным ковром вглубки – пищи для паразитирующего куркума». (Последнее желание, с. 217).

ВЕДЬМАК. Человек, обретший возможность сражаться с чудовищами и нежитью благодаря специальным тренировкам и нек-рым генетич. изменениям, влияющим на скорость реакции, остроту зрения, выносливость, способность к регенерации и т.п. В. способен видеть в темноте, имеет «иммунитет» против гипноза. Обычно владеет начатками магии.

« – Ну и паршивые же пошли времена! Еще двадцать лет назад кто бы подумал, даже по пьянке, что такие профессии появятся? Ведьмаки! Странствующие убийцы василисков <см. «Василиск»>! Ходячис, словно точильщики, по домам истребители драконов <см. «Дракон»> и топляков <см. «Топляк»>. Геральт? В твоём цехе, ведьмаковском, пиво пить дозволено?

– Вполне!». (Последнее желание, с. 15).

– «Он сидел неподвижно, прикрыв глаза. Дыхание, поначалу ровное, вдруг ускорилося, стало хриплым, беспокойным. А потом полностью остановилось. Снадобье, с помощью которого ведьмак подчинил себе все органы тела, в основном состояло из чемерицы, дурмана, боярышника и молочая. Остальные компоненты не имели названий ни на одном человеческом языке. Не будь Геральт приучен к таким смесям с детства, это был бы смертельный яд.

Ведьмак резко повернул голову. Слух, обострившийся теперь сверх всякой меры, легко вылушил из тишины шелест шагов по заросшему крапивой двору». (Последнее желание, с. 31).

«Ведьмак прикрыл глаза ладонью, ненужным неосознанным жестом, от которого никак не мог избавиться, – ведь достаточно было просто сузить зрачки, превратив их в вертикальные щелочки». (Последнее желание, с. 41).

« – <...> Даже при твоих невероятных регенеративных возможностях пройдет несколько месяцев, пока полностью восстановится подвижность шеи». (Последнее желание, с. 43).

« – <...> Загипнотизировать меня не удастся, у меня иммунитет». (Последнее желание, с. 45).

«Мне рассказывали о ведьмаках. Я запомнил, что ведьмаки похищают маленьких детей, которых потом пичкают волшебными травами. Кто выживет, становится ведьмаком, волшебником с нечеловеческими способностями. Их учат убивать, искореняют в них всяческие человеческие чувства и рефлексы. Из них делают чудовищ, задача которых уничтожать других чудовищ». (Последнее желание, с. 58).

«Я прошел там обычную мутацию. Испытание Травами, а потом – как всегда. Гормоны, вытяжки, вирусы. И все заново. И еще раз. До результата. Считалось, что я перенес Трансмутацию удивительно хорошо, болел очень недолго. Ну и меня сочли достаточно иммунизированным – есть такое ученое слово – парнем и отобрали для следующих, более сложных... экспериментов. Эти были и того чище. Гораздо. Но, как видишь, я выжил. Единственный из всех, кого для этих экспериментов отобрали. С тех пор у меня белые волосы. Полное отсутствие пигмента. Как говорится – побочный эффект». (Последнее желание, с. 123).

«Гравюра изображала расчехренное страховидло на лошади, с огромными глазами и совсем уж непотребными зубами. В правой руке оно держало солидных размеров меч, в левой – мешок денег.

– Ведьмак, – промямлила бабка, – некоторыми ведьмином прозываемый. Вызывать его очень опасно, токмо тогда

надобно, когда супротив чудищев и поганцев разных ничего поделать уже не можно, ведьмак справится. Однако ж следить надеть <...>, чтобы к ведьмаку не прикасаться, ибо от одного запаршиветь можно. И девок от него прятать, потому что ведьмак охоч до них сверх всякой меры... <...> и <...> весьма до злата жаден <...>». (Последнее желание, с. 190).

ВЕДЬМИН. То же, что «ведьмак» <см.>. (Последнее желание, с. 190).

ВЕКСЛИНГИ. Нелюдь, способная копировать материальную структуру и принимать облик любого существа, более или менее совпадающего по массе тела. То же, что доплеры <см.>. (Меч Предназначения, с. 417).

ВЕСПЕРТЫЛЬ. Подземное чудовище с перепончатыми крыльями. Издает шипящий хохот. Опасен для горняков. (Башня ласточки, с. 260).

ВИЛОХВОСТ. Летающее чудовище-драконид. Ворует скот.

«Еду дальше, гляжу – вилохвост. Небольшой такой, аршин пять от носа до хвоста. Летит, тащит в когтях овцу. Я – в село: сколько, спрашиваю, заплатите за гада? Мужики на колени, нет, кричат, это любимый дракон младшей дочки нашего барона, если у него с живота хоть одна чешуйка упадет, барон село спалит, а с нас шкуру съмет». (Последнее желание, с. 170).

ВИХТ. Чудовище, опасное для людей. Обитает в пустыне и на кладбищах. (Час презрения, с. 369).

ВОДОРОСКИ. Нелюди, обитающие в море. Могут представлять угрозу для людей. Речь представляет собой певучую версию языка эльфов <см. «Эльфы»>. (Меч предназначения, с. 486).

ВОДЯНОЙ. Чудовище, обитающее в реках. Опасен для людей. (Последнее желание, с. 169).

ВОЖГОРЫ. Людское племя? племя нелюдей?

«<...> расшифровывал надписи <...> на надгробных плитах в некрополях вожгоров <...>». (Последнее желание, с. 90).

ВОЛКОЛАК.оборотень, способный превращаться в волка? (Дорога, откуда не возвращаются, с. 190).

ВОРОНИЙ ГЛАЗ. Растение, используемое для приготовления лекарств и магич. эликсиров?

« <...> поблескивающие шишечки вороньего глаза <...>». (Последнее желание, с. 216).

ВОРОНЫ. С загл. Нелюди с огромными красными глазами в пол-лица.

(Дорога, откуда не возвращаются, с. 197).

ВУРДАЛАК. Нежить, опасная для людей. (Час презрения, с. 29).

ВЫВЕРНА. Летающее ящероподобное чудовище, опасное для людей. Эльфийское название выворотки <см. «Выворотка»>. (Час презрения, с. 112).

ВЫВОРОТЕНЬ. Летающее чудовище, опасное для людей. (Меч Предназначения, с. 483).

ВЫВОРОТКА. Ящероподобное крылатое чудовище, опасное для людей. (Час презрения, с. 112).

«В клетке, явно ему тесной, свернувшись клубком, лежал ящер, покрытый темной чешуей со странным рисунком. Когда рябой стукнул по клетке палкой, гад зашевелился, зашуршал чешуйками по прутьям, вытянул длинную шею и пронзительно зашипел, демонстрируя острые белые конические зубы, резко контрастирующие с почти черной чешуей, обрамляющей пасть». (Час презрения, с. 109 – 110).

ВЫВРОТКА. Чудовище, опасное для людей. (Последнее желание, с. 125).

ВЬЮН. Чудовище, опасное для людей. (Час презрения, с. 188).

ГАМАДРИАДЫ. Существа, родственные дриадам <см.

«Дриады»? Возможны смешанные браки с людьми и появление потомства. (Башня ласточки, с. 117).

ГАРНОК. Мера веса? объема? в г. Новиград. Применяется, напр., при оценке кол-ва розового масла. (Меч Предназначения, с. 425).

ГАРПИЯ. Чудовище, опасное для людей. (Крещение огнем, с. 213).

ГВИНТ. Карточная игра краснолюдов <см. «Краснолюды»>.

«Основным принципом краснолюдского гвинта было что-то напоминающее торг на конском рынке – как интенсивностью, так и напряженностью голосов торгующихся. Затем пара, объявляющая самую высокую «цену», старалась получить как можно больше взятков, чему другая пара игроков всячески мешала». (Крещение огнем, с. 123).

ГЕКС. Магический предмет (не амулет!), к-рый можно спрятать под одеждой. (Башня ласточки, с. 139).

ГЕЛИОТРОП. Магический знак, обороняющий от физических травм.

«Отскочив назад, он еще успел скрестить кисти рук в Знак Гелиотроп. Чары немного смягчили удар спиной о забор, но в глазах потемнело, а остатки воздуха со стоном вывалились из легких». (Последнее желание, с. 71).

ГЕМАТИТ. Камень ржавого цвета, способствующий остановке кровотечения и заживлению ран.

«Виссина медленно провела гематитом вдоль раны. Кровь моментально перестала течь. Зажмурившись, она двумя руками что есть силы сдвинула края раны. Отняла ладони – кожа срослась, оставив алый шрам». (Дорога, откуда не возвращаются, с. 190).

ГИГАСКОРПИОН. Чудовище, опасное для людей. Имеет клешни, удар к-рыми не может парировать ни один боец. Гигантский скорпион? (Последнее желание, с. 125).

ГИКОРИ. Дерево.

«Деревья – в основном дубы, тисы и гикори – были по несколько сажен в обхвате. Определить их высоту было невозможно, так далеко в небо уходили их кроны». (Меч Предназначения, с. 541).

ГИФИДРА или *Nyphyridae*. Речное чудовище, опасное для людей. Возм., то же, что жагница <см.>. (Кровь эльфов, с. 238).

NYPHYDRA LONGICAUDA. Вид речного чудовища отряда *Amphipoda* <см. «Обоеногие»> семейства *Nyphyridae*.

«В нашей климатической зоне встречается, в настоящее время довольно редко, лишь небольшая *Nyphyr longicauda* <...>. Обителью <...> являются стоячие либо медленнотекущие воды. Это действительно хищные виды, использующие в качестве пищи теплокровных существ...». (Кровь эльфов, с. 240).

NYPHYDRA MARGINATA. Вид речного чудовища отряда *Amphipoda* <см. «Обоеногие»> семейства *Nyphyridae*. Размеры несколько больше, чем у аналогичного вида *Nyphyr longicauda* <см.>. (Кровь эльфов, с. 240).

ГЛАМАРИЯ. Магическая мазь, придающая красоту женскому лицу. Пахнет сиренью и крыжовником. Втирается в небольших количествах в кожу под глазами.

«Глаза Йеннифэр горели фиолетовым огнем, а лицо пылало красотой. Слепящей. Вызывающей. И неестественной.

– Зеленая бабочка! – сразу догадалась Цири. – Что там было?

– Гламария. Эликсир, точнее, мазь для особых случаев». (Час презрения С. 79).

ГЛОВОГЛАЗ. Представитель реликтовой фауны. Не агрессивен, но может быть опасным для людей.

«Вначале им казалось, что пошевелилась одна из гни-

лых колод, словно собираясь слезть с нагретой солнцем кладки и поискать тени среди деревьев. Лишь присмотревшись внимательнее, можно было заметить нетипичные для колоды элементы – прежде всего четыре пары тонких лап с шишковатыми суставами, поднимающихся над грязным, покрытым точками и поделенным на рачьи сегменты панцирем.

– Только спокойно, – тихо повторил Геральт. – Не провоцируйте его. Не обманитесь его кажущейся неподвижностью. Он не агрессивен, но способен двигаться молниеносно. Если почувствует угрозу, может напасть, а против его яда противоядия нет.

Существо потихоньку вползло на колоду. Посматривало на людей и краснолюдов <см. «Краснолюды»>, медленно вращая сидящими на стебельках глазами. И почти не двигалось. Чистило концы лап, поочередно приподнимая их и старательно обчищая вызывающими уважение острыми жвалами. <...>

– То, что там сидит, это гловоглаз. Творение Хаоса. Вымирающий реликт, оставшийся после Сопряжения Сфер, если ты знаешь, о чем я говорю». (Крещение огнем, с. 125 – 126).

«– У гловоглаза <...> невероятно чуткий и нежный слух. Ушей нет, а слышит он, я бы сказал, всем собой. Особенно он не переносит металлических звуков. Ему больно...». (Крещение огнем, с. 127).

ГЛУМЕЦ. Чудовище? нежить? Обитает в болотах. (Последнее желание, с. 49).

ГНОМЫ. Нелюди. Рост ок. 2 локтей. Письменность: идеограммы. Способны мирно сосуществовать с людьми. (Последнее желание, с. 48).

ГОБЛИНАИ. Нелюди. Ед.ч. «гоблинай». То же, что стукачи <см.>. (Башня ласточки, с. 252).

ГОБЛИНЫ. Здесь: нелюди, ассоциирующиеся с эльфами <см. «Эльфы»>. (Меч Предназначения, с. 506).

ГРАВЕЙР. Нежить-трупоед, редко встречающаяся крупная разновидность гуля <см. «Гуль»>. Малейшее повреждение при схватке с Г. ведет к заражению трупным ядом. (Последнее желание, с. 125).

«Гравейр – разновидность гулей. Он очень похож на гуля, но гораздо крупнее. Отличают его такие, как видишь, три костяных гребня на черепе. Остальное – как у любого трупоеда. Обрати внимание: когти короткие и тупые, пригодные для разгребания могил, доля рытья земли. Мощные зубы, которыми он дробит кости, и длинный тонкий язык, чтобы вылизывать из них разложившийся мозг и жир. Как следует провонявшее сало для гравейра – деликатес...». (Кровь эльфов, с. 133).

ГРЕМЛИН. Подземное чудовище, опасное для людей.

«<...> из навала сланца, в каких-то десяти шагах от Геральта, выскочила серая размытая фигура, заскребла по чьим когтям, дико подпрыгнула, пронзительно взвыла, а затем с визгом и хохотом помчалась по штрекам и нырнула в одну из зияющих в стене ниш. <...> Стандартная и любимая тактика гремлинов сводилась к тому, чтобы сбежать и устроить засаду, из которой они поражали преследуемого неожиданным ударом острых как серпы шпор». (Владычица озера, с. 127).

ГРИФОН. Чудовище, опасное для людей. (Последнее желание, с. 172).

ГУЛЬ. Нежить, пожирающая убитых на поле битвы, или трупы на кладбищах на следующий день после похорон. Естественной экологической ниши не имеет. (Последнее желание, с. 125).

«И гули на кладбищах, пожирающие покойников на следующий же день после похорон <...>». (Меч Предназначения, с. 370).

« – На живых гуль тоже падаст. Когда голоден или разъярен. Например, когда идет бой... Много погибших людей...

- <...> Как бороться с гулем, Цири?
- Серебряным мечом. На гуля действует серебро.
- Что еще?
- Яркий свет. И огонь». (Кровь эльфов, с. 132).

Д'АО. Существо, обычно обитающее в ином измерении. Представляет стихию земли. Будучи связанным заклятием, может по требованию человека (мага) передвинуть гору с места на место. (Последнее желание, с. 258).

Д'ЙИНИ. Существо, обычно обитающее в ином измерении и представляющее стихию воздуха. Аналог джинна. Обладает огромными магич. способностями. Связанный заклятием, Д. обязан выполнить 3 желания своего временного хозяина.

«Из кувшина, который во время возни упал на песок, вывалился светящийся красный дым. <...> Дым запульсировал и на уровне головы поэта собрался в неправильной формы шар. Потом превратился в карикатурную безносную голову с огромными глазами и чем-то вроде клюва. В голове было около сажени диаметра. <...> Чудовищная голова выкинула две ужасающие лапы и схватила барда за горло. <...> Воздух завыл, голова пыхнула дымом и резко выросла, удваиваясь в размерах. Жуткая пасть, тоже значительно увеличившаяся, раскрылась, защелкала и взвизгнула <...>». (Последнее желание, с. 225 – 226.).

ДАУКИ. Людское племя? племя нелюдей?

«<...> расшифровывал надписи на менгирах дауков <...>». (Последнее желание, с. 90).

ДВИМЕРИТ. Редкий металл, нейтрализующий магические способности. Обнаруживается только в самородной форме.

«Реданцы защекнули наручники на вывернутых за спину руках чародея. Террапова закричал, задергался, согнулся, захрипел в позыве рвоты. Геральт уже понял, из чего сделаны наручники. Это был сплав железа и двимерита, редкого минерала, обладающего свойством глушить магические способности. Такое глушение сопровождалось довольно неприятными для магов побочными явлениями». (Час презрения, с. 230).

ДВУСИЛ. Безвредное существо. Нелюдь?

«Иной просит, чтобы я прикончил двусила и принес кость от его руки, потому как если ее размолоть и добавить в похлебку, то вроде бы потенция усиливается». (Последнее желание, с. 170).

ДВУСТРЕЛ. Водное растение, используемое для изготовления галлюциногенов.

«<...> стеклянные сосуды, забитые спутанными стеблями галлюциногенного двустрела <...>». (Последнее желание, с. 217).

ДЕЛИХОН. Чудовище, довольно опасное для людей. (Владычица озера, с. 113).

ДЕТОЛАКИ. Людское племя? племя нелюдей?

«<...> проанализировал легенды и мифы детолаков». (Последнее желание, с. 90).

ДОМОВОЙ. Нежить, обитающая в людском жилье. По отношению к «хозяевам» далеко не всегда бывает настроен дружелюбно.

« – А ведь какая была тихая округа! Даже домовые – и те редко отливали бабам в крышки с молоком». (Последнее желание, с. 84).

« – И домовые еще! – добавил другой, солдат из местной стражи. – Коням гривы заплетают по стойлам, стальной!». (Последнее желание, с. 75).

ДОППЛЕРЫ. Нелюди, способные воспроизводить структуру и тем самым принимать облик любого ругого

существа, более или менее совпадающего с ними по массе тела.

« – Мимик копирует с такой точностью, что его невозможно отличить от оригинала, или от жертвы, которую он себе высмотрел. <...>

Допплеру достаточно внимательно присмотреться к жертве, чтобы мгновенно и безошибочно воспроизвести пужную структуру материи. Заметь, это не иллюзия, а абсолютно полное изменение. До мельчайших деталей. Каким образом мимики это делают, неизвестно. Чародеи предполагают, что тут действует та же составляющая крови, что и при ликантропии, но я думаю, это что-то совершенно иное либо же в тысячи раз более сильное. В конце концов, у оборотней всего две, самое большее – три ипостаси, а доплер может превращаться во что угодно, лишь бы более-менее точно совпадала масса тела. <...> Ну, в мастодонта, например, он не превратится. И в мышь тоже.

– Понимаю. А цепь, которой ты его связал, зачем?

– Серебро. Для ликантропа убийственно, у мимики, как видишь, только сдерживает трансформацию. Вот он сидит тут в присущем ему виде.

Допплер разлепил склеившиеся губы и зыркнул на ведьмака <см. «Ведьмак»> злыми мутными глазами, радужницы которых уже потеряли свойственный низушкам <см. «Низушки»> ореховый цвет и стали желтыми». (Меч Предназначения, с. 419).

«Как только с него спяли цепь, доплер расставил теснообразные лапы, пощупал нос и вытаращился на низушка. Отвисшая кожа на лице собралась и расцветилась. Нос уменьшился и втянулся в глумный чавканьем, на голом черепе выросли курчавые волосы. <...>

Последним у доплера изменился цвет глаз». (Меч Предназначения, с. 422).

« – Но штаны... Из чего он сотворил штаны? И жилетку?

– Его собственная измененная кожа. Не думаю, что он охотно отдаст штаны. Впрочем, они тут же потеряли бы свойство шерсти...». (Меч Предназначения, с. 423).

ДРАКОН. Рептилоподобное чудовище, пожирающее скот и нападающее на людей. Изрыгает пламя, иногда – пар или кислоту. В своей норе-пещере стережет награбленные сокровища. Кроме распространенных мелких разновидностей (см. «Летюга», «Вилохвост», «Ослизг») встречаются также более редкие и опасные экземпляры т.н. «истинных драконов» <см. «Истинный дракон»> – зеленые, черные, красные и почти легендарные золотые <см. «Зеленый дракон», «Черный дракон», «Красный дракон», «Золотой дракон»>.

«Слушай, два года тому назад кметы из какой-то захудалой дыры под Махакамом, у которых дракон пожирал овец, пошли скопом, забили его дубинами и даже не посчитали пужным похвалиться». (Последнее желание, с. 21).

« – <...> Ведь среди всех чудовищ дракон, пожалуй, самый вредный, самый жестокий и самый яростный. Самый что ни на есть отвратный гад. Нападает на людей, пышет огнем и похищает этих, как их, ну девиц, ежели такие найдутся. <...>

– Я не охочусь на драконов, – сухо сказал Геральт. – Вилохвостов, ослизгов, летюг. И на истинных драконов тоже – зеленых, черных, красных». (Меч Предназначения, с. 300).

« – Дракон, вероятно, спал в тех пещерах несколько столетий латаргическим сном. Слышал я о таких случаях. Там же, скорее всего, хранятся его сокровища». (Меч Предназначения, с. 308).

« – Скоро драконьего хвоста отведем. Ничего нету лучше, как драконий хвост, запеченный на углях». (Меч Предназначения, с. 318).

« — <...> Почему именно драконов ты считаешь основными врагами людей? Почему не других, во сто крат более страшных существ, на совести которых гораздо больше жертв, чем у драконов? <...>

— <...> Ни одно чудовище, кроме дракона, не может угрожать городу или крепости. Если драконов не уничтожить, люди ради безопасности станут распыляться, вместо того чтобы объединяться, потому как драконье пламя в густозастроенном поселке — это кошмар, это сотни жертв, это ужасающая гибель. Поэтому драконы должны быть выбиты до последнего, Доррегарай». (Меч Предназначения, с. 330).

ДРАКОН БЕЛЫЙ. Один из наиболее редко встречающихся видов истинных драконов. (Меч Предназначения, с. 301).

ДРАКОН ГОРНЫЙ. Редко встречающаяся разновидность драконов. Возм., то же, что «скальный дракон» <см.>.

« <...> невинность в наши дни встречается реже, чем горный дракон». (Последнее желание, с. 65)

ДРАКОН ЗЕЛЕНый. Самый распространенный вид истинных драконов. Окрас, скорее, серый. (Меч Предназначения, с. 301).

ДРАКОН ЗОЛОТОЙ. Самый редкий вид истинных драконов. Способен принимать любой облик, в т.ч. человеческий. Владеет человеческой речью, телепатией.

«Не больше чем в ста шагах от каменной горловины ущелья, из которого они только что вышли, у дороги, ведущей к северной части каньона, на куполообразном невысоком холме сидело существо. Оно сидело, изогнув правильной дугой длинную изящную шею, склонив узкую голову на выпуклую грудь, оплетая хвостом передние выпрямленные лапы.

Было в этом существе, в его позе что-то невообразимо грациозное, что-то кошачье, что-то противоречащее его явно змеиной родословной. Несомненно, змеиной. Ибо существо было покрыто слепящей глаза золотой чешуей с четким рисунком. Да, существо, сидящее на холме, было золотым — золотым от острых, зарывшихся в землю когтей до конца длинного хвоста, слегка шевелящегося меж покрывающих холмик растений. Глядя на них огромными золотыми глазами, существо расправило золотистые нетопырные крылья и так сидело, неподвижное, как бы требуя, чтобы им любовались.

— Золотой дракон, — шепнул Доррегарай. — Невероятно... Живая легенда!» (Меч Предназначения, с. 343).

ДРАКОН КРАСНЫЙ. Один из видов истинных драконов. Окрас, скорее, красновато-кирпичный. (Меч Предназначения, с. 301).

ДРАКОН СКАЛЬНЫЙ. Чудовище. Возм., то же самое, что «горный дракон» <см.>.

«Центральное, почетное место занимала отливающая старинной бронзой, подпорченная, с торчащей из дыр паклей голова скального дракона. <...>

— Его подстрелил мой дедуля <...>. <...> Пожалуй, это был последний дракон в округе, позволивший себя поймать». (Последнее желание, с. 55)

ДРАКОН ЧЕРНЫЙ. Один из видов истинных драконов.

«Больших драконов темно-коричневого цвета принято называть черными». (Меч Предназначения, с. 301).

ДРАКОНИД. Чудовище, дракон небольших размеров, нападающий, в основ., на скот. Напр., «вилхвост» <см.>, «летюга» <см.>, «ослизг» <см.>. (Последнее желание, с. 172).

ДРАКОПАХА. Морское чудовище, разбивающее и переворачивающее лодки. (Меч Предназначения, с. 482).

ДРАКОПТИЦА. Летающее чудовище, опасное для людей. (Меч Предназначения, с. 483).

ДРИАДЫ. Нелюди, обитающие в лесах. Представлены только женскими особями. Для размножения используют захваченных мужчин-людей. По ср. с людьми невысоки и худощавы. То же, что «Духобабы» <см.>.

«У пота дриад был запах растертых в руке листиков вербены». (Меч Предназначения, с. 523).

«Ни одна дриада никогда не причинит боли дереву топором или пилой. Они любят деревья. Но умеют делать так, что ветки растут, образуя домики». (Меч Предназначения, с. 544)

ДУБОЧУД. Ходячее дерево.

«Существо напоминало гигантское дерево, раскидистый вековой дуб, а может, оно и было дубом. Но очень уж дубом нетипичным.

Вместо того, чтобы позволять бегать по себе белочкам и гадить на себя коноплянкам, этот дуб резво вышагивал по лесу, мерно топал толстенными корнями и размахивал ветвями. Толстый ствол — или туловище? — чудища на глаз был саженой двух в диаметре, а зияющее в нем дупло было, пожалуй, не дуплом, а пастью, потому что чавкало со звуком, напоминающим хлопанье тяжелых дверей.

Хоть под его гигантским весом земля дрожала так, что было трудно удержать равновесие, существо мчалось по выбоинам и колдобинам удивительно ловко. И делало это не без цели.

На их глазах оно замахало ветками, свистнуло веточками и выловило из ямы спрятавшегося бандита так же ловко, как аист вылавливает из травы притаившуюся там лягушку. Оплетенный ветвями мерзавец повис в кроне, воя так пронзительно, что аж зубы пыли». (Башня ласточки, с. 291).

«Дубочуд услышал, радостно притопнул корнями и направился в их сторону». (Башня ласточки, с. 292).

ДУХОБАБА. Нелюдь, обитающая в лесах. То же, что дриада <см.>. Д. могут стать украденные в младенчестве человеческие дети. (Последнее желание, с. 170).

ЕДИНОРОГ. Существо, похожее на коня, но с рогом во лбу. Поймать его способна только девственница.

« — Давным-давно, когда еще жили единороги, существовала большая группа девушек, которые хранили девственность, чтобы иметь возможность их ловить». (Последнее желание, с. 171).

«Лошадка фыркнула и подошла на несколько шагов. Теперь Цири видела ее лучше. Настолько лучше, что кроме действительно непривычной масти сразу же заметила и страшные неправильности строения — маленькую головку, необычно стройную шею, тоненькие бабки, длинный и густой хвост. <...> Из выпуклого лба лошадки торчал рог длиной не меньше двух пядей». (Час презрения, с. 379).

ЕДИНОРОЖЕЦ. То же, что единорог <см.>. Животное, похожее на лошадь, но с рогом во лбу.

«Великозагадочно то, что единорожец, хотя ж небывало пуглив и любознателен есть, ежели такову девицу повстречает, коя еще с супругом телесно не общалась, незамедля пристанет к оной, преклонит колена и безо всякого страха главу свою ей на подол покладет. Говорят, в минувшие и древние времена такие девицы бывали, кои из способности таковой себе ремесло учиняли. В безбрачии и воздержании томнились лета многие, дабы ловчим аки манки на единорожцев служить могли. Однако же вскорости выявилось, что единорожец токмо к младым девицам пристаёт, старшими же пренебрегает. Разумным животным будучи, единорожец безошибочно понимает, что сверх меры в девицестве пребывать — вещь противная натуре и зело подозрительная». (Час презрения, с. 357).

ЖАГНИЦА. Чудовище, опасное для людей. Обитает в реках. На с. 134 встречается словосочетание «жагница-коромысло». (Последнее желание, с. 125).

« – Я имею в виду шершавое чудовище, длиной в две сажени, напоминающее обросший водорослями пенёк с делясь лапами и челюстями словно пилы.

– Описание оставляет желать лучшего с точки зрения научной точности. Может быть, какой-либо вид из семейства Nuphydridae?». (Кровь эльфов, с. 236).

«Вода взбурлила, и из нее с громким плеском выскочили две длинные, зеленые, шершавые лапы, усеянные шипами, словно конечности богомола. Лапы схватили стражника с гарпуном и мгновенно утащили под воду». (Кровь эльфов, с. 254).

« – Невероятно! – слышал он крик бакалавра. – Такое животное существовать не может! Во всяком случае, не должно!

«Полностью согласен с последним утверждением», – подумал ведьмак <см.>, тыча острой в твердый, усеянный шипами панцирь жагницы. <...> Жагница резко взмахнула плоским хвостом, нырнула на дно, вздымая тучи ила». (Кровь эльфов, с. 255).

« – Какой экземпляр, какой экземпляр! – быстро записывал возбужденный до предела Питт. – Головные хватательные конечности, четыре пары челюстепожек... Сильный хвостовой всер... Острые клещи...». (Кровь эльфов, с. 259).

ЖРЯК. Представитель водной речной фауны, питающийся рыбой. Может быть опасен для людей. (Последнее желание, с. 125).

ЗАГРЫЗЦЫ. Семейство представителей водной речной фауны. Питаются исключительно рыбами и мелкими земноводными.

«В книгах можно найти упоминание о подвиде Pseudohyphrydra, живущем в болотистых водах Ангрен. Однако в последнее время ученый Бумблер из Альдесберга доказал, что это совершенно самостоятельный вид из семейства Mordidae, иначе Загрызцев». (Кровь эльфов, с. 240).

ЗАРНИК. Растение, корень к-рого используется для приготовления лекарств (?).

«Торчащие из заглубленных в грунт ящиков серо-желтые, пестрые метелочки выдавали зарник – корень с сильными и универсальными лечебными свойствами». (Последнее желание, с. 217).

ЗВЕЗДОЛИСТНЫЙ ДОННИК. Растение, используемое для изготовления лекарств и магических эликсиров (?).

«Стены грота покрывали пятна звездлистного донника <...>». (Последнее желание, с. 216).

ЗМЕЕГЛАВ. Вымерший представитель водной речной фауны. Рыба. (Кровь эльфов, с. 237).

ЗУБАТКА КОРОЛЕВСКАЯ. Вымерший представитель водной речной фауны. Рыба. (Кровь эльфов, с. 237).

«**ИВОЛГА.** Эликсир, вылечивающий заражение группным ядом. (Кровь эльфов, с. 134).

ИГЕРН. Фэнтези. Чудовище, опасное для людей. То же, что сколопендроморф <см.>. По-эльфийски – Yghern.

« – Там, где есть один игерн, жди другого». (Меч Предназначения, с. 527).

ИГНИ. Фэнтези. Магический знак, складываемый пальцами рук. Вызывает огонь, пережигает пути, заделывает дыры в котелке, висящем над костром. (Меч предназначения, сс. 362, 514).

ИНОГ(А). Существо, опасное для людей. (Башня ласточки, с. 122).

ИНТЕРСЕКЦИЯ. Место на земной поверхности, где можно черпать магическую энергию (от стихии земли?).

« – <...> Будем продолжать поиски. Руку свободно вперед, не напрягай пальцев. <...>

– Жилы есть всюду?

– Почти. Ты научись их обнаруживать, находить на местности, распознавать такие точки. Их помечают высох-

шие деревья, карликовые растения, эти места обходят стороной все животные. Кроме кошек. <...> Кошки любят спать и отдыхать на пересечениях». (Кровь эльфов, с. 412).

« – <...> Ты чувствуешь, как сводит безымянный палец? Видишь, как он изгибается вниз? Запомни, это сигнал». (Кровь эльфов, с. 413).

ИРГЕН. Магический знак. Охранная функция? Чтобы снять его действие, необходимо произнести определенную магич. формулу. (Последнее желание, с. 38).

ИФРИТ. Существо, обычно обитающее в ином измерении, и представляющее стихию огня.

«Огненные столбы, пожары и взрывы – работа огненных ифритов...». (Последнее желание, с. 259).

ИЧТЫОВОРАХ BUMBLERI. Вид водной речной фауны семейства Mordidae <см. «Загрызцы»>.

«Представители этого вида питаются исключительно рыбами и малыми земноводными. Их называли Ichtyovorax Bumbleri». (Кровь эльфов, с. 240).

КАСТЕЛЬ ДЕ НЕФ. Марка виноградного вина. (Час презрения, с. 82).

КАТАКАН. Один из видов вампиров, к-рый не калечит жертву, а только сосет кровь. (Крещение огнем, с. 212).

КАЩЕЙ. Чудовище, опасное для людей. Здесь: насекомое, мутировавшее и принявшее гигантские размеры в результате магического воздействия.

«Шагах в ста от него, не дальше, показались из-за скалы узловатые суставы гигантских пауков ног. В следующий миг через груды камней перелезло с грохотом создание метров шести в длину – покрытое костяными шипами. Четыре пары ног размеренно переступали, волоча грузное тело по каменной осыпи. Пятая пара ног, необычайно длинных, вооружена была мощными рачьими клешнями, покрытыми рядами острых шипов». (Дорога, откуда не возвращаются, с. 211).

«Кашей был близко. Широко расставил передние лапы, клешни раздвинулись. Они видели, как вращаются на стебельках глаза чудовища, как раскрываются под ними серповидные челюсти». (Дорога, откуда не возвращаются, с. 212).

КВЕН. Магический знак, обороняющий против нежити.

«Геральт, чувствуя во рту железный привкус крови, выкинул вперед руку с пальцами, растопыренными в форме Знака Квен, и выкрикнул заклинание. Нетопырь, шипя, резко повернул <...>». (Последнее желание, с. 71).

КИКИМОРА. Чудовище? нежить? Внешне похожа на помесь паука с крокодилом. Обитает в болотах. Опасна для человека. Убивает, только будучи голодна.

«Он оставил без внимания приглушенный крик торговки овощами, уставившейся на костлявую, когтистую лапу, свисающую из-под попоны и подпрыгивавшую в такт шагам осла. <...>

– Господи, Геральт? Это что такое?

– Кикимора. Не будет ли за нее какой награды, милсдарь войт?

Кальдемейн переступил с ноги на ногу, глядя на паука, обтянутое черной высохшей кожей тело, на остекленевший глаз с вертикальным зрачком, на иглоподобные клыки в окровавленной пасти.

– Где... Откуда...

– На плотине, верстах в четырех от поселка. На болотах. Там, Кальдемейн, кажется, гибнут люди. Дети». (Последнее желание, с. 82 – 84).

КИЛЬМУЛИС. Чудовище, опасное для людей.

«Одно, притаившееся за спиной корреда <см. «Корред»>, судя по форме и общему облику, тоже было гуманоидом, но ростом пониже, сгорбленным и сильно походившим на обезьяну. Геральт знал, что это кильмулис». (Владычица озера, с. 136).

КНАКЕРЫ. То же, что стучаки <см.> (Башня ласточки, с. 252).

КОБОЛДЫ. Нелюди, носящие красные шапочки. Люди опасаются К. (Последнее желание).

КОБОЛЬДЫ. Нелюди, обитающие под землей. Опасны для горняков. См. тж «Стучаки». (Башня ласточки, с. 252).

КОКАТРИКСИЯ. Летающее чудовище, опасное для людей. То же, что «скоффин» <см.>. (Владычица озера, с. 60).

КОНИНХАЭЛЬ. Растение с лечебными и магическими свойствами.

«Он лежал в гроте, в лохани, полной воды из волшебных брокилонских источников, его укрепленные в шинах и на вытяжках конечности были опутаны плотным покровом из лечебных выюнов конинхаэли и побегов пурпурного окопника. <...> Он был в сознании, хотя те, кого лечили конинхаэлью, обычно чуть ли не трупом валяются, бредят, их устами говорит магия...». (Крещение огнем, с. 15).

«— Только дриады знают лекарства, способные так восстановить костную ткань. На твоих руках я вижу темные точки, места, в которые проникали корешки конинхаэли и симбиотические побеги пурпурного окопника. Конинхаэлью умеют пользоваться только дриады <...>». (Крещение огнем, с. 183).

КОППЕР. В г. Новивград — денежная единица, часть местной кроны. (Меч Предназначения, с. 427).

КОРЕЦ. Мера веса? объема? в г. Новивград. Применяется, напр., при оценке кол-ва кошенили. (Меч Предназначения, с. 425).

КОРНЕЖОМ. Растение, обладающее лечебными свойствами.

«<...> корнежом нейтрализует токсины, очищает кровь, испорченную гангреной либо заражением». (Меч Предназначения, с. 609).

КОРОТЫШИ. Нелюди-карлики, на головах к-рых растет шерсть. (Дорога, откуда не возвращаются, с. 204).

КОРРЕД. Чудовище, опасное для людей.

«КОРРЕД, чудовище из многочисленного семейства Stigoformes (см.), в зависимости от региона именуемый также корриганом, руттеркином, румпельштыльцем, кренчиком либо месмером. Одно о нем можно сообщить — вреден до невозможности. Это такой, прямо сказать, дерьмогнусник, такой сучий хвост, что ни о внешности евойной, ни об обычаях писать мы не станем, поскольку истинно говорю вам: жаль слова тратить на эту дрянность.

Physiologus». (Владычица озера, с. 109).

«Умея пользоваться аппаратом легких, диафрагмой, трахеями и гортанью, эти существа не до конца владели аппаратом артикуляционным даже в тех случаях, когда их губы, небо и язык имели строение полностью подобное человеческому. У выговариваемых такими существами слов был не только странный акцент и интонации, они вдобавок содержали звуки, неприятные для человеческого уха — от твердых и шелкающих до шипящих и скользко мягких. <...> Мрак словно сгустился в одном месте и принял человеческий, в общих чертах, облик. Существо, казалось, ни мгновения не оставалось в одной и той же позе, не стояло на месте. Оно изменялось постоянно, проделывая быстрые перенные мерцающие движения». (Владычица озера, с. 136).

КОРРИГАН. Чудовище, опасное для людей. То же, что «корред» <см.>. (Владычица озера, с. 109).

КОТЕ-ДЕ-БЛЕССЮР. Сорт красного виноградного вина, изготавливаемого в княжестве Туссент. (Владычица озера, с. 68).

КОТОЛАК. Существо, способное приносить людям не-

приятности. Возм., оборотень, превращающийся в кота. (Последнее желание, с. 190).

КРАБАЛЛОН. Чудовище? животное? Обитает в море.

«Рыбаки приносят разных чудовищ, осьминогов там, крабаллонов, каракотов, на этом многие заработали». (Последнее желание, с. 85).

КРАПАУК. Ядовитое чудовище, обитающее в пустыне. Опасно для людей. (Час презрения, с. 369).

КРАСНОЛЮДЫ. Нелюди. Способны мирно сосуществовать с людьми. Возможно, в славянской мифологии нет таких персонажей — тогда стоит предположить, что Сапковский придумал их на роль ксенофобной «лакмусовой бумажки», какую в нашей реальности играют рыжие или евреи.

«Серьезные купцы спорили с краснолюдами относительно цен на товары и процентов кредита». (Последнее желание, с. 98).

«Краснолюды, если у них что-то не получается, причитают: «Дюввел хоел», а скверный товар называют «дюввелшайсс». (Последнее желание, с. 185).

«Она ткнула его костяшками кулака в глаз и бросила прямо в лицо целую гроздь оскорблений, которых не постыдился бы краснолюдский могильщик, а краснолюдские могильщики были несравненными охальниками». (Последнее желание, с. 269).

«Рядом, скрестив руки на груди — плотный бородатый краснолюд в лисьей шубе, кольчуге и шлеме с бармицей из железных колец». (Последнее желание, с. 279).

«А потом раздумал: ну его, снова шум пойдет, мол, краснолюды зловерные, агрессивные, мол, сукины дети, и с ними невозможно это, ну как его, состу... стосуществовать... или как там. И обратно где-нито учинят погром, в городишке каком-нибудь». (Меч Предназначения, с. 315).

«А кого мы видим здесь? Краснолюдов, кои есть поганцы, рождаются в темнотах и темным силам поклоняются!». (Меч Предназначения, с. 340).

«Развевая бородами, краснолюды рванулись к скалам со скоростью, поразительной при их коротких ногах». (Меч Предназначения, с. 360).

«Потому что хоть и очень уж забавным было предположение, будто кто-нибудь еще, кроме краснолюдов, мог польститься на исключительно непривлекательных краснолюдов, тема была далеко не безопасной для ехидства и шуток, особенно в присутствии невысоких, кряжистых и бородатых типов, топоры и палаши которых отличались малопривлекательным свойством мгновенно выскакать из-за поясов. А краснолюды по неведомым причинам свято верили в то, что весь мир только того и ждет, как бы прихватить их жен и дочерей, и в этом смысле были невероятно возбуждены и обидчивы». (Кровь эльфов, с. 26).

КРЕНЧИК. Чудовище, опасное для человека. То же, что «корред» <см.>. (Владычица озера, с. 109).

КРИПТОФИГИЯ. Водное растение, используемое для приготовления лекарств и магич. эликсиров.

«<...> стеклянные сосуды, забитые <...> стройными темно-зелеными криптофигиями <...>». (Последнее желание, с. 217).

КРУПНОЖВАЛЬЧАТЫЕ. Класс членистоногих представителей чудовищной водной речной фауны. См. «Жагница». (Кровь эльфов, с. 256).

КРЫСОЛАК. Существо, опасное для людей. Оборотень, превращающийся в крысу? (Меч Предназначения, с. 328).

КСЕНОГЛОЗ. Магический прибор аудиосвязи в виде маленькой серебряной коробочки. (Башня ласточки, с. 411).

КУРКУМ. Водное растение, используемое для приготовления лекарств и магич. эликсиров. Паразитирует на глубине <см. «Вглубка»>. (Последнее желание, с. 217).

КУРОЛИСК. Летающее чудовище, опасное для людей. То же, что «скоффин» <см.>. (Владычица озера, с. 60).

КЭЛПИ. То же, что морщинаец <см.>. (Башня ласточки, с. 26).

ЛАМИЯ. Чудовище, опасное для людей. Разрывает их на части. Обитает в пустыне. (Кровь эльфов, с. 146).

ЛАМИЯ ШИПОВАТАЯ. Тип кнута, причиняющего зверские увечья.

«В большинстве известных Геральту стран изготовление и владение шиповатой ламией, именуемой еще майенским батоном, было строго запрещено. <...> Геральт видел людей, которых хлестнули ламией по лицу. Эти лица невозможно было узнать». (Меч Предназначения, с. 431).

ЛЕГВАН БЕЛЫЙ. Животное, кожа к-рого идет на изготовление дорогой обуви, вследствие чего Л.б. угрожает вымирание. (Час презрения, с. 179).

ЛЕПРЕКАУНЫ. Здесь: нелюди, обитающие в лесах. (Меч Предназначения, с. 551).

ЛЕСНОЙ ПЛАКАЛЬЩИК. Существо, воющее ночью в лесу. (Башня ласточки, с. 123).

ЛЕСОВИК. Чудовище? нежить? Опасен для человека. (Последнее желание, с. 22).

ЛЕТЮГА. Летающее чудовище-драконид. Сосет у коров молоко. (Последнее желание, с. 170).

ЛЕШИЙ. Существо, могущее быть опасным для людей, но в основном причиняющее неприятности скоту и домашней птице. См. тж «Рокита», «Сильван». (Последнее желание, с. 23).

ЛИКАНТРОПИЯ. Способность оборачиваться волком. Обуславливается особой составляющей в крови. (Меч Предназначения, с. 419).

ЛИНТАР. Денежная единица в королевстве Каингорн. (Меч Предназначения, с. 295).

ЛИСТОНОС. Существо, опасное для людей. Обитает как на земной поверхности, так и в пещерах.

«Сверху, из-под купола, долетало хлопанье перепончатых крыльев и шипящий хохот, безошибочно сигнализирующий о присутствии листоносов <...>». (Башня ласточки, с. 260).

МАЙЕНСКИЙ БАТОГ. Тип кнута. То же, что ламия шиповатая <см.>. (Меч Предназначения, с. 431).

МАМУН(А). Кладбищенская нежить? Зловредное существо, из-за которого пьяный человек не может добраться до дома. (Последнее желание, с. 175).

МАНТИХОР. Чудовище, опасное для людей. Имеет жало, к-рым может пырнуть. (Последнее желание, с. 125).

«Несмотря на опускающиеся сумерки, через головы любопытных увидел, как солдаты поднимают огромную бледно-желтую тушу. Крылья летучей мыши и скорпионий хвост чудовища бессильно волочились по земле». (Час презрения, с. 20)

МАРЕНА. Вымерший представитель водной речной фауны. Рыба? (Кровь эльфов, с. 237).

МАРИД. Существо, обычно обитающее в ином измерении, и представляющее стихию воды.

«Гигантские волны и катастрофические проливные дожди, несомненно, дело рук маринов». (Последнее желание, с. 259).

МГЛЯК. Чудовище, опасное для людей. (Последнее желание, с. 125).

МЕГАСКОП. Магич. прибор аудиовидеосвязи. Для изготовления М. необходим оч. крупный бриллиант. (Башня ласточки, с. 319).

МЕСМЕР. Чудовище, опасное для человека. То же, что «корред» <см.>. (Владычица озера, с. 109).

МИМИКИ. Нелюди, способные воспроизводить структуру и тем самым принимать образ любого другого суще-

ства, с которым более или менее совпадают по массе тела. То же, что дошлеры <см.>. (Меч Предназначения, с. 416).

МНОГОНОГ. Чудовище, созданное магией.

«Несколько его созданий до сих пор бродят по свету, в том числе и самый последний, многоног, что убил Алзура и разрушил половину Марибора, прежде чем сбежать в леса Заречья». (Дорога, откуда не возвращаются, с. 207).

MORDIDAE. Семейство представителей водной речной фауны. То же, что Загрызцы <см.>. (Кровь эльфов, с. 240).

МОРЩИНЕЦ. Морское существо, в обычном состоянии похожее на спутанный клубок трав, но способное принимать облики красивейшего жеребца, дельфина и даже очаровательной женщины. (Башня ласточки, с. 26).

МУЛЯ. Нежить, разновидность вампира. Способна выдерживать солнечный свет. Пьет кровь, но не калечит жертву. (Последнее желание, с. 70).

МЫШЕХВОСТЫЙ ЯТРЫШНИК. Растение, используемое для приготовления лекарств и магических эликсиров.

«<...> тигрино-полосчатые пластинки мышехвостого ятрышника». (Последнее желание, с. 216).

НАЖЕМПИК. Чудовище из числа не самых опасных для людей. (Владычица озера, с. 113).

НЕГОДАЙЩИК. Кладбищенская нежить.

«Ежели в теплый час, для примера, в негодайшиковой могиле копать, то выскочит оттодова негодайщик разозленный и копальщика сожрет». (Башня ласточки, с. 428).

НЕРЕИДЫ. Нелюди, обитающие в море. Могут представлять угрозу для людей. (Меч Предназначения, с. 486).

НИЗУШКИ. Нелюди, способные сосуществовать с людьми. Возможно, Сапковский в образе низушков спародировал хоббитов Толкина. (Последнее желание, с. 186).

«<...> сидел пухлощекый кудрявый низушек в фисташково-зеленой жилетке. <...> При виде Лютика и Геральта низушек замер, раскрыв рот, а его огромные орехового цвета глаза расширились от страха». (Меч Предназначения, с. 412).

«- О! - произнес Даинти, нервно перебирая волосатыми ногами, на пол-локтя не достающими до пола». (Меч Предназначения, с. 414).

НИМФЫ МОРСКИЕ. Нелюди, обитающие в море. Могут представлять опасность для людей. (Меч Предназначения, с. 486).

НИТОЧНИК. Водное растение, внешне напоминающее спутанный клубок. Используется для изготовления лекарств и магич. амулетов. (Последнее желание, с. 217).

НОБЕЛЬ. Денежная единица в г. Горс Велен. (Час презрения, с. 84).

НОСФЕРАТ. Один из типов вампиров, к-рый не калечит жертву, а только пьет кровь. (Крещение огнем, с. 212).

НОЧНИЦА. Существо, чарами воздействующее на плод в утробе матери. Вместо ребенка рождается упырь с железным зубом.

«<...> ты не убивашь <...> ночниц - потому что миленькие <...>». (Меч Предназначения, с. 464).

ОБЛАЧНИК. Существо, вредоносное для людей. (Кровь эльфов, с. 223).

ОБОЕНОГИЕ. Отряд речных чудовищ. Научн. название - Amphipoda. Из семейства Nuphydridae <см. «Гифидра»>.

«Семейство Nuphydridae, входящее в отряд Amphipoda, или Обоеногих, охватывает четыре известных науке вида. Два из них живут исключительно в тропических водах». (Кровь эльфов, с. 240).

ОБОРОТЕНЬ. Человек, который может превращаться в животное и нападать на людей. (Последнее желание, с. 15).

«В конце концов, у оборотней всего две, самое большое – три ипостаси <...>». (Меч Предназначения, с. 419).

ОПЕН. Денежная единица в королевстве Темерия. Склонна к девальвации. (Последнее желание, с. 15).

ОСЛИЗГ. Драконид <см> серого цвета. Наносит урон скоту. Опасен для людей. Ни один боец не может парировать удара, к-рый О. наносит хвостом. Отдельные особи достигают размеров истинных драконов. (Меч Предназначения, с. 300).

ОТВЕРТ. Зловредное существо, из-за которого пьяный человек не может добраться до дома. (Последнее желание, с. 175).

ПАКИ. Нелюди, обитающие в лесах. «Пак» – явное заимствование из Шекспира. (Меч Предназначения, с. 527).

ПАПЕРНИК. Растение, обладающее лечебными и магич. свойствами? (Меч Предназначения, с. 609).

ПЕЩЕРНЫЙ ГРИБОК. Гриб, обладающий магич. свойствами.

« – Ее кормят легендарными пещерными грибами <...>. Девочка развивается быстро, набирается сатанинской, ведьмачьей кондиции. Естественным путем, без мутаций, без риска, без гормональной революции». (Кровь эльфов, с. 87).

ПИВОГРАД. Растение, способное нейтрализовать любой известный токсин или яд. (Последнее желание, сс. 216 – 217).

ПИЛОРЫТКА. Растение, используемое для приготовления лекарств и магич. эликсиров?

« <...> темные стрелки пилорытки». (Последнее желание, с. 216).

ПЛАВУН. Нежить, утопленник, обитающий в море и опасный для людей?

« <...> это вроде каких-то морских утопцев-плавунов... Против них есть средства. Слышал я, один чародей вмиг расправился с плавунами на озере Моква. Влил в воду баррель магического фильтра – и каюк плавунам». (Меч Предназначения, с. 506).

ПЛАНЕТНИК. Существо, манипулирующее погодными условиями для погубления урожая. См. тж «Потучник». (Последнее желание, с. 190).

ПЛАСКУН. Чудовище, опасное для людей. Обитает в загаженных рвах и стоках. (Меч Предназначения, с. 370).

ПЛЕШНИЦА. Чудовище, опасное для людей. (Владычица озера, с. 61).

ПОДВОЙНЯКИ. Нелюди, способные копировать материальную структуру и тем самым принимать облик любого существа, более или менее совпадающего по массе тела. То же, что доплеры <см.>. (Меч Предназначения, с. 417).

ПОЛИМОРФИЗМ. Магич. искусство изменения облика, возм., и структурных изменений.

«Магичкой она была очень способной. Молва гласила, что она была одной из немногих, владеющих искусством полиморфизма.

Выглядела она лет на тридцать. В действительности же ей было никак не меньше трехсот». (Кровь эльфов, с. 271)

ПОЛТЕРДУКИ. То же, что стучаки <см.>. (Башня ласточки, с. 252).

ПОМИНО. Сорт виноградного вина, изготавливаемого в княжестве Туссенг. (Владычица озера, с. 67).

ПОРЧУН. Существо, насылающее порчу, из-за к-рой человек покрывается коростой. (Последнее желание, с. 175).

ПОТУЧНИК. Существо, манипулирующее погодными условиями с целью погубления урожая.

« – Потучники и планетники разные. Энти дождем льют, энти востер всют, энти моланьи мечут. Ежели пожелаешь урожай от их ухрать, возьми нож железный, по-

вый, помету мышиною три лота, сала серой цапли...». (Последнее желание, с. 190).

ПРИВИДЕНИЕ. Нежить.

« – Привидения! – сказал один. – Да, да, староста верно глаголет. Бледная девка по хатам ходит на заре, а дстишки оттого мрут!». (Последнее желание, с. 175).

ПРУДОВИК. Чудовище, обитающее в мельничных прудах. (Меч Предназначения, с. 370).

ПРЫСКИРНИК. Чудовище, очень опасное для человека.

«Первый слегка заскреб когтями, словно гигантский паук, замер, перебирая многочисленными конечностями. Прыскирник». (Владычица озера, с. 136).

PSEUDO-HYPHYDRA. Представитель водной речной фауны, ошибочно относящийся нек-рыми учеными к семейству чудовищ Hyphydridae <см. «Гифидра»>, а на самом деле представляющий семейство Mordidae. Правильное название вида – Ichtyovogah.

«В книгах можно найти упоминание о подвиде Pseudohyphrydra, живущем в болотистых водах <...>». (Кровь эльфов, с. 240).

ПСИХОКИНЕЗ. Перемещение материальных предметов усилием воли с помощью магической энергии. (Кровь эльфов, с. 418).

ПУРПУРНЫЙ ОКОПНИК. Растение с лечебными свойствами. Растет только в лесу Брокилон. Симбиотические побеги П.о. проникают в человеческое тело и способствуют быстрой регенерации костной ткани. (Крещение огнем, с. 183).

ПУСТЕЛЬНИКИ. То же, что стучаки <см.>. (Башня ласточки, с. 252).

ПУСТОГЛАВ. Растение, используемое для изготовления лекарств и магич. эликсиров?

« <...> из гигантских горшков выпирали плотные шары пустоглава <...>». (Последнее желание, с. 216).

РЕГУЛЮС. Чудовище, опасное для людей. То же, что «василиск» <см.>. (Владычица озера, с. 60).

РИГГЕР. Обоеполое чудовище, опасное для людей. Обитает на свалках отбросов.

«В десяти шагах от него куча отбросов неожиданно взгорбилась и заколебалась. Ведьмак <см.> вскочил прежде, чем до него дошла волна вони, исторгнутой из порушенного скопища мусора и отбросов.

Оканчивающееся веретенообразным утолщением шипастое щупальце, неожиданно вырвавшееся из-под мусора, устремилось к нему с невероятной скоростью. Ведьмак мгновенно запрыгнул на останки разбитого шкафа, балансирующие на куче гнилых овощей, удержал равновесие, одним коротким движением меча рассек щупальце, отрубив палицеобразную присоску. <...>

Куча словно взорвалась, вверх взвились густая вонючая жижа, черепки горшков, прогнившие тряпье и бледные питочки квашеной капусты, а из-под них вырвалось огромное веретенообразное, бесформенное, как гротескная картофелина, тело, стегающее воздух тремя щупальцами и култей четвертого. <...> «Картофелина» двинулась к нему, пропахивая борозду, словно влекомая силой бочка.

Он увидел, как она лопается, разевая широкую пасть, заполненную огромными неровными зубами.

Он позволил щупальцам схватить себя и, с чавканьем вырвав из смердящего месива, потащить к телу, вращательными движениями вгрызающемуся в помойку. Зубастая пасть дико и яростно зачавкала. Оказавшись рядом с жуткой пастью, ведьмак ударил мечом, ухватившись за него обеими руками, сталь вошла плавно и мягко. От тошнотворно сладкой вони перехватило дыхание. Чудище зашипело и задергалось, щупальца отпустили добычу, конвульсивно задергались в воздухе. <...> Существо забулькало

и осело, но тут же раздулось, шипя, брызгая на ведьмака вонючим месивом. Нашупав опору отчаянными движениями увязающих ног, Геральт вырвался, бросился вперед, расталкивая отходы грудью, словно пловец воду, рубанул изо всей силы сверху, всем весом навалился на острие, входящее в тело чудища между фосфоресцирующими белыми глазницами. (Меч Предназначения, с. 367 – 368).

« – Что там такое было, на свалке?

– Думается, риггер». (Меч Предназначения, с. 369).

РОГОЛИСТНИК. Водное растение, используемое для приготовления лекарств и магич. эликсиров. (Последнее желание, с. 217).

РОКИТА. Существо, приносящее неприятности людям. Ассоциируется с лешим, силваном <см. «Сильван»> и даже с чертом. (Последнее желание, с. 191).

РУБАЙЛЫ. Нелюди? Люди – профессиональные бойцы с драконами и драконидами <см. «Драконид»>? (Меч Предназначения, с. 310).

РУБЕЗААЛИ. Ед.ч. «рубезааль». То же, что стукачи <см.>. (Башня ласточки, с. 252).

РУМПЕЛЬШТЫЛЬЦ. Чудовище, опасное для людей. То же, что «корред» <см.>. (Владычица озера, с. 109).

РУСАЛКА. Утонувшая и превратившаяся в нежить женщина (девушка?). Ворует детей.

« – Твоя Версена, – сказал он, – скорее всего русалка. Знаешь?

– Подозреваю. Худенькая. Черненькая. Говорит редко, на языке, которого я не знаю. Не ест человеческую пищу. Целыми днями пропадает в лесу, потом возвращается. <...> Знаешь, как русалки избегают людей. Мало кто видел русалку вблизи». (Последнее желание, с. 67).

РУТТЕРКИН. Чудовище, опасное для людей. То же, что «корред» <см.>. (Владычица озера, с. 109).

РУХ. Редко встречающееся летающее чудовище, опасное для людей. (Меч Предназначения, с. 483).

РЫБОТВОРЫ. Нелюди, обитающие в море. Могут представлять опасность для людей. Палцы рук длиннее человеческих. Знают секрет обработки металлов.

«Новое существо выпрыгнуло из воды, рассекая воздух кривой саблей, которую держало зеленой шершавой лапой. <...> Ростом оно было с Геральта, вода тоже доходила ему до пояса, но внушительно торчащий на спине гребень и раздувшиеся жабры делали его крупнее Геральта. Гримаса, искривившая широкую зубастую пасть, поразительно напоминала жуткую ухмылку. <...> Он глядел в глаза чудовища, но это были опалесцирующие рыбы глаза с капельками радужниц, поблескивающие холодом и металлом». (Меч Предназначения, с. 495).

«Геральт оглянулся и увидел, как из моря выскакивают многочисленные рыботворы, как кидаются в погоню, ловко прыгая на мускулистых ногах». (Меч Предназначения, с. 496).

РЮЙС. Мера веса? объема? в г. Новиград. Применяется, напр., при оценке кол-ва коры мимозы. (Меч Предназначения, с. 425).

САПФИРНОЕ ВИНО. Алкогольный напиток.

«Рассказывал о <...> вкусе и удивительных свойствах сапфирного вина, именного «Черр» <...>». (Меч Предназначения, с. 512).

СВИТЕЗЯНКА. Существо, обитающее в озерах. (Башня ласточки, с. 442).

СИГЛЬ. Магический предмет (не амулет!), к-рый можно спрятать под одеждой. (Башня ласточки, с. 139).

СИЛЬВАН. Сатиropодобое существо, приносящее неприятности людям.

«У существа были вытупленные глаза, козыи рога и борода, и росту в нем было чуть больше сажени. Губы, подвижные, рассеченные и мягкие, тоже наводили на мысль о

жующей козе. Нижнюю часть его тела по самые раздвоенные копытца покрывали длинные, густые, темно-рыжие волосы. Кроме того, у него был длинный, оканчивающийся метелкой хвост, которым оно энергично размахивало.

– Ук! Ук! – гукнул чудик, переступая копытцами. – Ну чего надо? Прочь! Прочь! На рога возьму! Ук, ук!». (Последнее желание, с. 186).

СИЛЬФИДЫ. Нелюди. Обитают в лесах? (Меч Предназначения, с. 527).

СИРЕНЫ. Нелюди, морские русалки, имеющие вид прекрасных женщин, но с рыбим хвостом и плавниками. Могут дышать воздухом. Мечут икру, из к-рой появляются мальки. Речь представляет собой певучую версию языка эльфов <см. «Эльфы»>.

«Сирена выпрыгнула из воды до половины тела и бурно, резко захлопала ладонями по поверхности. Геральт отметил, что у нее красивая, прямо-таки идеальная грудь. Эффект портил лишь цвет – темно-зеленые соски, а ореолы вокруг них лишь чуть-чуть светлее. Ловко подстраиваясь к набегающей волне, русалка изящно выгнулась, встряхнула мокрыми бледно-зелеными волосами и мелодично запела». (Меч Предназначения, с. 457).

«Сирена затрепыхалась и нырнула, сильно изогнув хвост и вспенив воду узким плавником, напоминающим плавник султанки». (Меч Предназначения, с. 458).

СКАРБОНИКИ. То же, что стукачи <см.>. (Башня ласточки, с. 252).

СКАРЛЕТИЯ. Чудовище, обитающее в пустыне. Опасно для людей. (Час презрения, с. 369).

СКОЛОПЕНДРОМОРФ. Чудовище, опасное для людей. (Последнее желание, с. 134).

«В каких-нибудь пяти шагах от нее, медленно раздвигая траву, что-то двигалось. В этом темно-коричневом «что-то» было около двух сажен длины. В первое мгновение Геральт подумал, что это змея. Но увидел желтые, подвижные, крючкообразные конечности, плоские сегменты длинного туловища и понял – не змея. Гораздо хуже. <...>. Гигантская многоножка приподняла над травой длинные дрожжащие сяжки, ловила ими запах и тепло.

– Не двигайся! – рявкнул ведьмак и топнул, чтобы привлечь внимание сколопендроморфа. Но многоножка не отреагировала, она уже учуяла запах близкой жертвы. Чудовище пошевелило конечностями, свернулось буквою «S» и двинулось вперед. Его ярко-желтые лапы равномерно, словно весла галеры, мелькали в траве. <...> Сколопендроморф зашелестел в траве, задрожал конечностями и кинулся на него, подняв передние сегменты и клацая челюстями, блестящими от покрывающего их яда. Геральт заплесал, перескочил через плоское туловище и с полуборота рубанул мечом, целясь в незащищенное место между броневыми плитками на туловище. Однако чудовище оказалось очень прытким, меч ударил в хитиновый панцирь, не разрубив его, – толстый ковер мха самортизировал удар. Геральт отскочил, но недостаточно ловко. Сколопендроморф с чудовищной силой обернул заднюю часть тела вокруг его ног». (Меч Предназначения, с. 525 – 526).

СКОРОЦЕТ. Растение, используемое для приготовления лекарств и магич. эликсиров?

«Он узнавал мясистые, с толстыми прожилками листья скороцета <...>». (Последнее желание, с. 216).

СКОФФИН. Летающее чудовище-орниторептилия <см. «Орниторептилия»>, опасное для людей. Орлиный клюв, размах крыльев более 4 футов. Обычно нападает сзади, целится точно между позвонков либо под левую почку. То же, что «куролиск», «кокатриксия» <см.>.

«Бестия пролетела мимо, отбилась от кровли, будто мяч, махнула крыльями и прыгнула вновь, шипя и разевая жуткий клюв. <...>

Скоффин вскрикнул, и был этот крик почти человеческий. Скоффин метался среди битых кирпичей, размахивал и молотил крыльями, брызгал кровью, разваливая все вокруг себя хлыстообразным хвостом». (Владычица озера, с. 59).

СКРЕКК. Название крысы на эльфийском языке? Огромная крыса с кровавыми глазами, страшными зубами и с хвостом в три локтя длиной? (Владычица озера, с. 392).

СЛЕЗЛИВИЦА. Существо, крадущее детей и подкидывающее взамен найденшей – возм., нелюдей. (Башня ласточки, с. 428).

СОЛЬПУГА. Чудовище, опасное для людей. Плюется едкой жидкостью.

«— Почудилось нам, что в тех ямах чудит какой-то чудовищ, видать, из земных глыбей прилежший. Двух человек изжег, до костей им телеса изжарил, а одного ослепил, понимаешь, потому как он, чудовищ, значит, плюется и рыгается каким-то жручим щелоком или щелочью.

— Сольпуга, — кратко определил Геральт. — Также ядницей именуемая». (Владычица озера, с. 82).

СТАВИКРОВ. Растение, используемое для приготовления лекарств и магич. эликсиров.

«Видел прильнувший к каменным глыбам перистый мох ставикрова <...>». (Последнее желание, с. 216).

СТРЫГА. Чудовище, опасное для людей. (Последнее желание, с. 125).

СТУЧАКИ. Нелюди, обитающие преимущественно под землей. Опасны для горняков.

«СТУЧАК, он же кнакер, гоблиный, полтердук, шеенос, рубезааль, скарбоник либо пустельник, — есть разновидность кобольда, коего все же размероростом и силою значительно превосходит. Обычно С. носят бородачи преогромадные, кои кобольды носить не обвыкли. Обитает С. в штольнях, шахтах, развалинах, пропастях, темных ямах разнотельных, внутри скал, во всяческих гротах, пещерах и каменных пустовинах. Там, где он обретается, навряд ли в земле богатства сокрыты, каковые: золото самородное, руды, меловиша, соль либо каменное масло, сиречь нефть. Потому ж С. зачастую в выработках встретить можно, особливо покинутых, но и в действующих любит он показываться. Злостный шкодник, проклятие и истинная кара Господня для подземных рудокопов, коих распоясавшийся С. водит за нос, постукиванием по камню манит и пугает, ходки заваливает, горняцкое имущество и всяческий скот крадет и портит, да и частенько из-за угла в лоб палкою дать может.

Однако же подкупить его можно, дабы не безобразничал сверх меры, положивши где-нито на ходке темном либо в шахте хлеб с маслом, сырок козий, кусок копченой вепрятины. Но лучше всего шклянку первача, ибо на таковой С. до чрезвычайности лаком и падох». (Башня ласточки, с. 252 — 253).

«Стучак. Кряжистый, пузатый, косматый, кривоногий, шириной в плечах, пожалуй, с сажень, с рыжей бородой, которая была еще шире.

Приближение стучака сопровождало сотрясение почвы, словно приближался не стучак, а першерон. Ороговевшие широкие ступни чудища были по полтора фута длиной каждая». (Башня ласточки, с. 261 — 262).

СУЛТАНОХВОСТКА. Вымерший представитель водной речной фауны. Рыба? (Кровь эльфов, с. 237).

ТОПЛЯК. Утонувший и превратившийся в опасную нежить человек? (Последнее желание, с. 15).

ТРЕХВОСТКА. Тип кнута. То же, что ламия шиповатая <см.>. (Меч Предназначения, с. 431).

ТРИТОНЫ. Нелюди, обитающие в море. Могут представлять угрозу для людей. (Меч Предназначения, с. 486).

ТРОЛЛИ. Нелюди. Строят мосты и берут пошлину за проход и проезд по ним. Опасны для людей.

«Под мостом сидит тролль, с каждого прохожего и проезжего требует пошлину. Тому, кто отказывается, переламывает ногу, а то и две. Ну иду к солтысу — сколько дадите, спрашиваю, за этого тролля. Солтыс от изумления даже рот разинул. То есть как, спрашивает, а кто будет мост чинить, ежели тролля не станет? Тролль заботится о мосте, регулярно починяет, в поте лица, солидно, на совесть. Выходит, дешевле получается отваливать ему пошлину». (Последнее желание, с. 170).

ТРОЛЛИ ГОРНЫЕ. Нелюди, опасные для людей.

«<...> Йеннифер располагала еще более интересным собранием, содержащим даже невероятных размеров фаллос, взятый, кажется, от горного тролля». (Меч Предназначения, с. 383).

УПЫРЬ. Умерший человек, из-за брошенного заклания превратившийся в опасную нежить. По ночам выходит из гроба и пожирает людей. В ночи полнолуния особенно кровожаден. Обладает огромной физич. силой, передвигается с невероятной быстротой.

Предлагаемые способы борьбы с У.: сожжение, отрубание головы, вбивание осиновых кольев в различн. части тела. Для У, как и для большинства чудовищ, вызванных к существованию заклятием, убийственно серебро: оно причиняет им боль; прикончить У. можно серебряным клинком. Колдовство с У. обычно снимается, если третьи петухи застанут его вне гробницы. Впрочем, иногда требуется три ночи подряд удерживать У. до третьих петухов, а бывают и случаи вовсе безнадежные. Женск.: «упыриха», «упырица».

«Ну а тут Адда возьми и роди, в положенное время, а как же. А теперь слушай, потому как тут-то и началось. Того, что выродилось, почти никто и не видел. Ну, там одна повитуха выскочила в окно из башни и убила насмерть, другая спятила и до сих пор не отошла. Потому-то я и думаю, что ребеночек, дитятко королевское, не из красавцев выдался. Девчонка. Впрочем, она тут же померла, никто, сдастся мне, особо не спешил пуповину перевязывать». (Последнее желание, с. 16).

«Адда родила упырицу, потому что спала с собственным братом, вот в чем суть, и никакие чары тут не помогут. Упырица пожирает людей, как... упырица, и надобно ее прикончить, нормально и попросту. <...> А мы тут, в Вызиме, ожидаем чуда каждое полнолуние и запираем двери на семь засовов или же привязываем к столбу перед дворцом преступников, рассчитывая на то, что бестия нажрется и снова нырнет в свой гроб». (Последнее желание, с. 21).

«В ее высочестве, королевской доченьке, проклятом ублюдочном ублюдке, четыре локтя роста, она похожа на боченок из-под пива, а пасть у нее от уха до уха, полная зубов, острых, как кинжалы, у нее кроваво-красные зенки и рыжие патлы. Лапищи с когтями как у рыси, свисают до самой земли!». (Последнее желание, с. 24).

«Описание было точным: спутанный ореол рыжеватых волос окружал непропорционально большую голову, сидящую на короткой шее.

Глаза светились во мраке, словно два карбункула. Упырица остановилась, уставившись на Геральта. Вдруг раскрыла пасть — словно похваляясь рядами белых клиновидных зубищ, потом захлопнула челюсть с таким грохотом, будто захлопнула крышку сундука. И сразу же прыгнула, с места, без разбега, целясь в ведьмака <см. «Ведьмак»> окровавленными когтями». (Последнее желание, с. 35).

«Пожирает, обгладывает, оставляет — по-разному, в зависимости, видать, от настроения. У одного только голову отгрызла, нескольких выпотрошила, а других обгрызла начисто, можно сказать, наголо». (Последнее желание, с. 25).

«<...> у упырицы были внушающие уважение челюсти и действительно очень острые зубы, в том числе непомерно длинные верхние клыки – четыре, по два с каждой стороны. Когти, пожалуй, острее рысиных, хоть и не такие крючковатые». (Последнее желание, с. 26).

Рекомендации для расколдованного и вновь ожившего У.:

«<...> принцесса должна будет постоянно носить на шее сапфир, лучше всего инклюз, на серебряной цепочке. Постоянно. Днем и ночью.

– Что такое инклюз?

– Сапфир с пузырьком воздуха внутри. Кроме того, в камине ее спальни надо будет время от времени сжигать веточки можжевельника, дрока и орешника». (Последнее желание, с. 28).

«Кметы чеснок в превеликом множестве поедали, а большей верности ради ожерелья чесночные на шею повешали. Некоторые, особенно девушки, целные головки чеснока запихивали себе куда только можно. Все село преужасающе чесночным духом воняло, кметы мыслили, будто в безопасности обретаются и теперь уже ничего им упырь учинить не сумеет. Как же велико было изумление, когда упырь, в полночь налетевши, вовсе не испугался, а только хохотать почал, зубьями от веселия скрежеща и насмехаясь. «Славно, – кричал, – что вы сразу же наспиговались, потому как теперича я вас жрать стану, а заправленное мясо больше мне на вкус приходится. Посолитесь еще и поперчитесь, да и о горчице не позабудьте». (Крещение огнем, с. 201 – 202).

УТОПЕЦ. Нежить, в к-рую превращается утонувший человек. Опасен для людей. (Последнее желание, с. 190).

ФИШТЕХ. Порошкообразный наркотик, втираемый в десны. (Башня ласточки, с. 42).

ФЛЕДЕР. Один из видов вампиров, к-рый не только пьет кровь, но и калечит жертву. (Крещение огнем, с. 212).

ФЬОРАНО. Сорт виноградного вина, изготавливаемого в княжестве Туссент. (Владычица озера, с. 67).

ХАВФРУЯ. Морское существо, дева с рыбьим хвостом. (Башня ласточки, с. 96).

ХИМЕРА. Чудовище, опасное для человека. Обитает в пустыне. (Последнее желание, с. 125).

ХИРИКК. Существо, опасное для людей. Находится на грани вымирания. (Меч Предназначения, с. 330).

ЦИДАРИССКОЕ. Сорт виноградного вина, изготавливаемого в княжестве Цидарис. (Владычица озера, с. 67).

CINEREA. На языке эльфов – название представителя водной речной фауны, питающегося рыбой – жряка <см. «Жряк»>. Нек-рые ученые считают синега мифическим существом. (Кровь эльфов, с. 240).

ЧЕРЕПАШИЙ КАМЕНЬ. Минерал, якобы отвращающий колдовские чары.

«– Ты сам того хотел, колдун! Убью! Не помогут тебе твои штучки. При мне черепаший камень.

Геральт усмехнулся. Мнение о могуществе черепашьего камня было столь же распространено, сколь и ошибочно». (Последнее желание, с. 33).

«ЧЕРНАЯ ЧАЙКА». Магич. средство, заставляющее выбалтывать во сне секретную информацию.

«Или я сам проболтался во сне под влиянием «черной чайки»?». (Меч Предназначения, с. 611).

ШЕЕНОСЫ. То же, что стучаки <см.>. (Башня ласточки, с. 252).

ШЕЛОНГ. Денежная единица (мелкая монета) в королевстве Ковир. (Последнее желание, с. 90).

ШИБАЛЕЦ. Гриб, используемый для приготовления лекарств и магич. эликсиров.

«В затененной части грота пузырились серые, словно

полевой булыжник, шапки грибы шибальца». (Последнее желание, с. 216).

EVERETIA MAXILIOZA PITTI. Научное название речного чудовища – жагницы <см. «Жагница»>. (Кровь эльфов, с. 259).

ЭКИММА. Тип вамира, к-рый не только пьет кровь, но и калечит жертву. (Крещение огнем, с. 212).

ЭЛЬФЫ. Нелюди, способные мирно сосуществовать с людьми. Очень красивы с человеческой точки зрения. Остроконечные уши. Лицо треугольной формы. Продолжительность жизни исчисляется веками. Возможны смешанные браки с людьми и появление потомства. У эльфов овуляция обычно происходит раз в 10 – 20 лет, но, сочетаясь с людьми, они овулируют при каждом сильном оргазме.

«Тонкие черты лица, большие черные глаза и остроконечные уши выдавали в нем полукровку эльфа». (Последнее желание, с. 99).

ЭНДРИАГА. Чудовище, опасное для людей. (Час презрения, с. 29).

ЭРВЕЛЮК. Сорт виноградного вина, изготавливаемого в княжестве Туссент. (Владычица озера, с. 67).

ЭСТ-ЭСТ. Дорогой сорт виноградного вина, изготавливаемого в княжестве Туссент.

«За бочонок Эст-Эста платят столько, сколько за десяток бочонков Цидарисского или из пильфгаардских винных погребов под Альбой». (Башня ласточки, с. 67).

ЭХИНОПС. Подземное чудовище небольших размеров. Опасно для горняков.

«Между двумя сталагмитами, в том месте, которое он обойти не мог, лежал крупный эхинопс, ошестинившийся массой длинных колючек. <...> Он слишком хорошо знал, что эхинопсы могут выстреливать своими колючками на расстояние до десяти футов. У колючек было особое свойство – воткнувшись в тело, они обламывались, а острые концы проникали вглубь и блуждали там до тех пор, пока не достигали какого-нибудь чувствительного органа. <...> Колючки существа заколебались на манер щупалец актинии. Но это длилось всего лишь мгновение, потом эхинопс замер и снова превратился в огромную кучу болотной травы». (Башня ласточки, с. 259 – 260).

ЯГА. Существо, опасное для людей. В «Последнем желании» на с. 134 упоминается «баба-яга», живущая в домике на когтистых курьих ножках.

ЯДНИЦА. Чудовище, опасное для человека. Плюется едкой жидкостью. То же, что «солпуга» <см.>. (Владычица озера, с. 82)

Составил А. Алеф
Рисунки Асфоделя.

Четыре дня на «Звездном мосту»

Дорога

Хотите верить, хотите – нет, но на «Звездный Мост» в этом году я сходил со смешанными чувствами. Хотелось праздника, и в то же время где-то в глубине души тихонько билась колокольчики тревоги – как оно там будет иначе? Ведь Харьковский конвент любителей фантастики впервые состоялся прошлой осенью и сразу же зарекомендовал себя, как одно из самых интересных событий в жизни фэндома. Но одно дело – организовать один-единственный фестиваль, и совсем другое – сделать его явлением традиционным и постоянным. Всем памятен, наверное, единожды прошедший и потом безвременно почивший «ВолгаКон», «ФанКон» в Одессе... Да что тут говорить, если даже сама «Аэлита» в прошлом году была под вопросом!

Но... Двухтысячный. Макушка века. И второй, блин, «Звездный Мост». События, однако!

Наш поезд – Пермь-Москва, потом часа четыре пересидки и второй забег – Москва-Харьков. Двое суток на колесах и – граница. Сонные таможенники с подозрением щупают мою красную паспортину, потом все повторяется на украинской стороне. И только после этого мы, наконец, вываливаемся на перрон, в холодную сентябрьскую ночь. Это еще не Харьков, это только вокзал. Половина четвертого. Ехать в гостиницу нет никакого смысла, и мы устраиваемся в креслах поближе к буфету. «Как думаешь, – вдруг спрашивает меня моя спутница Татьяна, – Валентинов даст мне автограф?» «Даст, даст, – сонно бормочу я и поворачиваюсь на другой бок. – Догонит, и еще даст...» На самом деле вру: уснуть мне не удастся. Вокзал гудит беспешной жизнью. Вокруг звучит смешной граничный суржик. Все киоскеры спят. Женский голос каждые пять минут устало повторяет в репродуктор: «Носильщик Петухов и все носильщики, немедленно подойдите к дежурному по вокзалу». Ломаем голову, что это может означать, и, наконец, решаем, что так зовут особого носильщика, который посит только петухов. Маразм крепчает. Люди! Будьте бдительны! Внимательно читайте расписание, чтоб не торчать почками на вокзалах!

День первый

К шести часам мы уже на ногах и в метро, а в полседьмого вваливаемся в гостиницу «Турист». Гостиница не очень, звездочки на две. Организаторы в фойе машут рукой: «Сюда, сюда!». Смирнов чешет затылок: взнос по полсотни баксов с носа, это не комар чихнул, но халявы никто и не обещал. Заселяемся. На третьем этаже первая ласточка – какая-то девушка в кожанке, но без маузера спрашивает пива в штабе фестиваля и шумно страдает, что хочет спать. Читаю бэдж – Ирина Ясиновская. Ага, фэны помаленьку начинают съезжаться.

До открытия еще восемь часов, и я решаю прогуляться. Бессонная ночь отдастся биением пульса в висках. По счастью мой главный ориентир – университет стоит на прежнем месте. На выходе из метро шарю взглядом первый же попавшийся ларек и, словно терминатор, зашедший цель, деревянной походкой двигаюсь к нему. Хватаю «Золотую Эру», в три глотка опустошаю всю бутылку и только после этого оглядываюсь. Волшебный вкус Роганьского пива расцветивает окружающее в радужные тона. Солнце светит в глаза. Я улыбаюсь. Харьков...

Вот теперь я верю, что доехал.

Харьков совсем не изменился. Все та же брусчатка, улочки и дома советской готики. Спелые каштаны падают на голову и валяются на всех дорожках и газонах. В парке – двухсотлетние дубы в четыре обхвата. Каскад фонтана. Не работает. Самая большая площадь в Европе. На одной стороне ее – огромный корпус университета со странным названием ХНУ, не уступающий размерами Московскому, на другой – желтый дом администрации города. Где-то дымит Харьковский тракторный. Этот город красив, а осенью особенно. Он по-русски деятелен и по-малороссийски умиротворен. Здесь нет особых достопримечательностей, но есть то, что называется «лица необщим выраженьем». Уже седьмой десяток, как он перестал быть столицей Украины, но столичный лоск с него, похоже, так и не сошел. Да и жители его из тех, что лишней раз не доседают, по улицы перемостят. В общем, «лопни, но держи фасон».

Мой путь лежит на книжные развалы. О, книжная балка в Харькове – это совсем не то, что в Перми и других городах! Здесь нет ажиотажа, никто не сосредоточивается только на одних лишь новинках. Огромный – в полдрышка букинистический развал, где можно отыскать все, что хочешь, любую старую книгу. Последний заповедник русской словесности в СНГ. Это потрясает: у нас такого давно уже нет. Глаза разбегаются. К несчастью недостаток средств вынуждает меня экономить, но впечатление чуда уже у меня не отнять. Повздыхав над грудой пыльных фолиантов, с расстройства беру вторую бутылку и пешком иду по Бурсацкому спуску к ближайшему метро. Бурсацкий спуск при этом почему-то превращается для меня в «Бурсацкий подъем».

Метро в Харькове – единственный способ куда-нибудь добраться. Планировка города такая запутанная, а улочки такие узкие, что автобус до того же места будет идти примерно в пять раз дольше, проверено. Станции просторные и светлые, вагоны все внутри увешаны рекламными плакатами. Все как у нас, только на украинском. Тупо вчитываюсь в надписи. «Мотіліум – мотор для вашого шлунка». «Паління шкідливо для вашого здоров'я». А лекарство «Назол», оказывается, лечит «лихоманку и нежить». Круто, круто...

Между тем в гостиницу прибывают все новые гости. Мелькнули Буркин и Лукьяненко, мелькнули и осели где-то праздновать присзд. Лев Вершинин с женой и Коля Романецкий. Лукин с Чадовичем. Марина Дяченко как всегда в гордом одиночестве. Где-то на горизонте Воха маскируется под фэна. Василий Головачев появляется чуть позже, вальяжный, единственный и неповторимый. Вижу Сергея Соболева. Вася Владимирский машет рукой. На третьем этаже обнаруживаю Иру Шрейнер, литератора из Москвы, с которой я познакомился на прошлогоднем «ЗМ». На шестом шумно будят Иру Ясиновскую. Повсюду шум и приветственные возгласы, в воздухе витает радостное возбуждение от встречи.

В соседнюю комнату заселился Анатолий Корепанов – издатель кировоградского журнала «Порог», невысокий, сухопарый, в неизменной клетчатой рубашке, похожий чем-то на воспетого Стругацкими Горбовского. Иду выпрашивать свежие номера. Корепанов – это кто-то вроде нашего отечественного Хьюго Герисбека. Его «Порог», пожалуй, на сегодня чуть ли не единственный регулярный журнал, издающий фантастику молодых авторов без всякой конкурсной основы, руководствуясь лишь принципом «хорошее –

О. Ладыженский и Е. Лукин

в печать». Явление неординарное: с одной стороны – сумбурный, засоренный эзотерикой и околонучной чепухой, «Порог» тем не менее отводит под фантастику почти что половину каждого номера. А номер толстенный. А ведь сам Корепанов тоже автор, и пишет он куда как круче того же Гернсбека... В общем, журналы мне дают, но не успеваю я насладиться трофеями, как в номер вламываются Володя Бычинский и Володя Пузий, за плечами которых в коридоре маячит бородатая ассирийская физиономия Кайла Итorra. Возгласы: «Ага, вот он где!» (ладно, хоть не «Держи! Лови!»). Первая мысль – будут бить, но все оказывается совсем наоборот. Жмут руки, поздравляют с дебютом. Смирнов вытаскивает контрабандный Крымский, Белого Камня. Разливаем за встречу. Всем раздариваю и распродаю только-только вышедшую «Лавку», второй номер, который я вырвал буквально из-под ножа переплетчика перед самым отъездом. Бычинский достает пилотный номер «Перекрестка». Соболев приносит свежие «Семечки». Кайл молчит и улыбается. На его груди два бэджа (нынешний и прошлогодний) и четыре имени – свое родимое, ник для форума и ник для чата, плюс псевдоним, которым он подписывает книги (для тех, кто не знает – «Петр Верещагин»). Как он сам в них не запутывается? Кайл вообще очень страшный человек. На прошлогодний «ЗМ» он тоже приезжал, так что мы с ним оба как бы встераны. Ближе к середине дня подъехал Сапа Громов, Большаков с Первушиным и кой-какой другой еще народ.

Мысль вторая: неужели все-таки что-то начинается?

Все скопом загружаемся в автобус и катим в университет. В окошки ничего не видно, в узких улочках кургузый красный ПАЗик петляет, как в ущелье. На одном из перекрестков, на зеленом откосе газона вижу травяной герб Украины в натуральную величину. «Это что, – спрашиваю, – у вас тут так гербы вырастают?». «Ага, – невозмутимо отвечает Олег Кулинич. – Что вырастет, то и герб...»

На пятачке пред универом толкуются люди, в основном, студенты. В центре маячат две бороды – побольше и поменьше. Это Громов и Ладыженский, оба свежие, выпавшие и очень довольные собой. Все разбиваются по двое, по трое, что-то начинают обсуждать, обмениваются то ли мнениями, то ли адресами. Дагесталец Абутраб Аливердиев раздает свои визитки направо и налево, ибо запомнить и произнести его фамилию и имя не способен никто, ни с первого раза, ни со второго. Чувствую себя немного лишним и достаю фотоаппарат. Марина Дяченко выходит из микроавтобуса, немного замерзшая, в белом плаще, видит камеру в моих руках и растерянно улыбается. Делаю первый снимок. «С почином вас, Глеб Егорыч!»

Через минуту как бы ниоткуда появляется Шмалько. На нем черный френч, борода и очки в стальной оправе,

что придает ему вид академический и немного анархистский. Так и кажется, что сейчас бросит бомбу. Весь прошлый «Звездный Мост» Андрей Валентинович активно где-то прятался и все время от всех убегал. В этот раз все по-другому. Наверное, атмосфера нынешнего фестиваля ему понравилась. Он всякий раз в центре внимания. Если я фотографирую двух людей, можно быть уверенным, что между ними непременно окажется Шмалько.

В разгар общения мои часы играют три. Появляется Макаровский и призывает всех в актовый зал. Движение людей, однако же, больше напоминает броуновское – все идет, но куда-то не туда. Лукьяненко с компанией уже обосновался в ближайшем уличном кафе и выпал в осадок, Шмалько собрал вокруг себя очередной круг общения и сверкает оттуда стальными очами, остальные разбрелись по универу или остаются докурить. Наконец минут через тридцать все, кто хотел, таки рассаживаются по креслам, и начинается то действо, ради которого все, собственно, и затевалось.

На «Звездный Мост-2000» приехало человек семьдесят. На первый взгляд, вроде бы немного, но это десятка на два больше, чем в прошлом году, а если учесть всех подошедших местных деятелей от фантастики, то цифры получаются внушительные. Не знаю, как это удалось устроителям, но проволок в этот год почти не было, все мероприятия начинались вовремя, все недоразумения улаживались быстро, весь механизм работал как швейцарские часы. Возможно, в этом заслуга администрации города, которая принимает в подготовке конвента самое деятельное участие. А возможно, в этом «виновата» служба охраны правопорядка, в просторечии – милиция, один из высоких чинов в которой – г-н Черный является к тому же видным критиком и библиографом фантастики.

Внизу о чем-то спорят и тасуют фотки местные «ролевики» во главе с Алиной Немировой. Беру телефон. Возле актового зала, на стене громадное панно, изображающее в лицах достижения харьковской науки. Хорошее такое панно, цветное. На сцене что-то сматывают и разматывают, стучат в микрофон и двигают столы. Потом появляется Макаровский и минут десять гонит веселую пургу про фестиваль и встречу в Харькове. Макаровский высок, улыбчив, обаятелен и в отличие от многих современных городских политиков совершенно не косноязычен. Через каждое второе слово говорит, как он сильно любит фантастику, как он ужасно рад приезду всех-всех-всех, и вообще он похож на мальчишку, который дорвался до любимых игрушек. Бывает, человек мечтает в детстве завести собаку или, там, купить автомобиль, и после, ставши, скажем, мэром города, спонсирует клубы собаководства или затевает бесконечный ремонт дорог. У Макаровского, похоже, увлечения были иные, и вот в Харькове второй год строят «Звездный Мост». Не знаю, как другим, а мне от этого как-то на душе полегчало, что ли... Нам бы так. Если есть такие города, где фестивали фантастики проводят не на общественных началах, а по инициативе городской администрации, стало быть, еще не все потеряно для нашего фэндома и нашей же литературы.

Потом из зала вызвали Евгения Лукина и попросили сказать пару слов. Женя смутился, разводил руками и что-то лепетал в микрофон, а когда ему разрешили идти, спустился в зал. На сцену сразу выплыла тетенька с гигантским караваем на вышитом рушнике и долго пела величальную. Зал внимал в гробовой тишине, после чего для припятия каравай на сцену опять позвали Лукина. Женя припал, отломил, посолил и напоследок расписался на солонке маркером (солонку тут же сперли), а каравай захватила неугомонная Ирка Ясиновская, и потащила его по

рядам. Потом на сцену в третий раз вызвали Лукина на предмет спеть, что он и проделал. Наибольший успех имели знаменитые «Сфероиды» (исполняется а капелла). Скажу по секрету, что не успел Женя сойти с поезда, как Олди подхватили его под белы ручки и уволокли в студию, где он полночи записывал свои песни, и напел в итоге на два полновесных компакт. В каком состоянии были его пальцы после этого, остается только гадать. Выступление на открытии было для него настоящим подвигом. Потом его сменил Юлик Буркин и спел «Ангелов» и «Василиска». Потом на сцену влез какой-то местный тип и начал петь «Как упоительны в России вечера», и публика в панике ломанулась к выходу.

Воха, как всегда, благополучно где-то отсиделся.

В кулуарах на меня спикировал Саша Ена. Саша, в общем-то, подобно Айртону у Жюль Верна, только произносится Ена, а пишется – Бессонов. Я как раз приволок в Харьков его «Алые крылья» на подпись. «Говорят, ты на меня рецензию написал?» – спросил он у меня, недобро прищурясь. Экземпляр «Лавки» тотчас перекочевал к нему, после чего Саша оттащил меня в сторону, мрачно обозвал «отличником» и долго объяснял свои литературные принципы и взгляды. Напористый, длинноволосый, сублинный, похожий в своей куртке-косухе на отставного рок-музыканта, каковым он и является, Саша, как я понял, человек многогранный (я бы даже сказал, граненый). Для публики он один, для фэнов – другой, для издателей – третий, а для друзей – совсем четвертый. Ко всем относится с предубеждением. Играет роль усталого профессионала, которому все пофиг, на деле каждую свою книгу, вероятно, пишет на пределе нервов. Не человек, а торпедный катер: совершенно незаметный, пока не нанесет удар. Хотелось с ним поговорить, но он все время всем был так нужен со своими «Жигулями», так куда-то спешил, что перехватить его мне так и не удалось. Мы выпили по бутылке рома с колой (Саша сразу, я – потом), поздравили друг друга с выходом новой книги, пришли в благодушное настроение и расстались почти что друзьями.

После обеда была презентация новых изданий. Камеицкий объявил о создании нового украинского журнала фантастики «Неведомый мир». Затем с помпой прошла презентация первого номера «Звездной дороги» с раздачей авторских экземпляров. Журнал оказался неплох – удобный формат, стильная обложка, разборчивая, чистая печать, удачно подобранный состав авторов. Вот только номер на обложке значится не первый, а почему-то восьмой.

Потом Корепанов представил очередные номера «Порога», а Бычинский – свой новорожденный «Перекресток». Г-н Черный продемонстрировал только что вышедший сборник статей «Фантастика Украины». После этого на сцену влезли двое представителей издательства «Центрполиграф» и объявили о запуске ими новой книжной серии под названием... «Перекресток миров». Куда, интересно знать, смотрит «Северо-Запад»?

Светловолосый, высокий, очень обаятельный парень в очках оказался на проверку иностранцем из Литвы Гинтарасом Иваницкасом, писателем, переводчиком и членом редколлегии литовского журнала фантастики «Империия». Сам журнал (естественно, на литовском языке) был также представлен публике и вызвал всеобщее восхищение – финская бумага, европейский дизайн и полиграфия, о которой отечественная фантастика может пока только мечтать, плюс полный рекламный набор – плакаты, стикеры, открытки... Попутно Гинтарас привез для Громова и Ладыженского авторские экземпляры романа «Пасынки восьмой заповеди», изданного в Литве в его же, Иваницкаса, переводе. Забавно было наблюдать, как матерые писатели Олди

торопливо хапнули по экземпляру и принялись шуршать страницами, «себя читая в переводе».

Дальше – больше. Леонид Шкурович коротко рассказал о планах славного «Эксмо». Андрей Белянин представлял в своем лице издательство «Армада», анонсировал новые книги, как свои, так и чужие, и напоследок объявил об учрежденной ими премии «Меч без имени» за лучшее произведение начинающих и неизвестных авторов. Дмитрий Ватолин ничего писчебумажного не анонсировал, зато сообщил о создании на сервере «Русской фантастики» специализированного сайта «Авторы предлагают», и пригласил издательства и авторов к сотрудничеству через него. Где-то между всеми этими событиями сразу три или четыре человека представили на суд зрителей только что вышедшую «Антологию украинского жаху» (если кто не знает, то «жах» это «ужас», только по-украински) – громадную томину, способную вызвать этот самый «жах» одними своими размерами. Этот труд, охватывающий временной промежуток от Гоголя до наших дней, вне всякого сомнения, вещь очень интересная. На книжном лотке на втором этаже университета «Антологию...» можно было приобрести вполне свободно, но цены кусались. В заключение на сцене объявился Василий Владимирский из Петербурга и сообщил, что известный журнал «Питер-бук», в котором он имеет честь работать, отныне поворачивается к фантастике лицом и будет регулярно ее публиковать наравне с другими произведениями. Ну-ну...

После всего вышеописанного я пребывал в некотором смятении. Впечатления были смешанные. Если в прошлом году один лишь Гена Мовчанов из Волгограда анонсировал свой журнал, да и тот в итоге накрылся медным тазом, то в этом журналы плодятся, словно тараканы. Что это – тенденция, мода или кардинальная смена курса? Что-то из этого будет?

День был так насыщен событиями, что на телемост я уже не остался – попросту не было сил. Говорят, что было интересно.

В общем, как бы то ни было, в тот день «Звездный Мост» дал гудок и полетел вперед по накатанным рельсам. Марина Дяченко куда-то сразу испарилась, равно как и Олди. А в гостинице тем временем началась тусовочная жизнь. Изголодавшийся по общению народ весь вечер переходил из номера в номер, кучковался в коридорах и активно запасался огненной водой. Каждый обсуждал свое, спал в эту ночь лишь один Головачев в своем конспиративном номере. Как стемнело, весь народ стал помаленьку скапливаться в холле на третьем этаже с намерением попеть, попить и пообщаться. На шестом, вокруг Саши Громова собрались те, кто пить пока особенно не собирался, и я в сомнении карабкался по лестнице то вверх, то вниз, посверкивая лицом своей «мыльницы» и уже мало что соображая.

На третьем этаже в фойе сдвинули столы и долго пели. Воху повалили на пол. Исполнялись популярные песни Юли, Жени, Вохи и советских композиторов. К ночи все – в драбадан. На следующий день – похмелье. В общем, обычная встреча друзей. (Извините, если что не так, но я, как истинный чулка, что вижу, о том и пою.) Лукин отсиджился у Тани с Ириной, много рассказывал и все страдал, что куда-то затерялся ключ от его номера. Сама Иришка Ясиновская мелькала то тут, то там – немного фэн, немного писательница, да еще и ролевик (по игровому амплу – Дракон). Недооценивать ее роль в жизни фэндом трудно, переоценивать – опасно, так что решайте сами, как к ней относиться. Запомнился Абутраб Аливердиев, который упорно хотел познакомиться с Лукьяненко, но жутко стеснялся. В итоге он подсел таки к Сереже и долго представлялся ему то Алабутрабом, то Аблардиевым. «Можно

просто — Аб», — наконец сказал он. Лукьяненко все это выслушал, руку товарищу пожал, потом с уважением в голосе признался, отвернувшись в сторону: «Ни хрена не понял...» Сережа Соболев сидел в фойе, в глубоком кресле, и то ли просто блаженно жмурился, то ли очень глубоко моргал, и что-то скрытым образом записывал в блокнот.

Посиделки были прерваны появлением... троих милиционеров в полном боевом снаряжении, в бронежилетах и с автоматами наперевес. «Ну, — мрачно подытожил старший, оглядев притихшую компанию, — где тут пострадавший?». Оказалось, кто-то из наших сильно перебрал и влип на улице в историю. В общем, примерно через час после этого вся тусовка медленно, но верно начала рассасываться. Один лишь уснувший принц Корепанов так и остался в кресле на третьем этаже, прямо там, где сидел, в темноте и тишине.

Володя Бычинский раздобыл штоф превосходной местной горилки, мы вчетвером перебрались на шестой этаж и долго там вели приватную беседу. Помню, как проходивший по коридору Сережа Лукьяненко совершенно рефлексивно свернул к нашему столику, повертел в руках початую бутылку, поколебался несколько мгновений, потом грустно вздохнул, поставил ее обратно и покачал головой: «У меня завтра встреча с читателями...»

А глаза у него при этом были такие добрые-добрые...

День второй

Наутро к завтраку мы с Танькой сообща будили Дракончика, то бишь Иру Ясиновскую. Будили самыми страшными способами, включая кражу одеяла, крики в ухо и пытку арбузными корками. В итоге мы спустились в ресторан одними из последних, купили ей апельсинового сока и после завтрака выехали к университету на метро.

Вся первая половина дня была отведена под разные доклады. Мой выбор пал на семинар Шмалько, и мы (Ира Шрейнер, Иваницкас и я) под предводительством Брониславы Громовой направились искать нужную аудиторию. Раз пять спустившись и поднявшись по лестнице, мы долго плутали в университетских лабиринтах и когда добрались до места, семинар уже был в самом разгаре. Открыл его, естественно, Макаровский маленьким докладом «Взгляд со стороны читателя» — об опасности замыкания писателей в себе. Потом профессор И. В. Черный зачитал свой доклад о пограничных жанрах в современной фантастике, к коим он отнес «альтернативную историю» и появившуюся недавно так называемую «криптоисторию». В качестве представителей последней были названы произведения Михаила Свержина, Генри Лайона Олди, Андрея Валентинова и, почему-то, Андрея Мартынова. Господин Шмалько председательствовал за столом, грозно сверкал ледяшками очков, и время от времени покрикивал на собравшихся, требуя тишины. Тишина, надо сказать, воцарялась мгновенно. Потом он и сам зачитал собравшимся свой доклад под названием «Современная фантастика как литературное гетто». «Я никогда не писал фантастику, — заявляет Шмалько. — Я писал исторические повести. Это критики отнесли к ней мой первый роман, а потом мне уже было не отвертеться». Шмалько — чрезвычайно интересный собеседник, но на кафедре, в родной стихии он напорист, уверен в себе и очень остер на язык. Под настроение общаться любит ужасно, но напоминает губку: любая попытка надавить на него чревата таким выплеском информации, что собеседника попросту сметает.

После выступления Шмалько семинар стал медленно, но верно затухать. Что-то рассказывала Кэтрин Кип, потом на кафедру влез Гриша Панченко. Черноволосый, лысоватый, с бородой, похожий чем-то на молодого Фиделя Каст-

ро, он долго распространялся насчет оружия в произведениях фэнтези, расписывал достоинства и способы изготовления всевозможных клинков, мечей и алебард, и все время жестом старого гзбешника порывался влезть рукой себе за пазуху. Наконец, дойдя до огнестрельного оружия, он таки туда залез и извлек на свет большой кремневый пистолет, от чего приобрел вид совершенно пиратский, но тут Шмалько поспешно объяснил, что пора закругляться и задавать вопросы. После этого все как-то очень быстро разошлось. Некоторое время я еще разговаривал с Мариной Дяченко, потом пригрозил взять у нее интервью и оставил в покое. (К слову, интервью у Марины я все-таки взял, но не на «Звездном мосту», а неделю спустя в Питере, куда она приехала на «Странник», но об этом я расскажу в другой раз).

Потом был перерыв. Кто хотел, рассредоточился по всяческому кафе. Мы с Большаковым и Первушиным взяли по пиву и отправились «наводить мосты» к Иваницкасу. Гинтарас оказался замечательным собеседником, вдобавок, и говорит он по-русски совершенно без акцента. Если б я в таком объеме знал литовский, это был бы нехилый повод гордиться собой. Да и журнал его мне тоже, кстати говоря, весьма понравился.

А Танька в это время честно пыталась взять у Валентинова автограф для своих друзей, но от волнения начисто забыла их фамилию и имя. Шмалько сердито сопел, нависал над нею как скала, затянута в злобный черный френч, и раз за разом переспрашивал: «Так как фамилия? Фамилия как? А?». «Да вы напишите: «Мои читатели...» — робко отбивалась та. «Нет, вы скажите, как фамилия, чтобы я знал, как именно мне надо надписать!» Так продолжалось минут десять, пока он, наконец не расписался. Добрейшей души человек. Таня после этого включила диктофон, и уже не отходила от Жени Лукина, а тот смущался и рассказывал истории из жизни, которых он знает превеликое множество (а рассказчик Женя превосходный).

Трапезничали мы в столовой городской администрации. А после обеда нас троих — Большакова, Первушина и вашего покорного слугу откомандировали как молодых писателей на встречу с учениками лицея № 27, выделив для этого дела двоих провожатых.

Большаков с Первушиным пишут в соавторстве, хотя и полные противоположности друг другу. Антон Первушин — высокий худощавый парень в дымчатых очках, с внешностью системного программиста. На деле он уже довольно известный питерский писатель. Николай Большаков, сообразно с фамилией крупный, круглолицый, слегка небритый молчун с внешностью преуспевающего писателя. Но он как раз системный программист. В прошлом году их роман «Собиратели осколков» взял первое место в номинации «Дебют года», и ныне оба приехали, чтобы получить награду. Познакомился я с ними уже в автобусе. Добирались мы до лицея на попутках, а когда добрались, выяснилось, что дождались нас лишь самые стойкие. Ситуация для меня сложилась, прямо скажем, непростая. Во-первых, я пишу один, а Алексей с Антоном выступают как соавторы. Во-вторых, я пишу, в основном, фэнтези, а ребята — чистую НФ. И вроде бы все хорошо, да вот беда — лицей-то оказался физико-математический! В итоге мне пришлось воевать «на два фронта». Надо отдать должное Первушину — мы очень быстро нашли общий язык и заключили перемирие. Лицеисты задавали вопросы, мы что-то им отвечали и ближе к концу встречи общались уже вполне на дружеской ноге. Стена недоверия рухнула. Напоследок нам презентовали подборку лицейских физико-математических журналов, составленных и отпечатанных с невероятным для школьного издания качеством.

На обратном пути взяли по пиву и решили двигаться к университету пешком, но быстро идти не получилось – возле какого-то фонтана мы обнаружили очень колоритный аглицкий танк времен гражданской войны и долго возле него фотографировались. В итоге попали под дождь, а, придя в университет, успели захватить лишь самый хвост семинара Громова и Ладыженского, поэтому я мало что запомнил. Опять о чем-то говорили Аливердиев и Митяев из Киева, потом Олди долго объясняли, с какими проблемами сталкиваются начинающие авторы при написании рассказов. Лично я промок как собака и к этому времени мало уже думал о литературе.

А в фойе университета уже вовсю шли приготовления к голосованию. Сдавали бюллетени. Развешивали картины и рисунки – просто сами по себе и на конкурс «Портрет Дориана Грея» тоже. Картины были так себе, даже сравнить нельзя с прошлым годом. Жаль, что я не взял с собой работы нашего Кости Кунщикова – реальных конкурентов у него там просто не было, а ксероксы с рисунков, как выяснилось, все-таки можно было представлять на конкурс. Ну, да ладно, в следующий раз будем умнее. А вот внеконкурсная выставка мне неожиданно понравилась. Мимоходом в кулуарах отловили Женю Лукина: «А ты картину уже выбрал?». «Выбрал», – усмехается он. «Какую?». «Вот эту!» – и указывает на то самое настенное панно, которое я вам уже описывал...

Потом Ладыженский вызвал в зал всю свою секцию каратэ, которую он ведет, и объявил о начале конкурса «Мастер Фэн-До». В прошлый год они разыгрывали сценки драк и всяческих сражений из фантастических произведений разных авторов, а ныне решили сделать по-другому: предложили писателям самим «поставить» сцену боя, используя ребят в качестве актеров и статистов. Свежо. Оригинально. Необычно. Первым вызвался Лев Рэмович. Описывать это бесполезно, это надо было видеть. Скажу только, что было очень весело и очень здорово, а заданный Вершининым тон удачно подхватили остальные. В итоге тройка победителей выглядела так: Дяченко, Белянин, Вершинин. Что касается меня, то я туда даже и сунуться не пытался. Ребята у Олега Семеновича работали слаженно, реагировали мгновенно и по ходу дела очень удачно импровизировали. Однако особенно поразила всех одна девушка на девятом месяце, которая работала все «ката» и все жанровые сценки наравне с остальными. То ли чудо, то ли – мастерство... Интересно, кто у нее родится?

Между тем Шкурович уже уезжал, и потому ему досрочно и торжественно вручили медаль размером с суповую миску (как оказалось – тот самый «Второй блин»), за общий вклад издательства «Эксмо» в развитие отечественной фантастики. Потом какие-то ролевики в доспехах, «чемпионы того-то и сего-то» рубились на тупых мечах, а мужественный Ладыженский прикрывал широкой грудью публику и своих подопечных. Кого-то чуть не стукнуло выбитым мечом. По счастью, сей турнир продолжался недолго. Подобным играм место все-таки на свежем воздухе, но – дождь, дождь...

За ужином Корепанов оказался за одним столом со мной и наконец-то разглядел мой бэдж. «Так ты – Скирюк?!» – внезапно поразился он. Пришлось сознаться, что – да, это я. И тут судьба преподнесла мне первый приятный сюрприз. Как оказалось, в очередном номере «Порога» напечатан мой рассказ, о чем я – ни сном ни духом (в даренные журналы заглянуть мне было некогда). На радостях направились ко мне в номер, где Корепанов отдал мне авторские экземпляры, а я ему в свою очередь – свой новый рассказ.

К ночи наблюдался рецидив (см. «День первый»). Олег Кулинич организовал в гостинице брэйн-ринг. Точней ска-

зать, «Что? Где? Когда?» с несколько видоизмененной системой подсчета очков. Команда, в которой участвовали я, Соболев и кто-то еще, выиграла с отрывом в одно очко и заработала шампанское и кипу призовых журналов. После все играли в «кродила» – разбились на две команды и отгадывали названия фантастических произведений. Хоту было – не передать, особенно когда участники пытались изобразить такие вещи, как «Жида города Питера» или «Проблема верволка в средней полосе». Помню, как Сереже Лукьяненко досталось – «Голубые люди розовой земли», и надо было видеть, КАК он это изображал. Крупный актер в человеке погибает, однако... Потом вся наша шестерка переместилась ко мне в номер, мы разлили по бокалам трофейное шампанское, и я решил провозгласить тост. «За победу! – сказал я. – За НАШУ победу!»

На шестом этаже обнаружился Саша Громов, который сидел в кресле, листал какую-то брошюрку и озадаченно чесал в затылке. Сашу угораздило попасть на встречу с читателями на какой-то завод, и там некая тетушка, мать четверых детей, пописывающая на досуге эротическую прозу, презентовала ему свои творения. Брошюра эта оказалась страшным раритетом по части русского языка. Саша долго зачитывал оттуда всем желающим избранные места. Народ коржило и гнуло. К тому времени холодное пиво и дождь уже сделали свое черное дело – я охрип как цыган и смеяться вслух уже не мог, но впечатления все равно остались незабываемые. «Тело лежало на кровати, растянутое как жевательная резинка...» Там было еще много подобных перлов, но к сожалению я больше не помню. Мы полночи проговорили о том, о сем, и разошлись по номерам, весьма довольные друг другом.

А ведь я еще не знал, что меня ждет на следующий день...

День посасаний

Как начинался день – не помню. Скорей всего, будили Дракончика – смутно помнится, как что-то огрызалось и кричало, что если мы еще раз сташим с него одеяло, оно нас убьет. После завтрака вся толпа направились на Харьковский пейнтбольный полигон чтоб поиграть, естественно, в пейнтбол – команда «Fantasy» против команды «Science fiction». Утро выдалось солнечное, настроение у народа было – выше некуда, и игра началась. Народ разделился на восемь команд, все переоделись в «листопад» и пошли в на-

Победители пейнтбола – Н. Чадович, Ю. Белов и А. Иконников.

ступление друг на друга. Над полем захлопали выстрелы. Я воевал, естественно, за фэнтези, в одной команде с Димой Громовым. Особо не отличился, но Юлю Буркина ухлопать все-таки успел. Потом мне тоже вlepили шарик в бок, и я покинул поле боя. Под конец Дракончик и Дима Громов обоюдно хажнули друг дружку в лоб, причем, похоже, что

Иришка только после этого проснулась окончательно. Вся перемазанная краской, с шишкою на лбу, она пулей вылетела с полигона, долго кидалась на всех и кричала: «Ты видел? А? А ты видела? Это я! Я Громова убила!». «Зачем?» – с грустной улыбкой спросил Кайл Иторр. «А мне сго Ладыженский заказал!» – не растерялась та. «Верно, верно! – тут же подыграл ей Олег. – Олди должен быть один!»

В итоге сторонники фэнтези взяли верх. Удивил всех Чадович. Как ни старался народ его срезать, как ни целился он в его мощную фигуру, а попасть все равно не мог. «Команданте Че Дович!», – усмехнулся по этому поводу Женя Лукин. Чадович трижды выходил из схватки невредимым и в итоге вошел в тройку финалистов вместе с Алексеем Иконниковым и Юрием Беловым. Так вот, они сго и подстрелили. Прямо в бороду. Синей краской. И тем завоевали титул победителей.

В самый разгар этих красочных баталий объявился Олег Дивов, приезд которого все встретили шумным одобрением. Потом желающие еще поиграть остались на полигоне, а остальные малой скоростью двинулись на обед, попивая пиво и обмениваясь впечатлениями. После обеда планировались показательные выступления «мастеров воинских искусств», как значилось в программе, но погода неожиданно испортилась, хлынул дождь, и все мероприятия сорвались. Зато была пресс-конференция, на которой писатели неторопливо и обстоятельно ответили на вопросы присутствующих.

Близилось официальное закрытие фестиваля.

Народ опять собрался в актовом зале университета, на сцене сдвинули столы и установили какое-то сложное алхимическое оборудование. Всю церемонию ведьмак из Харьковского Института Чудаков (как утверждалось – филиала НИИЧАВО) и его помощница что-то переливали, сооружение булькало колбочками и трубочками и грозило взорваться. Называлось это все «Получение эликсира бессмертия». Ведьмак был толст, очкаст и представительен, ведьмочка – мила и обаятельна. Однако лабораторный халат на ней выглядел так, будто в него с расстояния пяти шагов палили картечью. За стол, в опасной близости от булькающих трубочек уселись оба, так сказать, «Олдя» и стали объявлять победителей по всем номинациям. Всем достойным вешали на шею палочку синтетического рубина, который выдавали за философский камень и паливали «эликсир бессмертия», потом Макаровский снова нес веселую чушь, жаловался, что Лукьяненко де слишком молод для бессмертного, несмотря на заслуги, стало быть надо сперва его убить, стрелял Сереже в затылок из кремневого пистолета с глушителем и после отпаивал этим самым эликсиром...

Где-то в паузах между награждениями вышел Черный в милицмейской форме и при всех регалиях, и вручил (по порядку): Василию Головачеву – черный берет мастера боевика, Олдя и Валентинову – именной полосатый жезл регулировщика для наведения порядка на путях фантастики, а Дивову и Белянину – почетные грамоты «за создание в литературе позитивного образа отечественного милиционера». Олег расчувствовался и сказал со сцены, что

украинская милиция куда как более продвинутая, чем русская, ибо ценит фантастику.

На конкурсе эпиграмм с огромным отрывом победила эпиграмма на роман Марии Семенович «Волкодав»:

*Мужчины Веннов хороши,
И это остается в силе,
Пока весь мир не искрошил
Последний девственник России.*

Хорошая такая эпиграмма, правильная. Я тоже за нее голосовал.

Автор с кадуцеем.

А потом со сцены объявили мою фамилию, я несколько секунд сидел и тупо пялился в пространство перед собой, а кто-то больно тыкал меня локтем в бок и кричал мне в ухо: «Ты чего сидишь? Иди, дубина, ты же победил!» Оказывается, мой «Осенний Лис» взял золото в номинации «Дебют». Дальше плохо помню. Громов вручил мне диплом и кадуцей, я путался в микрофонных проводах, потом в словах, и очнулся лишь на улице, в компании друзей.

На сцене между тем появился чернокнижник Мацапура-Коложанский собственной персоной. Живописный, разодетый в шаровары и красный жупан, он долго зачитывал приветствие, махал гетманской булавой, ища «клятих москалей», потом вызвал на сцену всех маститых писателей, и торжественно посвятил их в харьковские казаки, для чего всех обмотали кушаками, и всем поднесли по стопке горилки и по ломтю сала. Вот уж не знал, что казаком стать так просто. В ответном слове

Белянин передал привет от волжского казачества, поскольку сам является потомственным казаком... Помню еще, как давешняя тетка с караваем вылезла опять уже без каравай и стала петь насчет закрытия, но это уже к делу не относится. Есть фотография, где мы с Первушиным и Большаковым снялись втроем на фоне университета, и это хорошо.

О банкете рассказывать не буду. Скажу лишь, что ужин прошел в теплой дружественной атмосфере, члены делегаций обменялись заверениями в дальнейшей дружбе и сотрудничестве, а мы с Дракончиком под шумок умыкнули себе по бутылке перцовой «Олдевки». К ночи все (см. «День первый»). Фестиваль медленно, но верно заканчивался. Увы, но в этом мире даже звездные мосты порой разводят. Ребята начали притаскивать мне свои рассказы для публикации в «Лавке» Иваницкас подарил плакат и стикер. Большаков с Первушиным весь вечер резали трофейным рубином пивные бутылки и очень по этому поводу прикалывались. В коридоре скучал одинокий Чешко. Что-то рассказывал Вершинин, Шмалько возликал тут и там. А потом ко мне подошел Вася Владимирский и сказал: «На кой тебе далась эта Москва? Поехали к нам в Питер, как раз успеешь на «Странник». Поехали, не пожалеешь!»

Я подумал, потом еще подумал, и поехал. И не пожалел. Но это уже совсем-совсем другая история...

Дм. СКИРЮК

Фото автора и С. Жихарева

Stanislaw Lem. Okamgnienie. — Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2000.

Вот что говорил сам Станислав Лем о названии книги — «Мгновение» (фрагмент интервью польскому еженедельнику «Wprost», номер от 27.02.2000 г.): «Книга возникла забавным образом. На глаза мне попались так называемые «земные геологические часы»; это диаграмма в виде диска (будет и в книге), на которой изображена жизнь на Земле, продолжающаяся около пяти миллиардов лет, а точнее — 4,8 млрд лет. Род человеческий существует около ста восьмидесяти тысяч лет, а современная цивилизация, техническая — сто двадцать лет, что составляет одну сорокамиллионную часть всего круга. На этих часах это представляется очень тонким сектором». Вот этот маленький сектор на часах существования жизни на Земле и есть то мгновение, о котором книга.

Презентация книги состоялась 31.03.2000 г. и вызвала большой интерес у польских читателей, ибо эта книга написана Станиславом Лемом после тринадцатилетнего перерыва. Вышедшие в это время в Польше его книги («Добрые времена» (1995), «Sex Wars» (1996), «Тайна китайской комнаты» (1996), «Дырки в целом» (1997), «Мегабитовая бомба» (1999)) являлись сборниками ранее опубликованных в периодической печати статей, эссе, фельетонов преимущественно на литературные и научно-технические темы, реже — политические. Книга «Мгновение» также представляет собой сборник эссе на различные темы, но они написаны специально для книги, и, с одной стороны, являются продолжением ставшего классическим и известного русскоязычным читателям произведения «Сумма технологий» (1964) и неизвестного «Диалоги» (написанного в 1954-1955 и опубликовано в 1957 году; о содержании книги говорит ее полное название: «Диалоги о воскрешении из атомов, теории невозможности, философской пользе людоедства, грусти в пробирке, кибернетическом психоанализе, электрическом переселении душ, обратных связях в эволюции, кибернетической эсхатологии, личности электрических сетей, коварстве электромозгов, вечной жизни в ящике, копировании гениев, эпилепсии капитализма, машинах для правления, проектировании общественных систем»), а с другой — обобщением ранее написанного по некоторым важнейшим проблемам современного

научно-технического прогресса и вошедшего (а также не вошедшего) в указанные сборники.

Большое место в книге уделено вопросам эволюции жизни на Земле, возможностям вмешательства в нее человека для решения различных своих задач, в том числе создания искусственного интеллекта и достижения бессмертия. Это в эссе: «Дилеммы» и «Плагат и творение» — о создании и применении новых технологий для получения различных материалов с улучшенными или новыми свойствами, в том числе «подсмотренных» у живой природы; «Спор о бессмертии» — об исследованиях, ведущихся в направлении достижения людьми бессмертия (продления жизни), и связанных с этим проблемами; «Глазами конструктора» и «Роботехника» — о состоянии дел по созданию роботов и роботоподобных устройств, в том числе по сравнению с тем, как это представлялось полвека назад на заре развития кибернетики; «Макрок» (придуманное Станиславом Лемом слово, означающее «макроскопический объект квантовый»), «Интеллект, разум, мудрость», «Парадоксы сознания», «Интеллект — случайность или неизбежность» — о нашем знании и незнании в вопросах человеческого сознания и о связанных с этим проблемах создания искусственного интеллекта; «Рискованная концепция», «Другая эволюция» — о клонировании и генной инженерии; «Проблемы», «Изменения», «Tertio millennio adveniente» (пришествие третьего тысячелетия (лат.)) и «Будущее темно» — о состоянии дел и направлениях развития точных наук, в том числе о научном прогнозировании; «Фатальное положение вещей» и «Logorhea» (словесный понос (лат.)) — о различных псевдонаучных работах и о муссируемых в средствах массовой информации псевдодостижениях, когда желаемое выдается за действительное, об информационном потоке.

И еще немного об одной теме, достаточно подробно рассмотренной, и связанным с ней оформлением книги. В интервью польскому изданию журнала «PLAYBOY» (№8/2000) на вопрос: «На обложке книги «Мгновение» над пустынной лунной поверхностью восходит большая, покрытая облачностью Земля. Со стороны этот спектакль наблюдает коренастая человеческая тень. Характерные плечи, лысина, уши... Нет сомнения: это Лем» — Станислав Лем отвечает: «Ах, эта Луна меня ужасно разочаровала. Я воспитывался на описаниях Жулавского «На серебряной планете»: дикие пейзажи, острые вершины, пропасти, обрывы... (Име-

ется в виду его «Лунная трилогия» 1901 года. Есть и русский перевод: «Жулавский Е. На серебряной планете. Рукопись с Луны». — М.: Мир, 1969, с предисловием, написанным Станиславом Лемом — В.Я.) Но оказалось, что нет совершенно этих вершин, этих скал, вообще ничего нет... Все там как-то сглажено... И откуда от этого деться... Стало ясно, что мы являемся наземными существами и ничего с этим нельзя поделать...». В книге анализируются проблемы, связанные с экспансией человечества в Космос: в эссе «Космические цивилизации», «Статистика космических цивилизаций», « $N=R*Fr*Ne*Fl*Fi*Fc*L$ » (формула Дрейка — количество техногенных цивилизаций) и, главным образом, в эссе «Человек в космосе». И основной вывод на будущее: мы сможем освоить планеты нашей Солнечной системы, но заселение человечеством и освоение нашей Галактики — это неправдоподобно.

В одном из интервью в 1997 году Станислав Лем сказал: «Я не являюсь таким крайним пессимистом, являюсь... в общем, я бы это назвал оптимистом, то есть являюсь немного оптимистом, а немного пессимистом (*no-польски «optysemist» из «optymist» и «pesymist» — В.Я.*). И позднее, уже в статье «Признания оптимиста» (польский еженедельник «Tygodnik powszechny», 14.03.1999 г.): «Лично я являюсь умеренным пессимистом: назвал себя когда-то «оптимистом». Считаю, что технологический скелет нашей цивилизации до такой степени силен, что может выдержать многое, даже большие катастрофы».

После прочтения книги «Мгновение» общее впечатление о дальнейшем развитии человеческой цивилизации складывается в соответствии с тем, как себя называет Станислав Лем, т. е. представляется оптимистическим.

Виктор ЯЗНЕВИЧ

Сергей Лукьяненко. «Геном». — М.: АСТ, 2000.

Сергей Лукьяненко всегда отличался какой-то необыкновенной легкостью пера, каким-то «реактивным» развитием событий, хотя его творения последнего времени в этом отношении несколько «буксуют» (ярчайший тому пример — «Холодные берега»). Насчет «Генома» все, казалось, будет точно так же — легко узнаваемый стиль, чисто «лукьяненковская» интрига и проблематика, но...

Как в школе очень немногие из нас смогли дочитать «Что делать?» Чернышевского хотя бы до середины, так и здесь облом настигает читателя примерно там же. «Провокация!» — вот пер-

вос, что приходит на ум при прочтении романа. Начальные главы еще в прошлом году лежали в Интернете и будоражили сознание читателя своей необычностью, но когда роман вышел, оказалось, что все гораздо проще. Мир, где генетические модификации стали привычным явлением, описан как бы изнутри, описан блестяще, на живом примере. Есть все, что требуется для хорошего романа – загадка личности главного персонажа, уже традиционный для Лукьяненко образ ксеноморфов; соответственно, есть ксенофобия как отзвук былой войны, космические трассы киберпанковского будущего, межзвездные службы безопасности. Обыкновенная космическая опера. В ней нет сегодняшних реалий, но это полбеды. В нем нет и собственно *общественных* реалий. А может, именно в этом и заключался замысел автора – показать, насколько эти существа отличаются от «натуралов», то есть от нас с вами? Мол, где предел этой специализации, и нужна ли она? Но тогда все выглядит и вовсе нелепо. Тема эта не развивается даже до половины. Вроде все идет, как надо, когда «на самом интересном месте» сюжет с размаху налетает вдруг на стену и замирает в ступоре. Другой бы автор отложил вещичку на год, полтора, но только не Лукьяненко! «Не хотите эти, возьмите вот эти». И в итоге все повествование сворачивает на тривиальный детектив, очень занудный и надуманный, да еще и с тенью Шерлока Холмса, с ловлей звездного шпиона-террориста в замкнутом пространстве. Чутьочку интриги, чутьочку садизма, чутьочку сюрпризов, и – voila! – получил. Чуть-чуть не хватило, чтобы роман стал пародией. Может, оно было бы и лучше, если б он ею стал.

Что же мы имеем в итоге? Имеем мы средний, совершенно проходной роман замечательного писателя, написанный им в промежутке между двумя превосходными. Некоторым нравится, а некоторым – «так...». Как сказал мой друг: «Лучше бы он оставался в Интернете».

Дм. СКИРЮК

Сергей Щеглов. Дипломат особого назначения. – М.: АСТ, 2000. (Звездный лабиринт).

Юный посланец Земли посреди романтически мрачного инопланетного средневековья изумительно ловко фехтует, хоть и старается при этом никого не убивать. А посреди феодальных усобиц вызывает государственный переворот, готовящийся зловещим монашеским орденом... Если вы думаете, что мы пересказываем сюжет «Трудно быть богом», то вы почти угадали: это фабула повести «Плен», открыва-

ющей новую книгу пермяка Сергея Щеглова.

Рецензент журнала «Если», отзываясь на предыдущий труд Щеглова, роман «Часовые Армагеддона», определил его жанр так: «сумма прочитанных книг». И подчеркнул, что жанр этот особенно популярен в последнее время. Если так, то Щеглов – самый яркий представитель жанра, не так давно ставшего прорываться к читателю в печатном виде, но существовавшего с незапамятных времен. Младшие школьники, балуясь сочинительством, непременно производят на свет вольные пересказы мультфильма «Тайна третьей планеты», а становятся постарше – обречены версифицировать приключения дон Руматы Эсторского. Вариантов почти не бывает. Ну, а потом, если баловство мало-помалу становится профессией, начинающий литератор все дальше уходит от любимых с детства книжек и иногда обретает творческую индивидуальность. А иногда не обретает, что не мешает ему, в конце концов, сделаться популярным писателем.

Интересно, что Щеглов суммирует со Стругацкими пермского автора Евгения Филенко, в том же «АСТ» издавшего три тома похождений «галактического консула» Константина Кратова. В самом деле, необходимые для увлекательности чтения прыжки героя с планеты на планету и контакты с разнообразнейшими цивилизациями легче всего мотивировать профессией звездного дипломата. Проскальзывают в книге отголоски героической звездопроходческой эпикей в духе Эдмонда Гамильтона, причем автор вместе с героем проинизмирует над необходимостью постоянно спасать мир, как то и положено героям американских комиксов, а в образе инопланетного разбойника Хампа дель Райга сквозит варварская лихость Конана. Наконец, над книгой висит тень космической станции «Вавилон – 5»: над 'арташьялствовавшим вдоволь, автор и герой обращают свое внимание на Землю, а там – заговор телепатов, государственный переворот, просвещенное космическое содружество цивилизаций разваливается на глазах...

Борис Стругацкий еще несколько лет назад печально констатировал смерть отечественной социально-философской фантастики и приветственным гимном встретил набравшую бешеную популярность русскую фэнтези. Читатель ныне не склонен рефлексировать над лабиринтами психологии и встраиваться в цивилизационные модели – он хочет непрерывного действия, понятного юмора и много драк.

Когда писатель хочет того же, происходит счастливое совпадение интересов. Не случайно герой «Дипломата особого назначения» ономастически близок автору через орнитологическое подобие фамилий – Сергей Щеглов и Олег Соловьев. Идентифицируя себя с персонажем, автор наслаждается собственными сверхспособностями: становится сначала телепатом, затем овладевает телепортацией, научается трансформировать собственное тело, производить шеклианский обмен разумами, наконец, ему удается манипулировать физическими основами бытия – он «голыми руками» тормозит космический корабль, собирающийся пырнуть в нуль-пространство. Это не считая обыденных свойств организма звездного дипломата, вроде инфразрения, ускорения метаболизма (т. е. «босвой режим», когда скорость движений и реакций в тысячи раз превышает норму – очень полезно при дуэлях с драконочерепаха-ми). Герой сам себе рентгеновский аппарат, масс-спектрометр и электронный микроскоп.

В принципе, сейчас вызрела целая плеяда отечественных авторов, успешно пишущих приключенческую фантастику, не отягощенную «вечными вопросами» Большой Литературы, причем не лишенных грамотности, сведущих в приемах построения композиции, характеров героев, обладающих определенным научным кругозором. Хотя и здесь встречаются орфографические ляпы, очевидные противоречия – коммерческое чтиво надобно писать быстро, а написанное желательно не перечитывать, а то завязнешь в стремлении к совершенству. Вот и герой Щеглова сперва наслаждается тяжелой объемистостью своего кошелька, через пару страниц кошелек почему-то оказывается тощим, хоть никаких трат произведено не было, а вскоре кошелек и вовсе самоликвидируется, а герой таскает монеты прямо из кармана.

Стиль метафоричностью не блещет, художественные образы в тексте, похоже, вообще отсутствуют, но вспомним, что предыдущая книга Щеглова «Часовой Армагеддона» разошлась очень быстро, многим желающим не досталось.

Павел КОПЕЙЩИКОВ

Фантастика 2000. – М.: АСТ, 2000.

Подхвачено выпавшее из «молодогвардейских» рук знамя ежегодных (а в лучшие времена выходивших трижды в год) сборников фантастических повестей и рассказов, статей и научно-популярных очерков. Естественно, гвоздем издания стала повесть Сергея Лукьяненко «Танцы на снегу». Естественно, повесть эта, судя по тща-

тельности и подробности, с которыми прописана экспозиция, должна была стать романом. Но то ли запала не хватило, то ли никак не мог придумать автор, что бы еще такое придумать про джедаев – повествование оборвалось. Повесть, впрочем, выглядит вполне самодостаточной, но – милой безделкой. И при этом она буквально кричит: хочу стать авантюрным нф-романом для юношества! Круче Буссенара! Мелодраматичнее Крапивина! Сагой хочу стать бесконечною – и могу!

Экспозицией к чему-то большому является и публикация Эдуарда Геворкяна «Путешествие к Северному пределу. 2032 год». Даже указано, что это пролог романа «Времсна самозванцев». Увы, издательская политика угробила малые формы, и в сборниках теперь приходится печатать отрывки романов, что, в общем-то, ненормально. Написано «Путешествие...» скучнее, чем «Танцы...». Если б до него на тему Земли после планетарной катастрофы ничего не публиковалось, произведение Геворкяна могло бы вызвать значительный интерес. Однако чего-либо принципиально нового в раскрытии затасканной темы у этого солидного автора не обнаруживается. Упрекнуть его можно и в обилии необъяснимых энигм «тайного города Питера», для разгадки которых не брошено и намек. Лавкрафтовщина какая-то.

Вторичен-третичен-четвертичен и «экологизм» повести Владимира Васильева «Проснуться на Селентине». Технология эмбриомеханики известна нам по Стругацким и Биленину. А название отсылает, помимо воли, к не столь уж давней повести Еремея Парнова «Проспись в Фамагусте».

Святослав Логинов навертел тонких теологических арабесок в рассказе «Живые души». Причем нельзя сказать, что описанная им интеллектуальная гордыня, не позволяющая признать божественного или сатанинского верховенства над своим «эго», так уж оригинальна. Зато прихотливостью мысли и длинной логической цепочки нанесен непоправимый вред попыткам автора добиться эффекта достоверности. Характер героя войлочной бесформен и неаппетитен; то он астрологические прогнозы в газетах читает и безропотно подчиняется стадному инстинкту зеваки-обывателя, а то вдруг оборачивается эрудированным философом-богборцем.

Рассказ Сергея Лукьяненко «Вечерняя беседа с господином особым посылем» мучительно напоминает экспозицию «Конец детства» – равно как и начало «Дня независимости». Зато нарисует полезный врачующий укол на-

шему сомнению, воспитанному на тезисах многих фантастов от Ван-Вогта до Сергея Ярославцева, будто земляне в галактике самые крутые и продвинутые.

«Секундант» Александра Громова неприятно, но изящен, и хорошо дополняет череду типологически схожих рассказиков – баек ветеранов-космопроходцев. Изумительная по краткости и емкости фраза «Летим это мы» может даже послужить если и не названием для поджанра вообще, то хотя бы сигналом для любого фэна о содержательно-стилевом наполнении подобных проинкомических псевдомуаров.

Абсолютно беспомощны тексты Андрея Дашкова «Жилец», Юлия Буркина «Бабочка и василиск», Александра Силаева «666 способов познать Будду». Что касается рассказа Сергея Синякина «Марки нашей судьбы», то он, как и публиковавшаяся в «Если» повесть «Монах на краю земли», построен на незамысловатой литературной игре. Выдумки банальны, а юмор грубоват. Это типичный пример так называемого «творчества фэнов», каждая публикация которого принимается «на ура» этими фэнами, как обнадеживающий факт корпоративного успеха. Какое-то отношение к литературе рассказы Синякина могут иметь только благодаря двум действительно ярким эпизодам. В «Монахе...» это филиппика Хрущева по поводу неадекватно шадящих условий содержания в психиатрической лечебнице маньяка-людоеда: «Двадцать человек схарчил! Да весь ЦК за тот же период всем своим составом меньше коров съел! А ему кашу в палату носят!.. Я не пойму, может, вы пидарасы? Может, сами тайком по ночам на городских улицах харчиться?» – и диалог Сталина и Берии в «Марках...»: «Ты всегда прав, Коба. Кто я такой, чтобы спорить с тобой? Ты из Гори, а я просто бедный и глупый менгрел». Вот это – действительно здорово. Впрочем, в качестве литературной игры более интересной представляется «Анна Каренина -2» Александра Золотко. Хотя и написан рассказик телеграфным стилем, но авторская фантазия удивляет, а порой и ошеломляет.

«Золушка на рынке» Кира Булычева – выворачивающий кишки панзанку коктейль из карамельно-светлого будущего в духе приключений Алисы, и тошнотворной чернухи позднейших произведений знаменитого автора. Зато «Как я стал фантастом» в рубрике «Вспомним былое» – это лучшее, что Булычев написал за последние годы. В восхищении умолкаем.

Но немного поворчим над очерком «Ровесники фантастики» Андрея Си-

ницына и Дмитрия Байкалова (рубрика «Размышления»). К сожалению, хронология успехов двух последних поколений российской НФ сведена к перечислению заслуг нескольких усердно раскручиваемых литераторов, хотя далеко не все из них являются безусловными лидерами современной отечественной фантастики. А жизнь нашего фэндомы, по мнению авторов, вращается по преимуществу вокруг «Странника», «Интерпресскона» и, может быть, «Сигмы».

Наконец, всегда интересно почитать Сергея Переслгина. Даже если его логика не безупречна, а доказательность присутствует где-то в необозначенных ссылками источниках (футурологическая статья «Из дебюта в миттельшпиль»).

Ерго: сборник удался, в последующих «Фантастиках» нужно усиливать непрозаические рубрики.

Игорь ЛЕГКОВ

Александр Тюрин. Боятся ли компьютеры адского пламени? (Роман опубликован на официальной странице Александра Тюриня в интернете - смотри сайт www.rusf.ru).

Новая повесть зачинателя российского киберпанка, отлично вписывающаяся в хронологию старого цикла «Космика»: после войны России против Турции и Китая в 2012 - 2015 гг. Землю потрясли глобальные изменения, повлекшие за собой появление коммунистической Германии и выселение наиболее передовых землян на красный Марс, ставший оплотом социализма. Общественное устройство построено по проекту первого коммуниста, грека Платона. В центре – продвинутые коммунары-солариты, 24 часа в сутки занятые творческим трудом и развлечениями; второй круг – рабочие поселки, в которых пролы горбатятся на благо ученых, и третья зона – зона свободы от законов – приютила воров, хакеров, свободных старателей и гениальных ученых. Игра в греков зашла у коммунаров слишком далеко: ладно, если б они только спортом занимались по примеру эллинов, так еще и свой гиперкомпьютер назвали в честь Афины, и половую ориентацию в большинстве своем поменяли...

Повесть насыщена грандиозными картинками мира высоких технологий – тут тебе и нанохимики, обитающие в теле человека, и клонирование человека с заданными свойствами, и битвы биоэлектронных компьютеров за передел сфер влияния. Место действия не ограничивается одной планетой, перед читателями мелькают плесневелые катакомбы задржавшегося столичного

Красного Марса, отравленные серные душегубки колоний строгого режима на Ио, полные опасностей кластеры пояса астероидов, расплавленные металлические реки Меркурия, кишечнорастворимые коралловые города биоцивилизации симбионтов аммиачного океана Европы...

Индекс многословия у писателя-фантаста Александра Тюринна чуть ниже, чем, допустим, у Льва Вершинина. С одной стороны, писатель должен свободно пользоваться письменной речью. С другой стороны, склонность к многословию, легко переходящая в самоупоение, когда писатель отключается от читателя, приводит к непрерывному монологу: начинается театр одного актера, где авторская речь едва отличима от реплик персонажей.

Тем не менее, в российской фантастике эта работа — одна из немногих, всесторонне показывающая развитие будущих социумов под воздействием технологии.

Сергей СОБОЛЕВ

Сергей Сиякин Монах на краю Земли (повести и рассказы) — М.: АСТ., 2000. 448 с. (Звездный лабиринт)

Проза Сергея Николаевича Сиякина прозрачна и ясна, как синева неба, рассказывает ли он эзоповым языком о хищниках-тиранах из близлежащего протухшего водоема («Повесть болотных лет»), или в форме притч размышляет — прямо по Борхесу — о поиске Бога («Метафоры возможного и невозможного»).

«Если бы все молитвы на смерть тирана и его приспешников дошли бы до слуха Божьего, то болото бы испарилось силой гнева Господнего! Но Бог не имеет ушей для лягушек и не внемлет их горю» (с.300).

Парефразируя классиков, напишу: правду говорить легко и приятно — а читать ее тем более весело.

Так почему же снова и снова актуальными остаются слова:

«Давайте заткнем уши, чтобы не слышать очередного зова в никуда, соберем в кучу оставшиеся у нас мозги и вспомним о наших детях — еще не павших на полях никому не нужных сражений» (с.368)?

Наблюдая, как активно расхватывают книжку на прилавках, стоит задуматься: «Почему вдруг эзопов язык иносказаний и едкая сатира опять нашли благодатного читателя? Не есть ли это сигнал для исследования процессов, возвращающихся в нашу жизнь?»

Слова поют, строчки, как родниковая вода, сочатся живительной влагой между пальцев, держащих книгу, стре-

мясь наполнить мозг, изголодавшийся по лирике:

«Тишина никогда не бывает абсолютной: в ней присутствует шорох трав и журчание родников, <...> и кричит коростель, и лягушки клянутся в любви своему болоту, и звенит Луна от ударов сорвавшихся звезд; вслушиваясь в наполненную этими звуками тишину, ты ощущаешь медленное покачивание земли, баюкаемой в бесконечной колыбели пространства зевающим солнцем» (с.363).

*Сожжен в песках Иерусалима
В водах Евфрата закален
В честь императора и Рима
Шестой шагает легион.*

В «Бузулукских играх» идеализированные римские легионеры гонят самогонщиков и хулиганов, в то время как мающаяся от безделья милиция вооружается мухобойками. Караси, «ошалевшие от смены среды обитания», пьются на пришельцев из прошлого, не в силах понять: как же занесло случайной апрельской грозой отряд центуриона Птолемея Приста из века первого в век двадцатый?

Честные и мужественные легаты попадают к нам, в забытый областным начальством мелкий райцентр, наводят идеальный порядок в жизни городка, искореняют преступность и полностью удовлетворяют одиноких дамочек, а пьяницы и казнокрады, тупицы и партработники волею случая перемещаются в далекое прошлое... Но причинно-следственные связи при путешествии во времени никто не отменял, и, может быть, мы сейчас такими лентяями потому и растем, что в предках наших оказались самые «отстойные» представители времен застоя?

Роман написан для малообразованных интеллигентных людей со склонностью к полиглотству, ведь герои произведения изыскиваются на хохляцкой мове, воровской фене и божественной латыни, лишь изредка вставляя для связки слов русские нематерные выражения.

Украшением сборника, его несомненной изюминкой, является трижды (!!!) премированная короткая повесть «Монах на краю земли» («Бронзовая улитка», «Интерпресском», «Сигма-Ф»), которая взрывает устоявшееся представление, будто бы уже нельзя написать оригинальное фантастическое произведение, не используя новых, радикальных идей. Достаточно было взять старую, замшелую космогоническую концепцию, добавить лагерной атрибутики (известной по Солженицыну и Шаламову) и приснопамятной карательной психиатрии (читайте Вл. Буковского), подсыпать завиральные

идеи, будто американцы на Луну не летали, и вот вам: свежее, которое есть не что иное, как хорошо забытое старое. Сергей Николаевич Сиякин жестоко поступил со своим героем, отправив юного Аркадия Штерна, энтузиаста-аэронавта из наивных тридцатых, в бесконечное путешествие без возврата, в пятнадцать лет на воздушном шаре без права переписки и с поражением в политических правах до самой пенсии.

Но Штерн-то хоть постоянные звезды на ладонях держал, а мы-то что с вами видели?

Сергей СОБОЛЕВ

Филип Дик. Око небесное. Пер. с англ. Г. Белова. — СПб.: Амфора, 2000 (Новая коллекция). [Eye in the Sky, 1957]

Читайте этот роман, и вам откроется величайшая со времен изобретения налогов тайна — никакого единого реального мира не существует, а существуют лишь фантазмы, воплощенные в живую плоть прохожих и кровельное железо близлежащих построек представления людей об окружающем их мире.

После случайной аварии на научно-исследовательском комплексе «Мегатрон» группа экскурсантов из восьми человек потеряла в полном составе сознание и подпала под влияние неуравновешенной психики идиота-войки Артура Сильвестра — единственного из посетителей «Мегатрона», сохранившего свое сознание и свое видение окружающей действительности. Если ему кажется, что все негры шаркают подошвами и плохо говорят на английском, то отныне все негры будут волочить ноги и шепелявить; если женщина придерживается радикальных взглядов в политике, то она неминуемо станет невысокой толстухой.

«Неужели все эти люди не подзревали, что являются всего-навсего извращенной выдумкой чьей-то прожженной башки?»

Мир генерала Сильвестра — мир по Птолемею, в котором центром вселенной является земной шар, вокруг которого вращаются мелкие Солнце, Луна и планетки, а сверху за всем пристально наблюдает око небесное — Бог, созданный фантазией генерала.

Вырвавшись из теократического мира Второго Бааба, мира, в котором физика занимается установлением телефонной связи с Богом, мира, в котором автомобили чинят молитвами, а проститутку в баре охраняет амулет из голеностопного сустава Магомета, восемь наших пострадавших экскурсантов попадают в мир, нарисованный воображением миссис Эдит Притчст. Мир

миссис Притчет — это слащавая Утопия, в которой все силы общества приложены для реализации художественного самовыражения человека, и где нет ничего, что этому могло бы помешать: секса (как и различия между полами) не существует, равно как отсутствуют клаксоны у автомобилей, смог на улице и налоговые счета, крики младенцев и вообще мелкие дети, кошки, Азия вместе с Россией, и политические новости. Верхом карьеры в этом розовом мире становится служба в лаборатории по приготовлению новых сортов душистых шампуней.

Но, занявшись отсеканием всего лишнего и вредоносного (в соответствии с ее, миссис Притчет, вкусами и взглядами), трудно свернуть с проторенного пути уничтожения окружающей реальности. Утопия, которая безжалостно отсекает все пенужное, неминуемо перерождается в кошмарную Дистопию. Очередной фантазм рушится, а наши горе-экскурсанты, избавившись от одного кошмарного мира, подпадают под обаяние очередного Творца, мисс Рейс:

«В длинном вельветовом пальто, с сумочкой, перчатками под мышкой, с экземпляром «Нью-Йоркер», купленном по пути, она могла показаться обыкновенной мелкой служащей, вернувшейся домой из конторы». И никто из посторонних прохожих не подозревал, что она — Бог, сотворивший параноидальный мир, в котором чудовища живут в подвалах, чердаки стонут живыми голосами, ковер — это язык, готовый слизать человека, чтобы потом стены дома переварили тебя и выплюнули обглоданные косточки на крыльцо.

Был еще на пути следования наших героев бандитский мир гротескной Америки тридцатых: шикарные рестораны, стриптиз-бары и жалкие голодающие нищие, бредущие по грязным улочкам мимо баррикад, настроенных неграмотными злобными пролетариями — мир, рожденный подсознанием коммуниста.

Восемь человек попали в аварию, четыре разных мира пройдено. Повествование обрывается на пятом — в общем-то, пока вполне похожем на реальный. Только... Что будет после очередного пробуждения? Останется ли мир прежним, или вновь сорвется с нарезки и поскачет по извилинам искаженного сознания очередного Творца?

Сергей СОБОЛЕВ

Томаш Колодзейчак Цвета штандарт. Роман. Пер. с польск. Е. Вайсброта. - М.: АСТ., 2000. (Координаты чудес).

Независимая планета борется с дву-

мя напастями: с тылу набегают компьютеризированные земляне, мечтающие создать Империю, а из космоса приперлись незванные инопланетяне, владеющие телепортацией так же ловко, как пассажир троллейбуса — компостером: где хотят, супостаты, там и проткнуто пространство, чтобы сотню-другую тысяч человек на опыты пустить.

Нравоучительный роман, закамуфлированный в обертку космической оперы с мордобитием, лазерострелянием и межзвездными войнами. Томашу Колодзейчаку присвоят лавры второго Хайнлайна (или вторым был Аллен Стил?), и не без основания: постоянные экскурсии в политическую подоплеку творящихся в независимой колонии событий, героическая борьба сторонников независимости против тоталитарного деспотизма земной метрополии, длинные рассуждения об алчности властолюбцев и способах манипуляции массовым сознанием... Цитатки: «Как только «покорные» получают власть, они незамедлительно начинают менять законы, которые многие годы обеспечивали им же возможность действовать свободно. Так было всегда. Те, кто стремился ликвидировать старые порядки, критикуя их и безжалостно обвиняя, всегда использовали в борьбе права и привилегии, обеспечиваемые именно этими порядками. Потом, когда уже в их руки попадала власть, они уничтожали эти порядки так, чтобы им никто не мог угрожать» (с.91), «Террористически люди всюду были готовы к эвакуации. Практически же ни одно бегство никогда не проходило в соответствии со штабными разработками. Всегда что-то да не срабатывало, чего-то не было дома, где-то возникла паника» (с.48), «Чинювники нужны всем» (с.138), «В пропаганде важен не смысл, а напор, увлекательная подача материала и многократность повторения» (с.153).

Рассуждения на грани банальности, но вряд ли тинейджеры прочтут что-то подобное открытым текстом хотя бы в школьном учебнике по истории России начала XX века. Политика-с! А так, в какой-то банальной НФ-книжке — пожалуйста. С этой точки зрения роман «Цвета штандартов» можно рекомендовать для висклассного прочтения.

С другой же стороны, герой романа — танатор (как и положено, супермен, реакции ускорены встроенным компьютером, а мускулы усилены спецдобавками) имеет право выслеживать, судить и приводить приговор в исполнение «не отходя от кассы»: есть такая спецслужба на этой планете, судья и полицейский в одном флаконе. При чем когда сам наш герой приводил за-

коны в исполнение, это его нимало не беспокоило — за ним стояли судьбы миллионов жителей его родной планеты, коих требовалось охранять от вредоносных тоталитарных сект или террористов. Когда же, напротив, он столкнулся с превосходящим противником (супер-танаторы с Земли, назовем их так), то все его существо взвыло против насилия над личностью, требуя строгой легитимности: а ведь за спиной земных супер-танаторов стояли судьбы Земли и подчиненных ей колоний... Впрочем, я не оправдываю деспотов-землян: просто меня достали мечты юных фантастов о скорострельном — во всех смыслах! — суде над преступниками.

«Один из мужчин был лыс, а его череп покрывали вытатуированные названия мультоспешных планет, а также лежавших на ней поселений. В некоторых отделениях Департамента существовал обычай фиксировать на черпаках все места службы» (с.133).

Вот бы на практике реализовать!

Сергей СОБОЛЕВ

Андрей Лазарчук. Из темноты. - М.: АСТ., 2000. (Звездный лабиринт).

Книжку «Из темноты» необходимо купить неопфэнам, чтобы знать, из чего, собственно, выросла современная российская фантастика с перестрелками и беготней по параллельным мирам, откуда пошли ledenящие душу мирного зашуганного пролетария ужасы про красных коммунистических вурдалаков и сказки про затерянные секретные лаборатории. Все это с лихвой представлено на страницах нового авторского сборника Андрея Лазарчука. Только помимо непеременимых атрибутов социалистического хоррора и политического триллера читатель найдет колоссальный анализ устройства бюрократической машины, превосходящий по полноте анализа иные газетные разглагольствования, и вынужден будет задуматься над своим местом в этом печеловеческом мире.

Сергей СОБОЛЕВ

Андрей Лазарчук. Все способные держать оружие... - М.: Вагриус. 2000.

После прочтения «Иного неба» у меня сложилось определенное, не самое лестное впечатление об этом романе; после прочтения значительно дописанной (увеличенной ровно вдвое!) версии этого произведения, мнение мое только еще больше окрепло. И вот в чем оно заключается: каждое последующее произведение Лазарчука, написанное после «Опоздавших к лету», будет сверяться именно с этим романом. Вот и «Все способные держать оружие...» всего лишь выросли из небольшого, по

очень ударного по эмоциональному и моральному воздействию фрагмента легенды о том, как солдаты древнего Вавилона, выдерживавшие осаду врагов, «отбили их, потому что знали каждый свою задачу и свое место на стене...». Из одного абзаца накручено пять сотен страниц сильного динамичного боевика, и все с одной и той же целью: подвести главных героев к ситуации, когда они вынуждены будут просто-таки спать и есть с оружием наготове, чтобы защитить свою землю от грозящей опасности.

Торчат, кстати, из романа Лазарчука уши «Миссионеров» Л. и Е. Лукиных - на этот раз доброхоты из будущего решили эвакуировать майя из Америки, ну, а спасенные не преминули в знак благодарности перерезать полчеловечества. Наверное, мы скоро дождемся от Лазарчука, с его прекрасным, мастерским умением нагнетать атмосферу ужасного и кровотокающего, новых произведений с более четкими «хоррорными» атрибутами (типа «Там вдали за рекой»), благо спрос на ужасы выдуманные будет все устойчивей с увеличением стабильности в мире невыдуманном.

Сергей СОБОЛЕВ

Евгений Лукин. Алая аура протопарторга. - М.: АСТ., 2000. (Звездный лабиринт).

Приятно начать новый год с новой книжки. Тем более если книжка эта — томик новых (почти нигде не публиковавшихся) произведений волгоградского писателя Евгения Лукина.

В заглавном романе нарисован альтернативно-параллельный мирок, в котором могущество мага прямо пропорционально величине народной поддержки, саперы ошибаются дважды, американские гоблины пристрастились к православному ладану, а домовые ширяются смертельной святой водой. Говорят, после повести «Там, за Ахероном», на Евгения Лукина взъелись некоторые адепты догматического православия. Теперь аналогичных реакций можно ожидать со стороны белых колдунов и черных магов.

Вилка в историческом развитии этого мира произошла после 1917 года, когда волею случая были намертво связаны меж собою коммунизм и православие. Новый человек православно-социалистической формации ковался в исправительно-трудовой колонии, с молодых ногтей разучивал революционные молитвы (с.196) и готовился к битве с мировым колдунизмом-демократизмом в лице вездесущего НАТО.

В рассказе «В стране заходящего солнца» нарисовано абсурдное социаль-

ное устройство, при котором трудолюбивые люди и работяги оказываются изгоями общества. Эссе «Дело прошлое» вводит нас в потусторонний мир общения Писателя с Внутренними Органами, а статья «История одной подделки» (напечатан полный вариант — в «Если» был с купюрами) прибавляет шуточных доказательств в концепцию выдуманной истории Морозова-Фоменко.

Цитаты из текста:

«Государство — наиболее организованная и многочисленная преступная группировка».

«В чем состоит разница между политическим деянием и уголовным?»

Сергей СОБОЛЕВ

Альфред Бестер, Роджер Желязны. Психоловка. Пер. с англ. И. Тогоевой. - М.: ЭКСМО, 1999. (Стальная крыса).

О существовании этой книги я узнал из журнала «Интерком» № 1'95 (когда он еще продолжал выходить в составе журнала «Если»), в котором сообщалось, между прочим, что покойный Альфред Бестер (1913-1987) написал примерно на треть некий роман «Psycho Shop», а по черновикам и наброскам книгу будет дописывать... Роджер Желязны! В 1995-м о выходе такой книги на русском языке можно было только мечтать: целые пласты НФ-классики лежали на виду, но издатели предпочитали (да и сейчас предпочитают) гнать серый поток. Каково же было мое приятное изумление, когда «ЭКСМО» безо всяких рекламных уведомлений выпустило-таки перевод этого совместного романа двух мастеров фантастики.

Место и время действия не определено и размыто по векам и континентам, но на горизонте постоянно маячит любимый Бестером XXV век, а среди персонажей то и дело мелькают милые сердцу Роджера Желязны Боги и Титаны. На планете живут и сосуществуют 28 видов разумных землян — люди-кошки, люди-змеи, люди-птицы (представляете себе страстную холонокровную любовницу с раздвоенным языком?!). Или вот ситуация: девушка-змея влюбляется в парня-мангуста... Хотя как минимум первая сотня страниц принадлежит Бестеру, некоторые вставки сделаны явно Роджером Желязны — например, эпизод с юным Эдгаром По, ведь По — культовый для Желязны писатель.

Это роман-шарада, роман, вобравший лучшие достижения американской фантастики. На обложке книжки можно было бы поставить соавторами, например, Роберта Шекли и Филипа Дика — и придиричивый читатель съел

бы эту комбинацию, ведь наряду с пиротехническим буйством Бестера и поэтикой Желязны в тексте постоянно мелькает абсурдистский юмор позднего Шекли и навязчивый солипсизм Дика.

Роман читается на одном дыхании (хотя лично меня раздражают фирменные желязновские многостраничные описания сцен поединков супербойцов), шутки попадают в читателя заразительными хлопучками, но вряд ли это произведение войдет в сокровищницу достижений НФ XX века — увы, ни Бестер, ни Желязны не смогли толком закрыть двери в «Магазин для психов».

Однако это обстоятельство несколько меня не огорчает: в следующем веке безумный карнавал продолжится.

Цитата из книги:

«Я повел его в глубь дыры, где у Адама была мастерская. Там в состоянии абсолютного покоя и в рабочем состоянии висели все собранные им к этому времени качества Иддроида. Те, которые невозможно было увидеть глазами, имели таблички с надписями. Таблички покачивались в пустоте как бы сами по себе, но если бы кто-то вздумал дотронуться до такой таблички, то моментально испытал бы на себе указанное на ней качество».

Сергей СОБОЛЕВ

Вулф, Джин. «Книга нового Солнца». («Пыточных дел мастер» / «Коготь Миротворца» / «Меч Ликтора» / «Цитадель Автарха»). - М.: ЭКСМО, 2000. (Знак Единорога)

Трудно обстоятельно оценить в такой маленькой заметке столь огромный труд. Причем, роман и сам по себе замечательный, и вышедший, вдобавок, в превосходном переводе. И все же, я попытаюсь.

Умение творить миры в фантастике очень ценится. На самом деле это — едва ли не самое важное умение для писателя-фантаста. Мало отыщется произведений, где мир был бы так реален, так детально проработан, как, скажем, мир «Властелина Колец», «Гипериона» или «Дюны». Такие романы — скорее, исключение, чем правило. И «Книга нового Солнца» — один из таких.

Все здесь необычно, но эту необычность герои книги принимают, как нечто, само собой разумеющееся. Здесь, в запутанных обрядах потустороннего прошлого, в дремучем невежестве провинциальных городов, в бесконечной войне с каким-то тоталитарным государством доживает последние века мир, населенный людьми. Обитаемый материк. То ли наша Земля за пределами далекого будущего, то ли какая-то

давно колонизированная планета. Как говорит один из персонажей: «Неправда, полуправда и немножечко правды — это и есть традиция».

Это мир безумный, и спокойный в своем безумии, мир угасающего солнца, мир на склоне лет. Мир почти всезнающий, и мир, отягощенный этим знанием. Мир, где властвуют почти что всемогущие биотехнологии, и правит бал средневековое мракобесие. Мир, в котором постоянно идет война, о которой никто не думает. Мир средневековья, где среди заброшенных кварталов великого города Гюлла поставлены на вечную стоянку космические корабли, переделанные в башни. Мир, пребывающий в добровольном рабстве у самого себя. В нем есть Автократия и есть Соппротивление, и никто из них не прав. Есть инопланетяне, к которым все привыкли, и путешественники во времени, к которым тоже все привыкли, — ничего не вызывает удивления.

Подкупает самое начало книги. Читатель и герой романа — Северьян входят в этот мир одновременно. И вот подмастерье палача, изгнанный из своей гильдии за преступление, идет на встречу своей судьбе. Но в этом мире все проникнуто духом разрушения, и герой, кажется, и сам несет в себе зерна гибели. Гибнут все, кто связывает с ним свою судьбу, а если не гибнут, то просто уходят. Даже свою единственную любовь он оказывается не в силах удержать — она сбегает в прошлое, которое на самом деле тоже умерло. Гибнет Текла, юная аристократка, павшая жертвой бессмысленных дворцовых интриг, гибнет Иолента — глупенькая девочка, которая всего-то навсего хотела быть красивой, гибнет вся семья мальчика из горного селенья, тоже — Северьяна, гибнет так обыденно и буднично, что сам он этого даже не успевает воспринять. А потом гибнет и сам мальчишка. И так без конца. Жизнь и смерть здесь как будто поменялись местами. И к этому привыкаешь.

И с каждой смертью что-то меняется в душе героя. Роман полон странных размышлений, глупых и глубоких одновременно, философских отступлений, то наивных и житейских, то вдруг — удивительно красивых и парадоксальных. Северьян как будто поднимается по бесконечной лестнице с разбитыми ступенями. Куда она ведет — не ясно, но глаза его при этом раскрыты, и он не стесняется глядеть по сторонам. Он — палач. Его учили лишь пытать и убивать, но с каждой главой становится все более понятно, что люди вокруг него — едва ли не большие палачи, чем он сам. И все же, это люди, со своими печальями и радостями, стра-

стями и страстишками, со своими мелочными заботами или глобальными замыслами... Каждый говорит по-своему, у каждого свои привычки и проблемы, каждый хочет чего-то своего, и каждый вовлечен в нелепую игру властей предержащих. Этот мир — гигантская свалка истории. Кладбище идей. Музей забытых предрассудков. Он умирает. Стоит ли его спасать? «Если я найду в этом городе хоть одного праведника, пощадишь ли ты сей град обреченный, Господи?»

Пощадишь ли?

А если бог — это ты сам?

А если им можно стать?

А если — заставляют?

А если спасти не получится?

А если — получится, то какой ценой?

Персонажей в романе множество, и каждый описан тонко, хотя порой всего двумя-тремя штрихами. Миниатюра. Мозаика. Коллаж. Но главное не это. Главное, что этот мир описан так, будто автор видел все это сам, а вовсе не придумал. Чем-то это напоминает романы другого американского мастера — Джека Вэнса. Сюжет здесь тоже не несет особой нагрузки, хотя нельзя не признать, что основная идея книги удивительно красива. Но даже если бы ее не было вовсе, роман был мало потерял. Это своего рода роман-дорога. Ткань повествования здесь составляют сами описания мира и людских поступков, их обычаи и странности. Затерянные во времени сады, дуэли на ядовитых цветах, живущие в морях великаны, роботы с протезами из живых тканей, инопланетяне в масках прокаженных, отказавшиеся от разума зверолодимутанты, магия, похожая на технику, и техника, похожая на магию... Забытые религии, такие же забытые апокрифы, истории, в которых совершенно неожиданно узнаешь искаженные временем наши сказки, легенды и реальные события сегодняшнего дня...

Я не знаю, что еще сказать. Любые слова будут здесь лишними, лучше просто — взять и прочесть. Это очень красивая, яркая и вдумчивая книга, из ряда тех, которые делают тебя немножечко другим. Замедлите шаг, остановитесь на пути — вы очень много потеряете, если пройдете мимо нее. Вам все равно потом придется вернуться.

Дм. СКИРЮК

Еськов К. Последний кольценосец. — М.: АСТ, 2000. (Заклятые миры)

Кирилл Еськов никогда не отличался особенным тактом. Скорее хронист, чем писатель, он уже погружался в дебри Нового Завета, анализируя библей-

ские события, теперь же объектом его разборок стала эпопея «Властелин Колец». Явления неравнозначные, но в некотором роде все-таки сопоставимые. Но если в мире Нового Завета за прозрачным ликом автора все-таки проглядывал дотошный аналитик, то в мире профессора Толкина господин Еськов ведет себя с грацией слона в посудной лавке. Отныне никаких «Если не так, то как же?», одно «Только я знаю, как было». Война за Средиземье с точки зрения Темных Сил. Идея, вроде, не нова («Черная Книга Арды» сужествуе аж в трех экземплярах — «каноническом» и двух апокрифических), но до конца, конечно, не раскрыта. И вот за дело берется господин Еськов. И сразу же все становится просто и ясно. Оказывается, Толкин был дурак и провокатор, ни хрена не знал, плюс ко всему был агентом Светлых Сил и намеренно искажал исторические факты. А далее следует сакраментальное: «Зато я вот чего расскажу...»

Мы с вами живем в циничном мире, в циничное время, среди циничных людей. Историю, конечно, пишут победители. Мы с вами и сами оказались свидетелями того, как все, что произошло в стране и в мире за последние лет сто, сегодня переписывают заново в угоду этим самым победителям. А кто победил? Нувориши, плутократы и политики, власть которых держится опять-таки на криминальном капитале. Так вот, если хотите знать мое мнение, то «Последний кольценосец» — это «Властелин Колец» для новых русских. Все четко, ясно, без базара. Эльфы? Какие они, в натуре, светлые! Подлюги они, волки позорные, и победили одним обманом; Арагорн — козел, самозванец и подкаблучник вроде Гришки Отрепьева, продал Средиземье эльфам; Гэндальф — карьерист, завистник, неудачник и прожженный интриган; а Фродо не было вообще, так, два дебила для отвода глаз песли к Ородруину какую-то бижутерию, мелкую феньку.

А что же было у opposing forces? О, много чего! Был орден назгулов, благородных и мудрых, была страна, похожая на древний Самарканд, а тролли, орки и все прочие — не более, как южные людские племена. Это их потом оказывается летописцы так грязно подставили. Да и колец, похоже, было больше, и к хозяевам своим они не так уж были и привязаны. И был естественно на этой стороне своеобразный «анти-Фродо», в противовес необразованному хоббиту из Шира — мудрец, ученый, интеллектурал и вообще добрейшей души человек. И снял колечко мудрый назгул, и отдал сему ученому: носи, мол, дорогой, мне что-то недосуг. Хорошая

была страна, в общем. И чего это светлые на них напали? Технику не любили, наверное. «Зеленые» были. «Гринписовцы». Ага, ага. А вы разве не знали?

Как я уже писал, мы живем в циничное время, время перемен и переделок. Сиквелы плодятся словно тараканы, не избежал подобной участи и «Властелин Колец». Уже никого не удивляет, что произведение британского филолога «доделывают» все, кому не лень. Пристроят к Зимнему Дворцу большущий дровяной сарай, и ну кричать: «Я построил продолжение Зимнего Дворца!». А иной Герострат и вовсе сожжет его и скажет потом: я, мол, переосмыслил идею Зимнего Дворца. Но главное даже не в этом. Можно представить эпопею Толкина в трагическом ключе (Ниенна), можно пробовать вообразить, что будет в этом мире много лет спустя (Перумов), можно все представить с юмором (С.О.Рокдевятый), но нельзя же сотрясать основы, рушить само здание! Иначе получается, что это либо клевета и спекуляция, либо — не имеет к книге Толкина совершенно никакого отношения. Еськов же утверждает, что имеет. Не хочу обидеть автора, но очень уж нехорошо все это выглядит — залезть в мир Средиземья и сделать вид, что Толкина там не было. Оруэлл писал когда-то, что переписанная история есть единственно верная, когда оригиналы уничтожены. Но уж тут-то господин Еськов точно просчитался.

Да и сам «Кольценосец» до уровня романа как-то не дотягивает. Это скорее хроника, чем роман. Сюжет... Как бы это сказать и никого при этом не обидеть... О! Сюжет у нас есть. Настрой повествования довольно боевой — сплошное *nicht capitulieren*, язык ни богатый, ни бедный: свидетельства очевидцев, заметки, путевые листки, иногда — вечерние размышления о смысле жизни. Можно было придумать чего и получше вместо того, чтобы страницами переписывать учебник почвоведения. Масса всяческих отсылок на новую, «подлинную» историю войны Кольца. Куча ляпов («Штыки в землю и по бабам!» — какие штыки в Средиземье?!). Авторский стиль паличествует. В общем, если бы не тема, это был бы средний добротный шпионский роман с потугами на фэнтези. Похождения Джеймса Бонда в древней Бухаре. Книга скандальная и противоречивая. Заслуживает права на существование. О ней будут спорить. Одно мне только интересно: если бы роман «Властелин Колец» сегодня не существовал как данность, хоть кто-нибудь обратил бы внимание на «Последнего кольценосца»?

Сколько там зубов толкинисты выбили Перумову? Один?

Счастливчик...

Дм. СКИРЮК

Кей, Гай Гэврил, «Тигана». — М.: ЭКСМО, 2000. (Знак Единорога)

Любят, ох, как любят некоторые авторы писать романы с ни к чему не обязывающими названиями. «Айвенго» там, или «Дубровский». Или, скажем, «Жан Кристоф». Или «Дюна». Или «Элениа». Никогда не знаешь, что скрывается под очередной красивой обложкой — то ли откровение, то ли пустышка. Так и тут — «Тигана»... Что такое Тигана?

Фэнтези бывает разное — зеленое, синее, красное (шутка). Мы не сразу это поняли — вода фантастики ужасно медленно точила плотину нашего выпущенного невежества. Это потом, когда шлюзы рухнули, и мутный поток захлестнул нас с головой, мы поняли, что фэнтези — это не только Говард и Толкин. Полеволе пришлось разбираться, чтоб не выплеснуть с водой ребенка. А там, между прочим, водились разные существа, и прекрасные, и уродливые, а иногда и вовсе — никакие. Мы полюбили первых и возненавидели вторых, научились мы распознавать и третьих. Мы теперь умеем видеть дно сквозь мутные воды. Мы проплыли эту реку от устья до истока и обратно, от непобедимых варваров до мудрых волшебников, от простодушных хоббитов до заплутавших ведьмаков. И вот, когда мы, кажется, уже прочли и просмотрели, разложили все по полочкам и двинулись дальше, «Тигана» вдруг похлопала нас по плечу. Мы обернулись...

И не смогли отвести глаз.

Гай Кей написал необычную книгу, очень спорную, очень странную и удивительно красивую: Это дерево растет совсем от других корней — не от Толкина, не от Говарда и не от Лс Гуин. И даже — не от Сапковского. И столь любимый западными авторами король Артур здесь также ни при чем. Река по имени «Тигана» берет свое начало на склонах горного массива авантюрной прозы, протекает сквозь дремучий лес готических романов, через долину исторических книг, и под мостом романа-дороги, а вот впадает, как это ни странно, в море фэнтези. И нельзя сказать, чтобы роман был строго выдержан «в традиции», скорее, наоборот.

Однако сам сюжет вполне укладывается в прокрустово ложе жанра. Судите сами. Некий злобный чародей завоевал страну с названием Тигана. А чтобы отомстить за гибель сына, он не только стер с лица земли столицу за-

воеванного королевства, но и наложил заклятие: никто теперь не может ни запомнить, ни произнести потерянное имя, только сами жители Тиганы. И когда умрет последний, кто был в ней рожден, память о стране с таким названием исчезнет из мира. И горечь поражения становится стократ сильнее оттого, что жить воспоминаниями о прошлом не имеет смысла, а будущего больше нет. Жители Тиганы становятся изгнанниками в своей же собственной стране. Нет теперь такого королевства, есть малая провинция с названием Нижний Корте, и только.

Надо сказать, что в фэнтези, в этой «сказке для взрослых» вообще огромное значение придается именам. И вот от этой печки пляшет мастер Гай. Идея, в общем-то, стара, как мир. За примером далеко ходить не надо. Ведь сколько раз, не где-то там, а в нашем с вами мире приходили завоеватели и называли Волгу — Итилем, Любляны — Лайбахом, а Петербург — Ленинградом. Хочешь уничтожить что-то, как явление, не обрывай напрасно листьев, зри в корень — поменяй название. Не истребляй яичное казачество, а попросту — переименуй Яик в Урал.

Однакоже силен роман не этим, а совсем другим, — тем, как показаны герои. Судьба бродячего артиста Дэвина, вокруг которого завязывается сюжет, очень скоро отступает на второй план, и у читателя наступает своеобразное «разрушение» восприятия. Где-то к середине книги начинаешь ощущать некую растерянность — не получается отличить черное от белого. Конечно, есть отдельные моменты, когда понимаешь чистоту и благородство принца Алессана, расчетливую трусость чародея Альберико, и глубину отчаяния Дяноры, попавшей в страшную ловушку собственной любви. Но это — всего лишь моменты. Гай Кей сумел проделывать нечто, почти невероятное — сила его прозы такова, что читатель против воли всякий раз симпатизирует тому, кого в данный момент описывает автор, неважно, будь то главный герой, второстепенный, или же — главный злодей. Принц Алессан, который с необычайным тщанием и долготерпением организует сеть сопротивления, так же глубоко западает в сердце, как и Брандин Игретский, чародей-захватчик, истребивший даже память о захваченной стране. В этом смысле «Тигана» Гая Кея приближает нас к тем общечеловеческим проблемам, с которыми мы сталкиваемся в жизни каждый день. Люди здесь действуют и поступают именно, как люди, а не как типажи. Это и подкупает, и настораживает, а под конец совершенно пленя-

ст. Весь роман в целом напоминает очень длинную и фантастически красивую шахматную партию. И это — несмотря на очевидные длинноты и стереотипы жанра, от которых автор так и не смог отказаться. Скажем, если герой погибает, можно быть уверенным, что страниц через десять-пятнадцать нам поведают историю его чудесного спасения. Отрубание пальцев «для единения со стихийной магией полуострова» тоже выглядит как-то неубедительно, напоминая ритуал якудза...

Но к делу. Что же в итоге? Все эти интриги, вся борьба, вся история отвоения принцем Алессаном своего королевства заканчивается его победой, а как же иначе? Но победа эта почему-то не очень радует. Наверное, это потому, что читатель успел проникнуться не только благородной одержимостью Алессана, ненавистью Баэрда и самопожертвованием Катрианы, но и безвыходной любовью Дианоры, и страданием и болью короля Брандина. И

на главный вопрос «Почему?» нет ответа. Конечно, дело Алессана правое, и на войне все средства хороши, но если вдуматься, то это страшно. Уж если выбирать, я выбираю Дианору: она, по крайней мере, оставалась честной до конца. Быть может, я и ошибаюсь, но лично у меня победа принца Алессана, который с упорностью Ленина рвется к победе идеи, совсем не думая о людях, не вызывает ничего, кроме ощущения неправильности происходящего. За Имя заплатили слишком дорого. Попытка выстроить в России новый мир превратила некогда великую страну в один большой ГУЛАГ. Что ожидает возрожденную Тигану? Мудрое правление и Золотой век, или же на заново отстроенных белых башнях Авалле в конце концов установят пулеметы?

В мире побеждает посредственность.

И лишь одно внушает надежду, что такого не случится — крик мальчишки в уничтоженном врагами городе, тот

самый, «на самой верхней ноте голоса, с гордостью, с любовью, с вечным неугасимым вызовом в сердце. — ТИГАН! [...] Звук, имя, скорбь, брошенные в ясность весеннего дня». Крик, из-за которого все это и затевалось. Тот мальчик вырос и исчез. И пустота, поселившаяся в душе Баэрда, этого местного Че Гевары, вполне закономерна; ее не заполняют никакие Ночные Ходоки. Но есть надежда, что будут и другие мальчишки.

Ничейная смерть шахматам гарантирована. Но кто сказал, что шахматы — плохая игра?

Весь роман пересказывать нет смысла. Каждый найдет в этой книге что-то свое, если только возьмет за труд поискать. Не так уж много наберется романов в жанре фэнтези, которые действительно стоит взять с собою в новое тысячелетие. «Тигана» этого заслуживает.

Остальное, в общем-то, не важно.

Дм. СКИРЮК

Блуждающая маска

СНЯТСЯ ЛИ КЛОНАМ ОВЕЧКИ ДОЛЛИ?

«Шестой день». Режиссер Роджер Споттисвуд, в главной роли Арнольд Шварценеггер.

Все-таки далеко не случайно персонажа Шварценеггера нынче зовут Адамом Гибсоном. Если кто-то — Адам, значит, он непременно сделается прародителем новой расы. Фамилия тоже «говорящая». По крайней мере, она многое скажет читателю киберпанка с его мрачной эстетикой спеленутой компьютерной паутиной планеты, полновина пародопоселения которой — маргиналы, воюющие с законом за шмат черного нала, а вторая половина — благообразные лохи из транснациональных корпораций с японскими названиями.

В принципе, каждый блокбастер — обязательно фильм ужасов. Зрителю непременно объясняют, чего ему сейчас пужно бояться. Сначала пужно было бояться роботов. В первом же произведении, где появилось слово «робот», человекообразные машины немедленно взбунтовались против своих создателей. Затем роботы стали андроидами, столь неотличимо похожими на людей, что поводов для страха стало значительно больше. В последнее время нас пугают компьютерным солипсизмом: а ну, как все окружающее — только матрица?

И это действительно страшно. Потому что блокбастеры апеллируют не к примитивной ксенофобии, не гигант-

скими пауками страшат и не инопланетянами негуманоидными. Современное американское кино будит первобытный страх человека перед возможностью увидеть самого себя. Своего двойника, если точнее. Классические герои Шамиссо и Шварца (Евгения), столкнувшись нос к носу с альтер эго, начинают понимать, что сработала какая-то «матрица», переплелись тропинки двух миров, чуждых параллельных пространств...

Поэтому Франкенштейн обязан нести зло, роботы всенепременно бунтуют, виртуальная реальность сест сомнения в надежности опоры под ногами, и человек начинает терять свое «я». Именно возможностью такой потери и страшны сказки про двойников. Герой «Блейдраннера», профессиональный охотник за андроидами, инстинктивно не приемлет существования в одном мире с человекообразными подделками, потому что боится обнаружить в машине человечность. В этом случае он не сможет ответить на вопрос: а кто же он сам? «Матрица» абсолютизирует страх потери знакомого, обжитого «я» — вместе с остальной привычной вселенной.

И вот появляется «Шестой день», в котором возвращающийся в семейное гнездо Шварценеггер видит через окно, как другой Шварценеггер предается радостям семейного уюта. Клон — это идеальное зло, поскольку клон — это идеальный двойник. Бойтесь, люди!

Антураж нового блокбастера заигрывает с эстетикой киберпанка,

только вместо чип-соблазнов кибергизации (т. е. фактического бессмертия) выводит на первый план гено-соблазн. Эстафета клонов фактически способна длить существование индивидуума до бесконечности. И как же брезгливо относится герой Шварценеггера к клонированным дублям, как бунтуют все его инстинкты против неестественности двойничества!.. Я — это я, или тот, абсолютно на меня похожий, кто занял мой дом и целует мою жену?

Вообще-то создатели фильма не смотря на библейские аллюзии не отважились написать новейший завет. Копия Шварценеггера по голливудским канонам обречена быть столь же благонаправной, как и оригинал. Два Шварценеггера — это не бездна мистического ужаса, а удвоенная сила на страже справедливости и добра.

Но заявка на стилевое течение, идущее заменить киберпанк, сделана. Название ему еще придумают (ДНК-панк, клонофрения и т. п.), еще разработают незаемный антураж и очертят круг специфических конфликтов. В конце кошмаров, сначала была абстрактно-романтическая «Нирвана», и лишь потом пришел черед жесткой философии «Матрицы». Но, чтобы создать стиль, потребуется режиссер иного склада, нежели Споттисвуд. Ридли Скотт, например. А вместо Шварценеггера мы еще увидим Киану Ривза.

Игорь ЛЕГКОВ